

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

смена

№2 ФЕВРАЛЬ

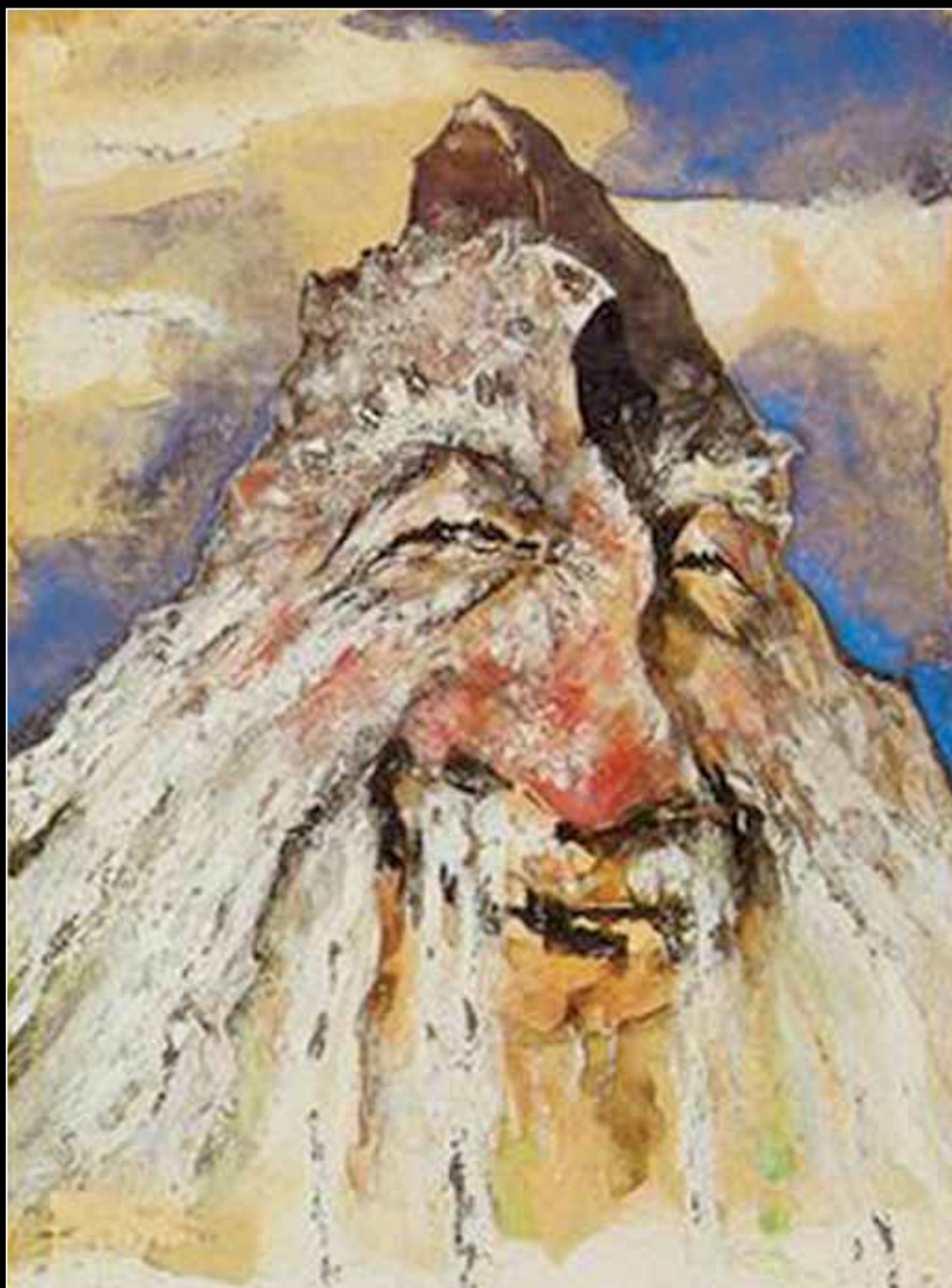
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

Эвклид Кюрдзидис:

*«Актером становятся
в течение всей жизни»*

*О жизни и творчестве художника Эмиля Нольде
читайте на странице 72.*

Неизвестное об известном

Юрий Осипов	Михаил Пришвин. «Я — храбрый заяц»	4
-------------	---	---

Памятные имена

Денис Логинов	Братья Загоскины	14
---------------	------------------------	----

Это интересно

Татьяна Моженок-Нинэн	«Пока на белом свете есть Гасконь»	23
Евгения Гордиенко	Жизненная сила Ивана Поддубного....	82
Дмитрий Зелов	Скованные одной цепью.....	116

Рассказ

Светлана Маслова	Повороты судьбы	30
------------------	-----------------------	----

Звезды не гаснут

Георгий Кричевский	«Великий лжец»	44
--------------------	----------------------	----

Поэзия

Галина Рябинина	Стихи	62
-----------------	-------------	----

Замечательные современники

Елена Воробьева	Эвклид Кюрдзидис: «Актером становятся в течение всей жизни, а не по окончании вуза»	65
-----------------	---	----

Судьба художника

Ирина Опимах	Эмиль Нольде, или Победа искусства над идеологией	72
--------------	--	----

Житейские истории

Татьяна Окоменюк	Снегурка	89
------------------	----------------	----

Уголки России

Александр Обоимов	Там, где рождается рассвет.....	96
-------------------	---------------------------------	----

Итоги конкурса

Дмитрий Григорьев	Сын браконьера	104
-------------------	----------------------	-----

Посмеемся вместе

Евгения Луговая	Самый французский поцелуй.....	119
-----------------	--------------------------------	-----

Детектив

Анна и Сергей Литвиновы	«Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать...»	126
-------------------------	--	-----

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино Эвклид Кюрдзидис.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.01.2021

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«О Мамине-Сибиряке говорили много и многие. Чехов, с которым он водил давнее знакомство, так отзывался о собрате по перу: «У Мамина все слова настоящие, да он и сам ими говорит и других не знает». Характер у писателя был неукротимый, вспыльчивый. При этом он обладал незащищенной, трогательной натурой, что открывалось не сразу и не всякому. Ярче всего она проявлялась в произведениях «певца Урала».

Юрий **Осипов** «Певец Урала»

«Про «ярмарку невест» в Москве мы практически ничего не знаем. А она в свое время гостеприимно распахивала свои двери для всех, кто хотел приобщиться к светской жизни и, заодно, присмотреть себе невесту. Так что же это была за «ярмарка»? И почему все так стремились на нее попасть, что влезали в долги и ехали за тридевять земель из дальних губерний? Или дело стоило того?..

Денис **Логинов** «В Москву на ярмарку невест»

«С давних времен юные девицы мечтали о сказочном принце, который на белом коне увезет их в свой волшебный замок, где они будут жить в любви и согласии. Но появления принца можно ждать годами, да так и не дожждаться. Правда, бывали редкие случаи, когда мечта сбывалась, и самая обыкновенная девушка-бесприданница выходила замуж за настоящего принца. Именно так и произошло с простой русской девушкой, да к тому же сиротой, которая ни о каких принцах даже не помышляла.

Владимир **Братченко** «Русская принцесса королевства Сиам»

«В их отношениях было все: вспыхнувшая любовь, беспредельное счастье, вспышки ревности, яростные ссоры и примирения, свадьба, развод, снова свадьба и снова расставание... О них писали, их возносили до небес и обливали грязью. Этот союз называли «браком века». Они были... словом, они были Элизабет Тейлор и Ричард Бертон.

Алла **Зубкова** «Любовь Клеопатры»

«Окончание детектива Анны и Сергея **Литвиновых** «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать...»

Михаил Пришвин

Юрий Осипов

«Я –
храбрый
заяц»

С пришвинскими рассказами и сказками о природе был знаком в Советском Союзе едва ли не каждый первоклашка. Их ему читали родители, а затем он сам осваивал по ним в школе наряду с Пушкиным родную речь. Эти немудреные, прозрачные произведения дарят юному читателю гармонию и спокойствие, пронизывая душу теплым солнечным светом и радостью. А рядом существуют у писателя столь же светлые вещи для взрослых, которые признаны образцовой русской прозой.

В своем творчестве Пришвин исследовал важнейшие вопросы человеческого бытия, размышляя о

смысле жизни, религии, о нерасторжимых связях человека с природой, о тайне взаимоотношений мужчины и женщины.

Однако сам он главным и лучшим своим созданием считал сокровенные дневники, которые вел на протяжении 50 лет. Писатель возил Дневники с собой из города в город, из дома в дом. Однажды, возвращаясь с охоты, он вдруг увидел, что его деревенский дом горит, вбежал в охваченную огнем комнату и схватил не деньги, не шубу, а саквояж с тетрадями Дневников. Дом сгорел, но 120 тетрадей дневниковых записей чудом уцелели и составили

18 печатных томов — в два раза больше, нежели все художественные произведения Пришвина.

О существовании Дневников не знали даже близкие автора. Беспартийный писатель, избегавший любого упоминания политики в своих книгах, знал, что, если к нему с обыском придут сотрудники НКВД и найдут эти тетради, его участь будет решена. Однако и не вести их из страха ареста он не мог. И как-то записал о себе: «Я вообще не храбрый человек, но когда жизнь ставит в такие обстоятельства, что нужно вести себя храбро, то веду себя именно очень храбро. Наверное, я — храбрый заяц». Публикация Дневников стала возможной лишь в 1991 году.

Михаил Михайлович Пришвин родился 4 февраля (23 января) 1873 года в селе Хрущево-Левшино Елецкого уезда Орловской губернии. Село это в свое время прикупил его дед, елецкий купец первой гильдии Дмитрий Иванович Пришвин. В семье у него росло пятеро детей. Отец писателя, Михаил, после семейного раздела получил во владение имение Костандылово и немалые денежные средства, на которые занялся разведением орловских рысаков и даже брал призы на бегах. Кроме этого, он увлекался садоводством и слыл страстным охотником.

Увы, столь же страстно Михаил Дмитриевич отдавался картежной игре, спустил в результате все состояние и в погашение долга продал конезавод и заложил имение. Умер он, разбитый параличом, ког-

да будущему классику русской литературы исполнилось семь лет. В романе «Кашеева цепь» писатель вспоминает, как перед смертью отец здоровой рукой нарисовал ему «голубых бобров» — символ своей несбывшейся мечты.

Мать Пришвина, Мария Ивановна, происходившая из старообрядческого рода Игнатовых, осталась после кончины мужа с пятерыми детьми на руках и с именем, заложенным по двойной закладной. Тем не менее, ей удалось выправить материальное положение и дать детям достойное образование.

Михаил начинал с деревенской школы, а потом был принят в первый класс елецкой классической гимназии, где за шесть лет учебы дошел только до четвертого класса. Вступив в конфликт с учителем географии, выдающимся русским религиозным философом, литературным критиком и публицистом В. Розановым, он был за «дерзость учителю» отчислен из гимназии с так называемым «волчьим билетом». Братья же его учились успешно и выбились в люди. Старший стал акцизным чиновником, а двое других — врачами.

Впрочем, и сам Михаил, проживая в Тюмени у своего дяди, купца И. Игнатова, владельца судостроительного завода, проявил впоследствии способности к учебе. В 1883 году после окончания Тюменского реального училища он, не поддавшись на уговоры бездетного дяди унаследовать его дело, продемонстрировал полное бескорыстие,

уехал в Елабугу, сдал там экстерном экзамены за полный курс классической гимназии и осенью того же года поступил на химико-агрономическое отделение Рижского политехнического института. Студентом молодой Пришвин оказался весьма активным. Вступил в русскую студенческую корпорацию *Fraternitas Arctica*, кстати, тогда единственную в мире, членство в которой, как правило, длилось всю жизнь, и которая объединяла студентов и выпускников вузов на основе верности принципам братства, патриотизма, стремления к знаниям.

Активность Михаила распространилась также на запрещенную политическую деятельность, что привело затем к его отчислению. Он принимал участие в деятельности одного из марксистских кружков и перевел книгу немецкого социалиста А. Бебеля «Женщина и социализм». В 1879 году последовали арест и полугодовое заключение Пришвина в Лифляндскую тюрьму. А затем — еще на полгода одиночка в Митавской тюрьме и высылка в Хрущево под гласный надзор полиции с запретом проживать в крупных городах империи.

На этом, однако, годы учебы будущего писателя не закончились. Уступая настояниям матери, Пришвин в 1900 году отправился слушать лекции в Германию, в прославленный Лейпцигский и столь же именитый Йенский университет. Весной 1902 года, получив диплом инженера-землеустроителя, он вернулся на родину.

Работа агрономом на хуторе графа Бобринского и в других сельхозугодьях, сотрудником вегетационной лаборатории нынешней Тимирязевской академии и корреспондентом журнала «Опытная агрономия», где он опубликовал десятки статей, а затем выпустил брошюру «О разведении раков» и объемистую монографию, посвященную картофелю, казалось бы, окончательно определила вектор профессиональных увлечений молодого Пришвина.

Однако неожиданно уволившись в 1905 году с опытной станции, он начал параллельно сотрудничать с либеральными газетами «Русские ведомости», «Речь», «Утро России», а еще пописывать рассказы в детский журнал «Родничок» о нерасторжимом единстве человека с природой.

Вскоре Пришвин окончательно оставил профессию агронома и целиком переключился на литературное творчество.

Его манили этнография и фольклор, побуждая к путешествиям по Русскому Северу. В Выговском крае Олонецкой губернии он записал 38 народных преданий, которые составили сборник «Северные сказки». Но главное — под впечатлением этой экспедиции Пришвин написал книгу «В краю непуганых птиц», которая принесла ему широкую известность и за которую он был награжден Серебряной медалью Русского географического общества.

Далее путь писателя лежал по Северной Двине в Архангельск, а

оттуда — по берегам Белого моря до Кандалакши. Он пересек весь Кольский полуостров, побывал на Соловках и после плавания на пароходе вокруг Скандинавского полуострова вернулся в Петербург. Теперь это был уже зрелый, закаленный нелегкими странствиями человек, четко осознавший свое предназначение в жизни и литературе.

Интерес к личности и творчеству Пришвина проявляли такие маститые художники слова, как Д. Мережковский, М. Горький, А. Толстой, А. Ремизов. Михаил Михайлович

В годы Первой мировой войны Пришвин несколько раз выезжал на фронты корреспондентом различных газет, куда отправлял свои военные очерки, сблизившись с радикальной партией эсеров и их газетой «Воля народа». Там он помещал антибольшевистские статьи и дал глубоко негативную оценку Октябрьской революции. Такая позиция в разгар «Красного террора» свидетельствовала о его большом гражданском мужестве. За эту «крамолу» Пришвин был отдан под суд и некоторое время находился в

Спасаясь от неприглядной действительности, писатель с головой ушел в охоту и краеведение. В результате родились циклы детских рассказов, составивших впоследствии книгу «Календарь природы», которая принесла Пришвину заслуженную славу певца флоры и фауны средней полосы России

был принят равным в их элитарный круг. Но надолго он в нем не задержался. Его по-прежнему влекли дальние дороги. В 1908 году в результате длительной поездки по Заповолжье родилась занимательная книга «У стен града невидимого». Потом пришел черед Казахстану и Крыму и посвященным им ярким очеркам. Появляются также разнообразные художественные произведения Пришвина, которые вошли в его первое собрание сочинений (1912–1914), выпущенное при содействии М. Горького.

пересыльной тюрьме. Спасло заступничество Горького. Причем, выйдя из тюрьмы, писатель не побоялся ввязаться в открытую полемику с Блоком, который выступил на стороне советской власти, призывая творческую интеллигенцию к примирению с большевиками. Чтобы избежать повторного ареста, Пришвин в апреле 18-го покинул Петроград и в небольшом имении под Ельцом, унаследованном от матери, стал заниматься крестьянским трудом. Осенью имение было реквизировано постановлением мест-

ного Совета, после чего Михаил Михайлович устроился библиотекарем в селе Рябинки, а затем учителем географии в бывшей Елецкой гимназии.

Первой супругой писателя стала крестьянка из Смоленской деревни Ефросинья Бадыкина. Для нее это был второй брак, хоть и гражданский, в который она вступила, будучи матерью сына, который погиб на фронте во время гражданской войны. Пришвину она родила еще трех сыновей. Младший умер в младенчестве, другой стал популярным беллетристом, писавшим под псевдонимом Лев Алпатов и входивший в литературную группу «Перевал». А третий тоже пошел по стопам отца и сделался охотоведом.

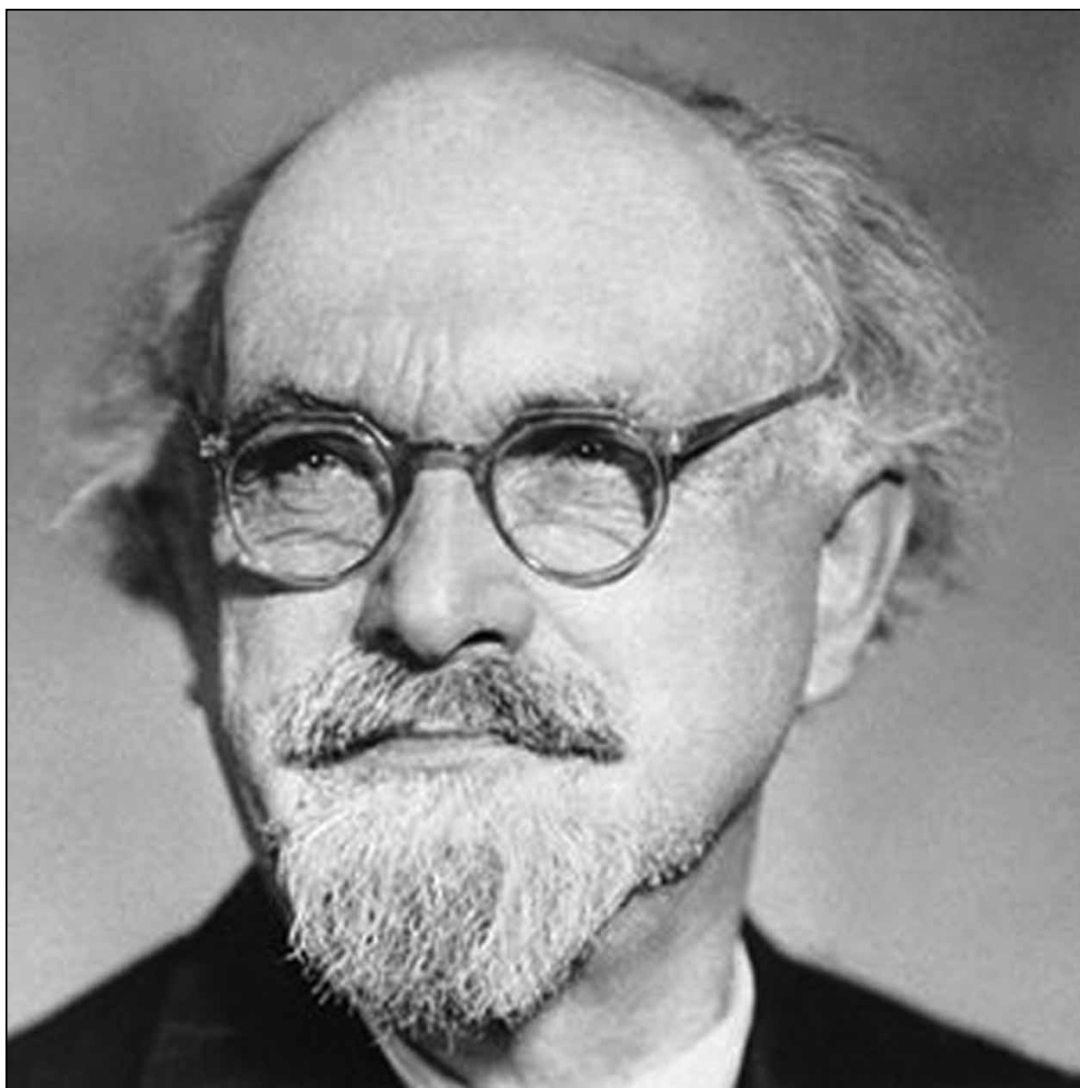
В Дневниках Пришвин называет первую жену Фросей или Павловной, упоминает ее с нежностью, но истинного взаимопонимания между ними, по всей видимости, не было. Между тем жизнь семьи складывалась нелегко. Девятнадцатый год оказался для Михаила Михайловича особенно тяжелым. Он разом лишился брата Николая, сестры Лиды (мать и двое остальных братьев умерли раньше). Учителство за гроши в сельской школе и одновременно работа по организации Музея усадебного быта в бывшем имении купца Барышникова (село Алексин) отнимали много сил и времени.

Несмотря на это, он упорно продолжал литературное творчество и в 20-м написал повесть частично

автобиографическую «Мирская чаша», которую предложил влиятельному журналу «Красная новь». Увы, его главный редактор, коммунист А. Воронский, отказался ее печатать. Тогда автор послал повесть Троцкому, в сопроводительном письме выразив надежду на то, что «советская власть должна иметь мужество дать существование целомудренно-эстетической повести, хотя бы она и колола глаза». Председатель Реввоенсовета республики ответил: «Признаю за вещью крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна». В итоге «Мирская чаша» увидела свет только спустя 60 лет.

Лед тронулся в 1923 году, когда в московском издательстве «Круг» вышел первый сборник дореволюционных очерков Пришвина под общим названием «Черный араб». За ним последовал сборничек рассказов для детей «Матрешка в картошке».

Писатель смирился с новой властью. Жил он тогда то в Ельце на Смоленщине, то в Подмосковье и, спасаясь от неприглядной действительности, с головой ушел в охоту и краеведение. В результате родились новые циклы детских рассказов, составивших впоследствии книгу «Календарь природы» (1936). Она принесла Пришвину заслуженную славу певца флоры и фауны средней полосы России. В те же годы он продолжал писать автобиографический роман «Кашеева цепь»,

над которым трудился до последних дней жизни.

Этого тихого, вдумчивого неторопливого человека отличали обстоятельность при удивительном спокойстве души и постоянной жажде перемен. В 30-е годы на Горьковском автозаводе он учился разбираться в автомобиле, приобрел фургон и путешествовал на нем по стране, ласково называя его «Машенькой». В последние годы жизни лихо водил «Москвич-401» и содержал «капризную» машину в идеальном порядке.

Будучи человеком семейным, ценившим домашний уют, Михаил Михайлович не мог обходиться без длительных писательских поездок, питавших его творчество. Добрался до Дальнего Востока, а потом написал повесть «Женьшень» («Корень жизни», 1933). Проехал по Беломоро-Балтийскому каналу, строившемуся руками заключенных, наведлся в Соловецкий лагерь и на основе полученных впечатлений создал роман «Осударева дорога».

«Речка была неширокая, лебеди не смели нас пропустить, не могли

нам и довериться, и тоже не могли бросить детей и улететь. Им оставалось только плыть поскорее вперед...» Умение пытливно вглядываться в мир дикой природы и доносить до читателя его запахи, краски, его драмы и радости, одухотворять каждое деревце, каждую травинку делало незатейливую прозу Пришвина любимой детьми и взрослыми. Прибавим, что не стареет она и сегодня.

На Русский Север в середине тридцатых писатель отправился уже

сал о сказочном, не тронutom топором корабельном лесе. «Лес там — сосна за триста лет, дерево к дереву... И такие ровные деревья и такие чистые! Одно дерево срубить нельзя, прислонится к другому, а не упадет».

Уже первую книгу — «В краю непуганых птиц» — Пришвин проиллюстрировал своими снимками, сделанными с помощью принадлежавшего попутчику громоздкого

В конце 30-х на Пришвина обрушилась критика с обвинением в аполитичности. Журналы и газеты наперебой уверяли, что «беленький Пришвин» не замечает военной угрозы для СССР и продолжает писать про «полянки и обитателей леса». Его новую книгу «Лесная капель» отказывались издавать, но в суровом 43-м все же выпустили ее. Пришвин тогда написал в дневнике: «Понадобилась, понадобилась людям красота!

вместе с подросшим сыном Петром, что доставило обоим большую радость, хотя путешествие было трудным. Представьте: по Вологде, Сухоне и Северной Двине плыли парохомом до Верхней Тоймы. Оттуда на лошадях добирались до верхнепинежских сел, затем на весельной лодке — по Илеше до верховьев Коды. А дальше пешком через дремучий лес — к легендарной «Берендеевой чаще»... Пришвин искал ее и нашел. А по возвращении описал в одноименной книге очерков. Он пи-

фотоаппарата. С того далекого 1906 года Михаил Михайлович буквально «заболел» фотографией. В 20-е начал с присущей ему серьезностью изучать это техническое искусство. В его дневнике появились записи о заказе в 1929 году в Германии карманной фотокамеры «Лейка». Все приемы моментальной съемки он довел по дневниковым записям до автоматизма. Причем отмечал, что с тех пор, как завел фотокамеру, стал «фотографически думать», называл себя «художником света». Интерес-

но следующее наблюдение Пришвина: *«Конечно, настоящий фотограф снял бы лучше меня, но настоящему специалисту и в голову никогда не придет смотреть на то, что я снимаю: он это никогда не увидит»*.

Увидел и запечатлел на фото-пленку писатель серию снимков под названием «Когда били колокола» в Троице-Сергиевой лавре в январе все того же 30-го года.

А в конце 30-х на него обрушилась критика с обвинениями в аполитичности. Журналы и газеты наперебой уверяли, будто «беленький Пришвин» не замечает военной угрозы для СССР и продолжает писать про полянки и обитателей леса. Его новую книгу «Лесная капель» отказывались издавать. И все же вспомнили о ней и выпустили в суровом 43-м. «Понадобилась, понадобилась людям красота!» — записал Пришвин в дневнике.

В 1940 году ему исполнилось 67 лет. В дальние дороги здоровье больше не пускало. Вот уже четыре года он жил один в писательском доме в Лаврушинском переулке, оставив бывшей жене Ефросинье Павловне дом в Загорске. Тогда Михаил Михайлович получил предложение продать или завещать Литературному музею свой архив и начал искать доверенного секретаря, который помог бы упорядочить рукописные завалы.

16 января к нему на квартиру явилась соискательница на эту должность — милая, скромная жен-

щина Валерия Дмитриевна Лебедева. Поначалу она Пришвину не очень понравилась, к тому же на улице так замерзла, что пришлось отпаивать ее чаем и предложить надеть теплые носки.

В следующий ее приход они проговорили до позднего вечера: каждый — о своей судьбе. *«Такой несчастной жизни я, пожалуй, не знаю»*, — записал Пришвин после их разговора. Валерия Лебедева к сорока годам пережила расстрел отца и горячо, хотя и безответно любимого человека, неудачное замужество, арест и несколько лет ссылки в Томскую область всего лишь за то, что во время яростной антирелигиозной кампании продолжала ходить в церковь.

Поначалу писатель даже боялся надеяться на новое чувство, которого так сильно ждал. Но потом в дневнике появилась запись: *«После нее остался у меня голубь в груди, с ним я и уснул. Ночью проснулся: голубь трепещет. Утром встал — все голубь»*. Два настрадавшихся в жизни, измученных, жаждущих любви человека неожиданно осознали, что, несмотря на 27-летнюю разницу в возрасте, не могут провести друг без друга ни дня.

Далее последовал мучительный развод с женой, ссоры с детьми, вплоть до писем с угрозами в адрес Ляли, как называл Валерию Пришвин. Но и она также готова была бороться за свое чудом обретенное счастье...

Они поженились и прожили счастливо все 14 лет до смерти писателя в 1954 году. За эти годы, которые он называл самыми светлыми в своей жизни, Пришвин написал чудесную сказку-быль «Кладовая солнца», книги о войне, роман «Осударева дорога» и повесть «Корабельная чаща».

Валерия Дмитриевна пережила мужа на 25 лет. Она превратила их дачу в Дунино в мемориальный музей Пришвина, готовила к изданию его неопубликованные произведения, расшифровывала и перепечатывала на машинке рукописи дневника, разбирала бесчисленные фотоснимки — беспристрастные свидетельства эпохи, веря, что наста-

нет день, когда все это творческое наследие мужа непременно увидит свет. Этот день настал, пусть и не при ее жизни.

Михаил Михайлович Пришвин скончался от рака желудка 16 января, знаменательно совпавшего с днем встречи своей любимой, и был похоронен на Введенском кладбище. Друг писателя, знаменитый скульптор Сергей Коненков, изваял могильный памятник, несущий идею творческого бессмертия. На камне распростерла крылья сказочная птица Сирин, символ Счастья. «Каждая строчка Пришвина будет вечно дарить людям счастье», — так думал скульптор, работая над памятником. И мы продолжаем в этом убеждаться.

Михаил Пришвин

ПТИЦЫ ПОД СНЕГОМ

У рябчика в снегу два спасения: первое — под снегом тепло ночевать, а второе — снег тащит с собой на землю с деревьев разные семечки на пищу рябчику. Под снегом рябчик ищет семечки, делает там ходы и окошечки вверх для воздуха. Идешь иногда в лесу на лыжах, смотришь — показалась головка и спряталась: это рябчик. Даже и не два, а три спасения рябчику под снегом: и тепло, и пища, и спрятаться можно от ястреба.

Тетерев под снегом не бежит, ему бы только спрятаться от непогоды. Ходов больших под снегом, как у рябчика, у тетеревов не бывает, но устройство квартиры тоже аккуратное: сзади отхожее место, впереди дырочка над головой для воздуха.

Серая куропатка у нас не любит зарываться в снег и летает ночевать в деревню на гумна. Перебудет куропатка в деревне ночь с мужиками и утром летит кормиться на то же самое место. Куропатка, по моим приметам, или дикость свою потеряла, или же от природы неумная. Ястреб замечает ее перелеты, и, бывает, она только вылетать собирается, а ястреб уже дожидается ее на дереве.

Тетерев, я считаю, много умнее куропатки. Раз было со мной в лесу. Иду я на лыжах; день красный, хороший мороз. Открывается передо мною большая поляна, на поляне высокие березы, и на березах тетерева кормятся почками.

Долго я любовался, но вдруг все тетерева бросились вниз и зарылись в снег под березами. В тот же миг является ястреб, ударился на то место, где зарылись тетерева, и заходил. Ну, вот прямо же над самыми тетеревами ходит, а догадаться не может копнуть ногой и схватить. Мне это было очень любопытно. Думаю: «Ежели он ходит, значит, чувствует их под собой, и ум у ястреба велик, а такого нет, чтобы догадаться и копнуть лапой на какой-нибудь вершок-два в снег.

Ходит и ходит».

Захотелось мне помочь тетеревам, и стал я подкрадываться к ястребу. Снег мягкий, лыжа не шумит; но только начал я объезжать кустами поляну, вдруг провалился в можжуху* по самое ухо. Вылезал я из провалища, конечно, уж не без шума и думал: «Ястреб это услышал и улетел». Выбрался и о ястребе уж и не думаю, а когда поляну объехал и выглянул из-за дерева, ястреб прямо передо мной на короткий выстрел ходит у тетеревов над головами. Я выстрелил. Он лег. А тетерева до того напуганы ястребом, что и выстрела не испугались. Подошел я к ним, шарахнул лыжей, и они из-под снега один за другим как начнут вылетать; кто никогда не видал, обомрет.

Я много всего в лесу насмотрелся, мне все это просто, но я все-таки дивлюсь на ястреба: такой умнейший, а на этом месте оказался таким дураком. Но всех дурашливей я считаю куропатку. Избаловалась она между людьми на гумнах, нет у нее, как у тетерева, чтобы, завидев ястреба, со всего маху броситься в снег. Куропатка от ястреба только голову спрячет в снег, а хвост весь на виду. Ястреб берет ее за хвост и тащит, как повар на сковороде. □

* (Можжухи — кусты можжевельника; когда их снегом завалит, не видишь этих кустов, а снег не выдержит — и провалишься.)

Удивительная вещь — человеческая память. Особенно в России. При жизни человек мог достичь блестящих успехов, прославиться, его имя было у всех на устах, но...

Проходит совсем немного времени, и все исчезает, как дым. Нет, имя иногда вспоминают, но уже смутно представляют себе, чем оно было знаменито. Особенно если этот человек не был замешан ни в каких скандалах, не вступал в неравный брак, не участвовал в дуэлях, не фрондировал — просто жил и трудился.

Именно так сложились судьбы двух двоюродных братьев Загоскиных — писателя и флотского лейтенанта, о которых теперь мало кто вспоминает.

А вспомнить, право, есть о чем. Вспомнить и отдать дань памяти двум незаурядным людям, деяния которых были в свое время у всех на устах. Которые при жизни были подлинными «властителями дум», причем в самом хорошем смысле этого понятия.

Денис
Логинов

Братья Загоскины

*Михаил
Николаевич
Загоскин*

Русский драматург и писатель Михаил Николаевич Загоскин родился в июле 1789 года в Пензенской губернии в семье помещика Николая Михайловича Загоскина и Натальи Михайловны, тетки Мартынова, печально известного дуэлью с Лермонтовым. Семья была необычной для того времени: отец и мать увлекались литературой и собрали значительную библиотеку. Отец покупал на ярмарках огромное количество книг и давал их читать своим детям. Уже в 11 лет будущий писатель сочинил трагедию «Леон и Зыдея» и повесть «Пустынник». К лучшему или нет, но от обоих произведений сохранились только названия да восторженные отзывы родителей юного литератора в письмах к друзьям.

Как ни странно, Михаил получил лишь домашнее образование, причем весьма посредственное, и впоследствии в рукописях допускал многочисленные грамматические ошибки, часть из которых попадала и в печатные издания.

Его троюродный брат, сын пензенского губернатора Филипп Вигель, так вспоминал впоследствии о своем юном родственнике:

«Ему было тогда лет четырнадцать, и уже по тогдашнему обычаю его готовили на службу, хотя учение его не только не было кончено, мне кажется, даже не было начато. Имя Миши, коим звали его, было ему весьма прилично; дюжий и неуклюжий, как медвежонок, имел он до-

вольно суровое, но свежее и красивое личико».

Вигель в 1802 году привез Мишу Загоскина в Санкт-Петербург, где тот поступил на службу в канцелярию государственного казначейства Голубцова. Служба забирала практически все время. Бросить ее или манкировать своими обязанностями было нельзя: семейство обеднело, и Михаилу нужно было помогать содержать братьев и сестер.

Через три года усердной службы Загоскин стал сенатским регистратором. В 1807 году перешел на службу в Горный департамент, затем два года прослужил в Государственном ассигнационном банке, а потом был переведен в Департамент горных и соляных дел. Годовое жалование составляло сто рублей. На эти скромные средства Загоскин и жил, не надеясь на какое-то улучшение своего довольно безрадостного существования.

Но грянул 1812 год, перевернувший всю жизнь в России. В разгар французского вторжения, 9 августа 1812 года, Загоскин записался в петербургское ополчение, которое предназначалось в подкрепление корпуса Витгенштейна. Когда 6 октября ополчение вступило в первый бой при взятии Полоцка, Загоскин был ранен в ногу и получил орден Святой Анны 3-й степени с надписью: «За храбрость». После лечения он вернулся в полк, был назначен адъютантом к графу Ф.Ф. Левизу и пробыл в этой должности всю войну.

Мало кто из его сослуживцев и вообще чиновников мог похвастаться таким достижением.

Вернувшись в начале 1815 года в Санкт-Петербург, Михаил Николаевич снова поступил на службу в Департамент горных и соляных дел, но уже на должность помощника столоначальника, что означало серьезную прибавку к жалованию.

Тогда же он написал пьесу «Проказник» и отправил ее письмом драматургу князю А.А. Шаховскому, который в то время служил членом репертуарной части казенного театра. Шаховской пожелал познакомиться с неизвестным автором, и знакомство это стало судьбоносным.

«Проказник» был поставлен в Петербурге один или два раза. За ним последовала пьеса «Комедия против комедии, или Урок волокитам». Ей сопутствовал гораздо больший успех, пьеса часто шла в театрах, и Загоскин в одночасье стал известным писателем.

Он оставил службу в Горном департаменте и в конце 1817 года был назначен помощником члена репертуарной части при дирекции Императорских театров, а параллельно издавал и редактировал журнал «Северный наблюдатель», который стал продолжением журнала «Русский пустынный, или Наблюдатель отечественных нравов».

В журнале Загоскин публиковал статьи, нравоучительные очерки под разными псевдонимами: Ювенал Бе-

невольский, Обитатель Лиговского канала, М.З. Житель Лиговского канала, вел театральный раздел, а также продолжал писать пьесы-комедии: «Богатонов, или Провинциал в столице», «Вечеринка ученых», две интермедии: «Макарьевская ярмарка» и «Лебедянская ярмарка».

Отклики на эти пьески были восторженно-похвальными, но сами постановки довольно быстро сходили со сцены и забывались. Зато имя молодого драматурга становилось все известнее и популярнее.

В том же году, вопреки желанию родственников, Загоскин женился, взяв в жены незаконнорожденную дочь бригадира Дмитрия Александровича Новосильцева Анну Дмитриевну Васильцовскую. В браке родились сыновья Дмитрий, Николай и Сергей (последний дослужился на архивной службе до чина тайного советника и оставил интересные мемуары).

Позднее, после переезда в Москву, они поселились в Гагаринском переулке у влиятельного тестя. Но жили весьма скромно.

С.Т. Аксаков вспоминал:

«Загоскин жил в доме своего тестя, в мезонине с женой и детьми, и помещался очень тесно. Я видел, что мое посещение его смутило. Комнатка, в которой он меня принял, была проходная; все наши разговоры могли слышать посторонние люди из соседних комнат, а равно и мы слышали все, что около нас говорилось, особенно потому, что

кругом разговаривали громко, нимало не стесняясь присутствием хозяина, принимающего у себя гостя. Загоскин, очень вспыльчивый, беспрестанно краснел, выбегал, даже пробовал унять неприличный шум, но я слышал, что ему отвечали смехом. Я понял положение бедного Загоскина посреди избалованного, наглого лакейства, в доме госпожи, представлявшего в себе отражение старинного русского капризного барина екатерининских времен, по-видимому, не слишком уважавшего своего зятя».

В Москве Михаил Николаевич начал писать стихи, в результате чего появилась комедия в стихах «Урок холостым, или Наследники». Надо сказать, что пьесы Загоскина пользовались большим успехом в московских театрах, а вот стихи не привлекли особого внимания читающей публики. Вспомним, что именно в это время взошла звезда молодого Пушкина, чья яркая жизнь была для любителей поэзии дополнительным стимулом для интереса и восхищения.

В мае 1822 года Загоскин поступил на службу чиновником особых поручений при московском военном генерал-губернаторе с исправлением должности экспедитора по театральному отделению, а затем занял место члена по хозяйственной части московских театров.

Жизнь постепенно налаживалась, правда, очень медленно и с трудом, несмотря на то, что имя Загоскина

уже было очень популярным среди театральной публики. Перелом произошел, когда драматург решился стать писателем. Несколько лет он собирал материалы для исторического романа из эпохи Смутного времени и обрабатывал их, и, наконец, в конце 1829 года вышел в свет исторический роман в трех частях «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году».

Роман получил восторженные отклики и вскоре стал самым популярным произведением этого жанра на русском языке. В.Г. Белинский назвал его «первым хорошим русским романом», и он пользовался оглушительным успехом. С.Т. Аксаков вспоминал, что стесненные обстоятельства Загоскиных закончились после того, как публикация «Юрия Милославского» принесла главе семейства всероссийскую известность.

Жуковский «прочитал роман в один присест, не покидая книги до поздней ночи». Пушкин поздравил Загоскина с «успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи» и далее писал ему в письме:

«Все читают его. Дамы от него в восхищении».

А губернаторша Костромы даже перевела «Милославского» на английский язык и отправила Вальтеру Скотту.

Одним словом, книга нашла своего читателя, ее читали и в деревенских избах, и в императорском

дворе, она была переведена на шесть языков.

Продолжая историческую тему, в 1831 году Загоскин издал роман «Рославлев, или Русские в 1812 году». Первый тираж романа был быстро распродан. В скором времени последовало еще два переиздания. До появления «Войны и мира» это была самая популярная книга об Отечественной войне 1812 года.

Со второй книгой Михаилу Николаевичу было тяжелее, чем с первой, ведь герои Отечественной Войны 1812 года еще были живы, читателю могло не понравиться то или иное видение происходящего в глазах автора. Но он справился с задачей, беспристрастно описав эту страницу русской истории, в которой было все: подвиг и трагедия, слава и горе, грусть и веселье.

После ошеломительного триумфа двух самых читаемых романов того времени Загоскин в 1833 году стал действительным членом Российской академии, а когда ее присоединили к Академии наук — почетным академиком по отделению русского языка и словесности.

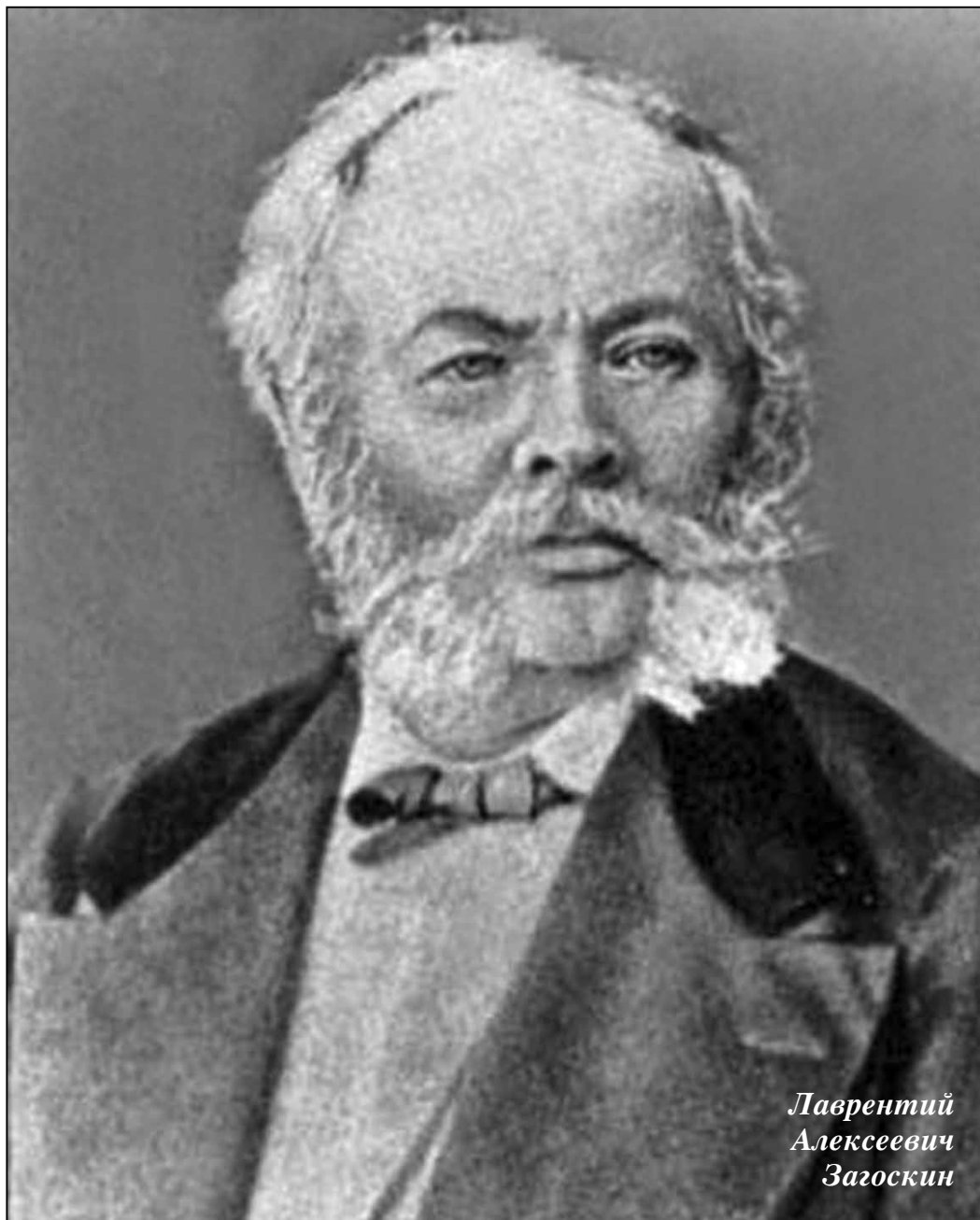
Вслед за этими романами вышел в свет его третий исторический роман «Аскольдова могила» — о далеких временах Владимира Красно Солнышко. К удивлению автора, «древнеславянский» колорит романа был плохо встречен публикой. Тем не менее, на основе романа он написал либретто для оперы Верстовско-

го «Аскольдова могила». Опера была поставлена в 1835 году и пользовалась большой популярностью. (Кстати, ее, в отличие от романа, публика не забыла.)

После неудачи «Аскольдовой могилы» Загоскин на некоторое время прекратил писать о русской истории. Под влиянием гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки» он издал целый том южнорусских повестей о бесах и привидениях под названием «Вечер на Хопре». Новелла «Белое привидение» из этого сборника содержит детективную линию и ее можно считать «прабабушкой» отечественного детектива. Книга вызвала у читателей огромный интерес, и тиражи произведений Загоскина продолжали расти вместе с гонорарами и известностью писателя. Нам сейчас трудно поверить, что в тридцатых годах девятнадцатого века на вопрос о любимом писателе подавляющее большинство читателей отвечало: Загоскин. Не Пушкин, не Гоголь, а именно Загоскин. Его знали и любили не только в обеих столицах, но и в глухих губернских городах и имениях.

— Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение? — вопрошает героиня бессмертной комедии Гоголя Анна Андреевна Сквозник-Дмухановская.

И Иван Александрович Хлестаков без всяких колебаний подтверждает это. Но дочь городничего Марья Антоновна решительно против:

— Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

— Ах да, это правда, — уступает Хлестаков, — это точно Загоскина; но есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

— Ну, это верно, я ваш читала, — восклицает Анна Андреевна. — Как хорошо написано!»

Премьера «Ревизора» состоялась в Малом театре 25 мая 1836 года. Писатель Михаил Николаевич Загоскин присутствовал на спектакле и

не мог сдержать своего ликования. Упоминание его романа (никакого другого «Юрия Милославского», само собой разумеется, не существовало) при стечении самой блестящей московской публики прозвучало как апофеоз читательского признания.

Пикантная деталь: ходили упорные слухи, что прототипом Хлестакова был... сам Загоскин — неутомимый рассказчик, большой фантазер и выдумщик. Сам он эту версию не поддерживал, но и не опровергал, делая загадочное лицо и пускаясь в рассуждения о тонкостях литературного процесса. Автор «Ревизора» только пожимал плечами и ссылался на большое уважение, которое он испытывает к своему близкому другу.

В 1837 году вышла первая часть «Повестей Михаила Загоскина», в следующем году — вторая. Книги хорошо раскупались. «Тоска по родине», написанная в 1839 году, требовала второго издания.

А вот о Пушкине уже начинали забывать. Лермонтова пока еще мало кто знал, разве что в связи со скандальным стихотворением «На смерть поэта». Но оба впоследствии попали в школьные программы по литературе, где о Загоскине не было ни словечка. Как будто не существовало в России такого невероятно популярного писателя.

Один за другим, с перерывами года в два, появлялись новые романы Загоскина: «Кузьма Петрович Мирошев» — критики ставили

его в один ряд с «Юрием Милославским», «Брынский лес» о первых годах царствования Петра I, «Русские в начале восемнадцатого столетия».

Все они были благосклонно приняты публикой, но после этого Загоскин уже не писал крупных произведений. Только этнографически-бытовые очерки и комедии: «Недовольные», «Урок матушкам», «Заштатный город», «Поездка за границу», «Женатый жених».

Устал? Или вдохновение иссякло? В конце концов, суммарный тираж его произведений был по тем временам астрономический, да и в деньгах он более не нуждался. Всего им было написано 29 романов, повестей и рассказов, 17 комедий и один водевиль.

Михаил Николаевич Загоскин умер в возрасте 62 лет. Похоронен он в Новодевичьем монастыре. Его книги есть в библиотеках, а вот в книжных магазинах встретиться с ними большая редкость (хотя в сети Интернет и в книжных Интернет-магазинах издания Загоскина представлены).

Другому представителю семейства Загоскиных повезло больше — его не забывали, память о нем читали. Двоюродный брат писателя — Лаврентий Алексеевич — был прирожденным моряком, хотя родился в Пензенской губернии в 1808 году.

С 1820 года учился на подготовительных курсах в морском пансионе, затем в Морском кадетском

корпусе в Санкт-Петербурге, откуда был выпущен 25 сентября 1826 года в чине мичмана.

С 1827 года состоял на службе в Каспийской флотилии (Астрахань). Принимал участие во Второй русско-персидской войне, за что получил монаршее благоволение «за отличное усердие к службе, оказанное при транспортировании из Астрахани для войск Кавказского корпуса, действовавших против персиян» и был награжден годовым жалованием, медалью за персидскую кампанию и произведен в лейтенанты.

Но произошло несчастье: пароход «Аракс», на котором служил Загоскин, сгорел. Его обвинили в «преступной небрежности» и разжаловали в матросы 2-й статьи без лишения прав дворянства. К счастью, у него нашлись влиятельные заступники, благодаря которым Лаврентий Алексеевич был помилован, восстановлен в звании лейтенанта и переведен в Кронштадт.

После этого его карьера складывалась не только удачно, но и достаточно экзотично. С 1838 года он в течение 12 лет состоял на службе в Российско-американской компании. В 1842-1844 годах руководил исследованиями в районе залива Нортон и Коцебу, в бассейнах рек Юкон и Кускоквим, открыв при этом горный хребет, отделяющий Юкон от восточного побережья залива Нортон. В декабре 1845 года через Сибирь возвратился в Санкт-Петербург, а через три года вышел в отставку.

За исследования, проведенные в Русской Америке, он был награжден орденом Святой Анны III степени, а также избран действительным членом Русского географического общества.

Результатом этих исследований стала книга в 2-х частях «Пешеходная опись русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг. — с меркаторскою картою, гравированную на меди». В ней давалось первое подробное описание глубинных территорий полуострова, а также содержались ценные этнографические сведения о коренных жителях Аляски, указаны ареалы их расселения, имелась составленная Загоскиным точная карта нижней части бассейна рек Юкона и Кускоквима и побережья Берингова моря между их устьями.

Во всех отношениях — бесценный труд.

Оставив службу, Лаврентий Алексеевич поселился в селе Абакумово Пронского уезда Рязанской губернии, где его жена А.А. Томиловская получила в наследство небольшое имение. В семье родилось восемь детей.

Продажа Аляски Соединенным Штатам принесла ему глубокое разочарование. Загоскин передал свою коллекцию: костюмы, предметы быта, орудия, изделия колош с острова Ситха, островов Лисьих, племен прибрежья Берингова моря и краснокожих племен внутренних районов материка — комитету по устройству

первой русской этнографической выставки, организуемой Обществом любителей естествознания при Московском университете, а большую коллекцию разных предметов быта индейцев и эскимосов Русской Америки — создававшегося Рязанскому краеведческому музею.

Последние годы своей жизни Лаврентий Алексеевич прожил в Рязани. Там он и скончался в 1890 году. Похоронили его у стен Рязанского кремля.

В 1940–1941 годах об исследованиях Л.А. Загоскиным Аляски Сергеем Марковым был написан роман «Юконский ворон» — единственное произведение художественной литературы, посвященное этой экспедиции.

19 мая 2008 года, в связи с 200-летием со дня рождения путешественника, была подписана в печать книга А.А. Шилина «Лаврентий Алексеевич Загоскин: портрет на фоне эпохи». Это издание является результатом многолетнего труда и содержит самую детальную на сегодняшний день хронику жизни Л.А. Загоскина.

В 2018 году в селе Бахтемир (в прошлом — село Семирублевое) на фасаде Дома культуры, выходящем к реке Бахтемир, где сгорел пароход «Аракс», была открыта мемориальная композиция из двух базальтовых досок. На одной из них изображен портрет Л.А. Загоскина и приведены его биографические данные, на другой помещен текст:

«23 июня 1833 года возле села Семирублевое (Бахтемир) произошло событие, в результате которого Российский военно-морской флот потерял успешного военачальника, а мировая наука обрела известного путешественника, исследователя Русской Америки — Аляски, Алеутских островов, Северной Калифорнии».

В том же году ему были установлены памятники в Рязани и Пензе.

Через год памятник Лаврентию Загоскину был торжественно открыт на его малой Родине — в селе Николаевка Саловского сельсовета Пензенского района Пензенской области. На памятнике выгравирован текст: «Здесь, в селе Николаевка, родился выдающийся исследователь Русской Америки, морской офицер Лаврентий Алексеевич Загоскин. 1808–1890».

О нем вспомнили и по-другому. В 1992 году в России в честь 150-летия исследований Аляски Лаврентием Загоскиным была выпущена почтовая марка «Л.А. Загоскин. Исследование Аляски, 1842–1844», а в 2018-м почтовой службой России была выпущена почтовая карточка с изображением бюста путешественника.

Удивительный пример того, как в России умеют помнить и чтить выдающихся личностей... если захотят. Одного из Загоскиных почти забыли, второго практически возвели в ранг национального героя.

Ну как тут не вспомнить строку Федора Тютчева: «*Умом Россию не понять*»? ▢

Татьяна Моженок-Нинэн

«Пока на белом свете есть Гасконь»

Фото автора

*Бургундия, Нормандия,
Шампань или Прованс,
И в ваших жилах
тоже есть огонь,
Но умнице-фортуны,
ей-богу, не до вас,
Пока на белом свете,
Пока на белом свете,
Пока на белом свете
Есть Гасконь.*

*Ош. Монумен­тальная
лестница и памятник
д'Артаньяну*

По следам д'Артаньяна

В гасконском городке Кондом стоит памятник мушкетерам работы Зураба Церетели, который был открыт в 2010 году. Вглядитесь в лица брон-

зовых мушкетеров — они вам никого не напоминают? Ну конечно, героев любимого всеми фильма Г. Юнгвальд-Хилькевича, цитатой из песни которого и начинается наш рассказ о Гаскони и д'Артаньяне.

В Оше, столице Гаскони, д'Артаньян встретит вас повсюду — и при въезде в город, и на монументальной лестнице, 374 ступени которой соединяют нижний и верхний город. Вот он, любимый литературный герой — в широкополой шляпе, свободном плаще, в высоких ботфортах и с неизменной шпагой, гордо вззирающий вдаль. Разумеется, ни эту статую, ни лестницу настоящий д'Артаньян, капитан королевских мушкетеров Шарль де Батц де Кастельмор (1613?–1673), взявший более звучное имя матери — д'Артаньян, никогда не видел, как, впрочем, и Александр Дюма. Удивительно: знаменитый романист, исколесивший чуть ли не пол-России, до Гаскони не доехал, в отличие от не менее известных писателей Ша-

тобриана, Стендаля и Гюго. Шато-бриан лечился в Гаскони, знаменитой своими термальными источниками, а в конце жизни страстно влюбился в прекрасную Леонтину

*Люпьяк.
Памятник д'Артаньяну
и вид на церковь*

Замок Кастельмор

де Вильнев. Ему был 61 год, Леонтина — 26... Стендаль посетил Ош в качестве туриста. Автору «Красного и черного», правда, Ош не приглянулся. Стендаль не любил готику, поэтому ни уникальная резьба и скульптуры хоров, ни сохранившиеся витражи не произвели на него должного впечатления. Он усмотрел в них лишь проявление плохого вкуса и провинциальности. Виктор Гюго, напротив, остался в восторге от города. Уже прославленный к тому времени автор «Собора Парижской Богоматери» путешествовал в 1843 году инкогнито в сопровождении своего «доброго ангела» Жюльетты Друэ. По трагическому совпадению, Гюго осматривал Ош в тот самый день, когда его

любимая дочь Леопольдина утонула в Сене... Писатель узнал об этом позже, когда, сидя в кафе в Рошфоре, читал газету...

Но вернемся к Дюма и д'Артаньяну. Капитан королевских мушкетеров, родившийся в замке Кастельмор, вернулся в Ош в 1660 году. Ему была предоставлена честь сопровождать молодого короля Людовика XIV в Сан-Жан-де-Люз на венчание с инфантой Марией-Терезией. Можно себе представить, с каким чувством въезжал капитан в родной край, который покинул четверть века назад безвестным юношей, полным надежд и мечтаний о славе...

Заглянем и мы в нынешний музей д'Артаньяна: два больших зала с любовно составленной коллекцией и обширными комментариями, старинные гравюры, шпаги, мушкеты, восковые фигуры и деревянная статуя мушкетера, исследования о «настоящем д'Артаньяне», прототипе литературного героя Шарле де Батце Кастельморе. Все эти музейные экспонаты сразу напоминают о романе Гасьена де Куртиль де Сандра «Воспоминания господина д'Артаньяна», написанные 30 лет спустя после смерти капитана королевских мушкетеров. Де Сандра никогда не встречался с д'Артаньяном, но, находясь в тюремном заключении в Бастилии, немало времени провел в беседах с комендантом тюр-

мы господином де Бемо, знавшем д'Артаньяна лично. Именно эти мемуары и вдохновили Александра Дюма на роман.

От музея рукой подать до родного поместья мушкетера — замка Кастельмор. В этом суровом замке он родился, здесь прошло его детство, отсюда он на «беарнском мерине желтовато-рыжей масти» отправился в Париж. Замок сегодня закрыт для посетителей и продается за 1 миллион 700 тысяч евро...

«Русский след» в Гаскони

А вот расположенный неподалеку от Оша замок Комон, принадлежащий семье Кастельбажак и внесенный в список исторических памятников, охраняемых государством, открыт для посещений. Нынешний его владелец Гислен де Кастельбажак очень дружелюбно настроен к нашей стране. Предок Гислена, маркиз Арман де Кастельбажак, дивизионный генерал эпохи Первой империи, участвовал в Русской кампании Наполеона и вернулся из России с убеждением, что лучше быть другом, нежели врагом этой удивительной страны и ее необыкновенного народа. Позже он вновь оказался в России, но уже как посол французской Второй республики. Арман был любимцем Николая I, сторонником союза Франции и России, выступал против войны, в которую Англия пыталась вовлечь Францию (Крымская война), за что и был

*Люпьяк. Ресторан
«Таверна д'Артаньян»*

отозван восояси императором Наполеоном III.

При входе в замок нас с сыном встретил сам Гислен Кастельбажак и повел по залам замка. В белом салоне мы обратили внимание на бюст красивой молодой женщины, при взгляде на который у меня сразу возникло «дежавю». Ну конечно, это же Констанция де Кастельбажак, внучка Армана и супруга маркиза Анри де Бретея, горячо поддерживавшая своего мужа, сторонника союза между Францией и Россией. В семье Кастельбажак любовь к России на самом деле передается по наследству!

Потом Гислен провел нас в свои личные апартаменты и в кабинете с гордостью показал гравирован-

Портрет маркиза Армана де Кастельбажака (копия портрета, находящегося в Зале знаменитых гасконцев мэрии города Ош)

Замок Комон

*Нерак. Замок-музей
Генриха IV*

*Гислен де Кастельбажак,
владелец замка Комон,
рядом с портретом
императора Николая I*

ный портрет императора Николая I. Из надписи на оборотной стороне следует, что этот портрет Арман получил от князя Василия Долгорукого и завещает его сыну как самую ценную реликвию своей долгой дипломатической карьеры. «...Благородный сердцем... император Николай был честным человеком, лояльным соперником, любящим отцом семейства и достойнейшим сувереном», — такими восхищенными фразами описывал Арман русского императора. С этим можно соглашаться или нет, но видно, как уважал и ценил французский посол российского правителя.

Владелец замка пригласил нас в библиотеку и показал старинные карты Российской империи, которые

привез его предок и по которым он сам в детстве выучил русский алфавит. Получив в 2014 году Комон в наследство, Гислен с семьей оставил Париж и переехал в Гасконь. С тех пор его жизнь посвящена возрождению замка, изучению истории семьи и родного края. А еще он очень хочет, чтобы Франция всегда поддерживала дружественные отношения с Россией и ценила нашу страну так, как он сам и его предки.

Когда мы покинули замок Комон, мой тринадцатилетний сын воскликнул: «Как приятно встретить француза, искренне любящего Россию!»

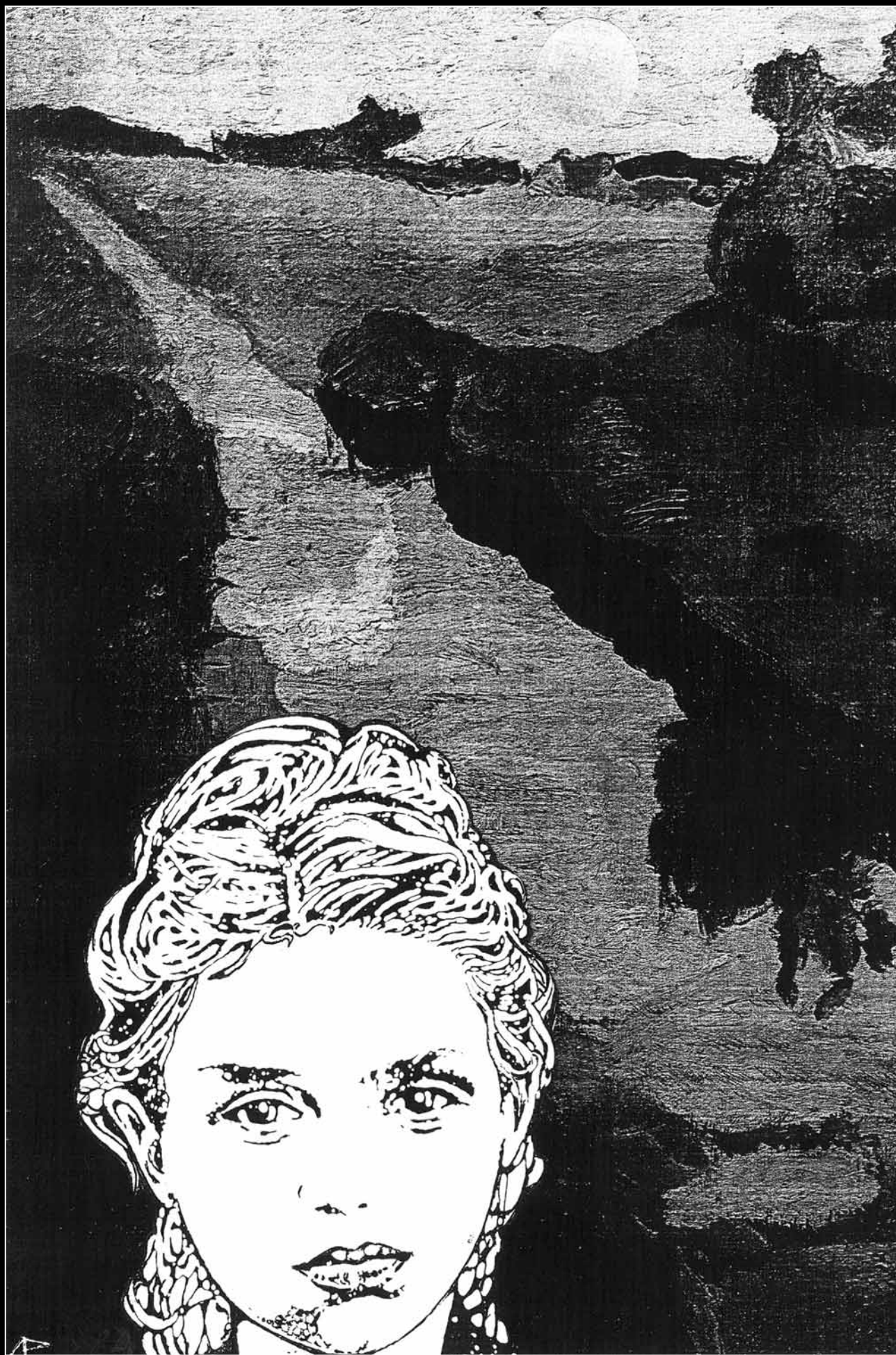
Другой «русский след» тянется в Нерак, очаровательный средневековый городок со старинным замком на берегу неторопливо текущей речки Байз и тенистым парком. Прежде всего, он связан с королем Генрихом IV и двумя Маргаритами: Наваррской, бабушкой Генриха, и Валуа, знаменитой королевой Марго. Но замок-музей в Нераке хранит еще одну замечательную картину, которую менее всего ожидаешь увидеть здесь, в этой французской глубинке — прекрасный женский портрет «Жоржетта» кисти Марии Башкирцевой. «Блестящей памяти Марии Башкирцевой» посвятила Марина Цветаева свой первый сборник стихов «Вечерний альбом». Да кто не восхищался этим юным талантливым созданием, столь рано покинувшим сей мир?! Русским парижанам, и не только, хорошо известна погребальная часовня Марии на

Мария Башкирцева. «Жоржетта»

кладбище Пасси и ее картина «Митинг» в музее Орси. Помнят Марию и в Ницце, где она жила на Английской набережной. Но Нерак?! Свою гипотезу, как эта картина оказалась в Нераке, высказала знаток жизни и творчества Башкирцевой Симона Файяр. По ее мнению, «Жоржетта» была в собрании супругов Гавини, с которыми Мария Башкирцева близко общалась в последние годы жизни и часто упоминает их в своем «Дневнике». После смерти дочери ее мать Мария Степановна подарила Гавини некоторые памятные вещи Марии — письма, фотографии, возможно, и этот портрет, который позже после распродажи коллекции Гавини мог оказаться в музее Нерака...

Вот такие неожиданные следы России, ее истории и искусства можно встретить в далекой Гаскони. □

Повороты судьбы

Савелий Иванович Хромушкин был человеком, мягко сказать, нестандартным. Все в нем было каким-то странным, от деревенского имени в век Интернета и гаджетов до внешности и манеры держаться. Окружающие считали его очень привлекательным. Голубые глаза, чуть вздернутый нос, подбородок с ямочкой. Эдакий провинциальный Ален Делон.

Да и жизнь Хромушкина была давно налажена: адвокатская практика, деньги, дорогая машина, недвижимость, которую ему оставила мама, ушедшая в мир иной два года назад. А потому обитал теперь Савелий один в просторной квартире, полной антиквариата, по выходным выезжал на загородную дачу, а летом в свои апартаменты в Испании.

Так бы и продолжалось все, если бы не домработница тетя Маша.

— Ты уж помоги ему, сынок, — однажды отчаянно попросила она. — Нет у него родных никого. Ведь посадят хорошего человека ни за что. А он праведный...

— Как это — праведный? — усмехнулся Савва. — Набожный, что ли?

— Заблудшим он помогает, бездомным, наркоманам. Лечит их, на ноги ставит. Живет в моей деревне Карманово. — Тетя Маша подумала немного и добавила: — Правда, он тебе ничего не заплатит. Гол, как сокол. Ты уж тогда с меня вычти зарплату. Месяца за два хватит?

Савелий внимательно посмотрел на старушку — «божий одуванчик». Кажется, он знал ее так давно, что дольше не бывает. Мать вечно его в детстве бросала, меняла любовников, за границей пропадала. А он всегда оставался с Машей. Невысокого роста, полноватая, лицо морщинистое,

очки круглые в роговой оправе. Внешне вроде деревенская, простая, но такая добрая и ласковая, что сердце замирало. Бывало, погладит его перед сном, сказку расскажет, и все невзгоды его сразу же оставляют.

— Ладно, — наконец сказал Хромушкин, — займусь твоим праведным...

Он шел по коридорам следственного изолятора вразвалочку, не замечая ни облезлых стен вокруг себя, ни смрада. Охранник бежал рядом, средних лет, лысый, косолапый. Он то и дело придерживал свою фуражку и говорил на ходу:

— Вообще-то Малков тихий, безопасный, только вот стихи громко читает...

— Стихи? — удивился Савва.

— Ну да. Тютчева, Ахматову...

— А ты откуда знаешь?

— Так он же сам нам книжки заказывает...

— Понятно, — кивнул Савелий и, останавливаясь напротив камеры, произнес: — Открывай...

Охранник тут же забряцал ключами. В камере на топчане под одеялом лежал арестант. Сразу разглядеть его не удалось, но вот мужчина медленно поднялся и уставился на посетителя. Среднего роста, худой, угловатый, наполовину седой, с длинными руками и шрамами на лице и шее.

— Чего пришел? — нагло спросил он.

Савва сел на стул и, закинув ногу на ногу, заговорил:

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Меня зовут Хромушкин Савелий Иванович. Я ваш новый адвокат.

— А старый куда девался?

— А старого вы на днях прогнали, или запомятовали?

— Нет, не запомятовал, — качнул головой Малков. — Пусть катится. И ты вместе с ним туда же. Не надо меня защищать...

— А что так? Или вину свою уже признали?

— Да, нет. Чистосердечное пока не написал, но собираюсь. Все равно, как ни крути, это я загубил парня...

Постоялец изолятора замолчал, а когда пауза затянулась, Хромушкин поднялся и, попрощавшись, покинул камеру.

Это Богом забытое Карманово представляло собой жалкое зрелище. С полсотни покосившихся заборов, полуразвалившиеся сараи, дома, маленькие огородики, да поленицы, сложенные неаккуратно. Будто ограждая деревню от цивилизации, со всех сторон ее окружала тайга, а потому добраться туда по шоссе было невозможно. Трасса заканчивалась где-то в трех километрах от села, а дальше начиналась проселочная дорога.

Но Савелий все же добрался, припарковал машину около чужого двора, вышел из нее и огляделся по сторонам. Возле колодца валялись два погну-тых ведра, чуть поодаль, накренившись, в канаве завис ржавый трактор, посередине улицы на куче гнилой картошки лежала огромная свинья. Да уж, вид вокруг не из приятных! Зато какой здесь удивительный воздух — чистый, пряный!

«Так, где здесь улица Маркса? — подумал про себя Савва и тут увидел шедшую ему навстречу пожилую женщину с коромыслом в руках, в цветастом халате, калошах и шерстяных носках.

— Вы не подскажете, где здесь дом Малковых? — обратился он к ней.

— А зачем тебе? — Старуха остановилась, поправила платок на голове и внимательно осмотрела щеголеватого гостя.

— Я — его адвокат. Мне надо....

— Ой, батюшки, — всплеснула она руками и буквально расцвела. — Ты что ж, защитник нашего Николая?

— Ну да. А вы что, его знаете?

— А как же. Тут его каждая собака знает. Он же местный знахарь. У кого что болит, все к нему направляются. У меня он, к примеру, вылечил радикулит, а у соседа Виктора уши закладывало, так Николай его отпоил травами. И теперь не успею чего уронить, Витька тут же ко мне бежит...

— Понятно. Так где же все-таки Малков проживает?

— Это не здесь. Тебе на заимку надо. Еще километра полтора. Вон туда, — показала рукой старуха в сторону леса. — Ступай прямо...

И Савелий, представляя перспективу своего пути, вернулся к машине. Достал из багажника итальянские сапоги, надел их, поверх костюма на-кинул замшевую куртку. Так он последний раз выглядел на даче у одного бывшего депутата, которого освободил, но ничего не поделаешь, другой подходящей для случая одежды все равно нет.

Через полчаса Савва уже топал по непролазной тропе. Грязь здесь была жирной, вязкой. Он посмотрел на свои сапоги, которые уже можно было выбрасывать, поморщился, но все же пошел дальше. И вот, наконец, показалось жилище Малкова. Дом предстал перед ним добротный, двух-этажный, сложенный из толстых бревен, с белыми наличниками и веран-дой, не сравнимый с теми, что он видел в Карманово..

«Вот тебе и нищий крестьянин, — подумал про себя Савва. — Неплохие, видать, у этого знахаря заработки». Однако что-то все же смущало его, может, отсутствие ограждения — ни ворот, ни забора, кто хочешь, заходи. Савелий так и поступил. Прошел между узких грядок, обогнул парники и, поднявшись на крыльцо, постучался в дверь. Хотя кто ему мог открыть?

Но нет. Через секунду Савва услышал чьи-то шаги, и на пороге перед ним возникла девочка лет девяти, светленькая, худенькая, в шортах и белой майке...

— Вам кого? — спросило юное создание.

— Да я, собственно, от Николая Николаевича...

— От дедушки?! — воскликнула девочка. — А почему он сам домой не возвращается?

— Так ты что, ничего не знаешь?

— Нет. Его как на прошлой неделе полицейские забрали, так он больше и не приходил... А вы ему кто?

— Я — его хороший знакомый. Николай Николаевич просил тебя навестить...

— Правда? Ну, тогда проходите, пожалуйста — посторонилась девочка.

В доме было уютно, но не богато. На полу выцветшие ковры, из мебели стол, стулья, книжный шкаф и два дивана. Савелий присел на один, на другой, напротив присело юное создание. Во взгляде девочки читалась тревога и тоска, руки заметно дрожали.

— Прошу меня извинить, — неловко откашлялся Савва. — Но где твои родители?

— Мои? — переспросила она и, опустив глаза, чуть ли не прошептала: — Мама в прошлом году умерла от пьянки. А папу я вообще никогда не видела ...

— А Николай Николаевич, стало быть, твой родной дедушка?

— Нет, он наш сосед из Карманово, а когда я осталась одна, позвал меня к себе, и теперь мы — роднее не бывает...

— Надо же, — удивленно протянул Савва и добавил: — Кстати, меня зовут Савелий Иванович.

— А меня — Катя. Вы не знаете, почему дедушку полиция не отпускает? Скажите правду...

— Да его в убийстве Александра Ермакова обвиняют, а я пытаюсь этого не допустить. Катя, ты что-нибудь об этом Ермакове знаешь?

— Знаю. Дядя Саша гостил у нас с зимы. Сначала ночевал в подвале, потом на втором этаже в спальне. А в ту ночь к нему явился какой-то парень. Дядя Саша с ним ушел и больше не приходил.

— А ты сама видела этого парня?

— Нет. Он же на улице был...

— Ясно. А что ты еще о дедушке расскажешь?

— Деда Коля всех лечил. К нему постоянно люди приезжали. И даже из самой Москвы.

— Из Москвы?

— Да. Правда, он многим отказывал. А еще говорил, что денег ему не надо...

— А на что же он тогда жил?

— У дедушки пенсия большая. И подарки ему дарили. Продукты, одежду разную, а мне игрушки. Хотите, покажу орангутанга?

— Орангутанга?

— Да. — Девочка соскочила с дивана, добежала до чулана и вытащила оттуда огромную игрушечную обезьяну. — Смотрите. Правда, он красивый?!

— Правда...

— Дедушка называл его отличным парнем. А еще говорил, что этот плюшевый похож на него самого маленького. Такой же длиннорукий и неправильный...

Судебное заседание завершилось быстро. Как ни странно, обе стороны покинули переполненный зал вполне довольные. Маргарита Ковалева, юная прохиндейка, в очередной раз осталась безнаказанной. Ее отец радовался тому, что дочку от тюрьмы отмазал. И даже потерпевший со сломанной рукой ни на кого не обижался. Его кредитная карта благодаря Ковалеву-старшему была полна, а рука срастется когда-нибудь...

Савелий уже хотел распрощаться с клиентами, но сияющий папаша вдруг произнес:

— А как же ресторан? Савва, отказ не принимается. На вечер столик заказываю...

И вот молодой адвокат уже сидел в «Аравии», пил французское вино и ел омаров. Одет он был, как всегда, элегантно — клетчатый пиджак, зеленая рубашка, изысканный шарфик...

— Не понимаю, чего этой скотине надо? — жаловался на непутевую дочь расстроенный Ковалев. — Все же есть, и деньги, и брильянты. Не хочешь учиться, выходи замуж. Не нашла жениха, бизнесом занимайся. Путешествуй, в море купайся. Так нет. Надо ей, дуре, нажраться и сбить какого-нибудь лоха. Что с ней делать, не знаю... Ладно, дело вчерашнее. Ты-то как, в Испанию собираешься?

— Да, только доделаю кое-какие дела...

В это время на сцене появились цыгане и тут же пустились в пляс. У Ковалева, лысого ловеласа, на одну из смуглянок загорелся глаз, и он весь обратился во внимание. А Савелий стал размышлять...

То, что он увидел вчера в подвале у Малкова, ему совсем не понравилось. В дальнем углу стояла железная кровать, рядом маленькая печка, с другой стороны — шкаф, забитый книгами, в основном, поэзией. Талмуды вид имели печальный, все изодранные, грязные. Алкоголики и наркоманы

томились здесь месяцами, рвали книги, швыряли их, а когда болезнь отступала, начинали листать. А потом и вовсе на второй этаж перебирались. Наверное, кто-то из них сбегал, кто-то выздоравливал. Сколько их было, никто не знает. Однако, судя по тетради, которую Савва случайно отыскал в доме, не мало. Вот, к примеру, предпоследним лечился у знахаря некий Тимофей Игнатов, в тетради был записан номер телефона его матери. А напротив фамилии убиенного Ермакова даже адрес значился. Именно туда Савелий завтра и собирался отправиться...

Теплый дождь закончился быстро. Ветер стих. На небе разошлись облака, и тут же в просвете появилась яркая радуга.

Хромушкин стоял у окна и наблюдал за происходящим. Наверху буйство красок, внизу — коробки многоэтажек. Новый спальный район блестел евроокнами, бил фонтанами, зеленел газонами, на которых бегала беззаботная детвора. Дети, наверное, были счастливы. Савва вдруг вспомнил себя. Он рос болезненным, замкнутым. Часто его посещала хандра. Впрочем, она и сейчас его не оставляла...

— Присаживайтесь, — предложил ему хозяин квартиры.

Савелий отвернулся от окна и сел в кресло напротив коренастого мужчины. На вид ему было около сорока, наполовину седой, большой нос, зеленые глаза. Он смотрел на незнакомца с любопытством и часто подкашливал.

— Так вы, говорите, адвокат того Малкова?

— Да, сейчас обстоятельства дела выясняю. Вы не расскажите мне про своего брата?

— А чего рассказывать? Про такого лучше молчать...

— Он что, вам досаждал? — удивился Савва.

— Досаждал, — усмехнулся собеседник, — это мягко сказано. Мать из-за него слегла. Отец умер еще в 2005-м. Сестра инвалидом стала. Вот как-то так... — Мужчина вздохнул, внимательно посмотрел на Савелия и продолжил: — Он ведь таким не сразу стал. В детстве его родители баловали, можно сказать — ни в чем отказа не знал. Новая одежда — на тебе, деньги — тоже на. Учительница в школе жалуется — сама виновата. В милицию первый раз попал — плохие друзья. Все кругом не правы, кроме любимого Сашеньки. Он особенный! Он талантливый! А потом этот талантливый учебу бросил, из дома сбежал, связался с гоп-стоп компанией, кому-то там задолжал, ему стали угрожать. В общем, родители выручили, продали машину, гараж, дачу, с долгами рассчитались. Однако свободная жизнь Саньку больше нравилась. Дома-то что, тоска! Где-то через месяц он ограбил какого-то там «законника» богатого, его «шестерки» нашу сестру пятнадцатилетнюю в заложники взяли и так долго над ней издевались,

что Оля с ума сошла. Но Сашок ничуть не раскаялся, он вроде же сам жертва обстоятельств!

А через год эта «жертва» все-таки попалась. За изнасилование и покушение на убийство ему, наконец, срок впаяли. Из тюрьмы он вышел законченным мерзавцем. А уж что было дальше, и вспоминать страшно.... — Он замолчал, а потом вдруг добавил: — Жалко мне вашего Малкова. Его беда, что он с чудовищем связался...

— Внучка Малкова рассказывала, что приходил в ту ночь к вашему брату какой-то парень, — сказал Савелий. — Я думаю, он и убил Александра. Не знаете, кто это?

— Да кто угодно. Врагов у него было много...

— А все-таки?

— Да хоть сосед матери, Васька Котов. Сашка его дочь посадил на наркотики, потом беременную бросил, а та взяла и покончила с собой...

— А вы сами где были одиннадцатого числа?

— Так я прораб. У нас на объекте лопнула труба, целые сутки с ребятами воду из подвала откачивали...

Это здание в центре города оставить без внимания было невозможно. Походило оно на большое пирожное, с вишенками по бокам. Кафе «Сластена» пользовалось популярностью у многих. Посетители здесь бывали особые: мамочки с детьми, влюбленные парочки, молодые девушки, ну и, конечно же, женщины, кому далеко за...

Любила это место и Алиса Петровна Фокина, молодая одинокая девица. В обеденный перерыв она бежала сюда, покупала себе пирожков, эклеров, пончиков и усаживалась за столик у окна. Именно здесь и застал Фокину адвокат Хромушкин. Он взял себе суфле, горячий шоколад, не спеша, подошел к своей знакомой и присел на диванчик напротив нее:

— Здравствуйте, Алиса Петровна. Как ваши сыскные дела?

Помощница следователя поправила темную челку, одернула фирменный пиджак и ответила:

— Ничего, работаем потихоньку. А как у вас? Я слышала, вы Малкова намерены защищать?

— Я-то намерен, — кивнул Савва, — только он не хочет...

— А что так?

— Вот я и решил у вас узнать...

— Наверное, потому, что виноват. — Фокина засунула себе в рот пончик и начала его жевать. — А если вас интересуют материалы дела, то я не могу их разглашать. Тем более что вы на данный момент человек посторонний. А, собственно, кто он вам?

— Хороший знакомый моей домработницы...

— О! — улыбнулась Алиса Петровна. — Что-то не похоже на вас. Насколько я помню, клиенты ваши люди особые — владельцы заводов, газет, пароходов. А тут какой-то орангутанг...

— Кто?! — удивленно переспросил Савелий.

— Да, да, именно так Малков и представился. Станный он какой-то, не находите?

— Может быть, и странный, только кто теперь без греха? А вот к убийству он не причастен. И улики у вас наверняка нет. И мотива тоже...

— А вот это вы напрасно. Улика на месте преступления мы нашли достаточно. Опять же, между вашим знакомым и Ермаковым была драка.

— Какая драка? — не понял Савва.

— Ну, как же? У Малкова сбиты костяшки пальцев, да и убитый весь в синяках. К тому же я уверена, что и на штырь он напоролся не случайно.

— На штырь?

— Ну да. Длинный такой, витиеватый, от парника. Прямо на него Ермаков и рухнул с размаха. Кстати, квалифицировать это как несчастный случай у вас все равно не получится, максимум — убийство по неосторожности...

Тетя Маша исчезла из дома еще вчера утром, не было ее ровно сутки, и за это время в квартире поселился бардак. Все уже лежало не на своих местах. Всюду валялись разбросанные вещи, бумаги, туфли. На кухне сохла грязная посуда. Не заправленной осталась и кровать...

Савва собирался впопыхах. Перемерил кучу костюмов, галстуков, рубашек, а остановился на фиолетовом пуловере и серых клетчатых брюках.

— Ну, как-то так, — сказал он себе и отправился в прихожую обуваться.

А там уже стояла на пороге тетя Маша, державшая за руку смущенную Катю.

— Вот, родной, — сказала она, — как ты и велел, я Катерину привезла...

— Ну да, — кивнул Савелий, — хорошо. Вы это, располагайтесь, а мне по делам пора... — и исчез за дверью.

Правильно ли он сделал, что забрал к себе девочку, Хромушкин пока не знал. Благодетель из него был так себе. Любил Савелий только себя, ну, может быть, еще немного тетю Машу, а она в последнее время ходила сама не своя.

— Ты это, съезди к себе в Карманово, — как-то сказал он ей. — Привези сюда Катю. А то живет там одна в пустом доме. Опасно...

И старушка тут же засобиравлась в дорогу...

«Да, уж, — тяжело вздохнул Савва. — Этого еще мне не хватало. А впрочем, что такого, побудет девочка пока у меня, а потом обратно со своим дедом в деревню отправится...»

Но чтобы это произошло, нужно было, во что бы то ни стало, оправдать Малкова. А для этого не мешало бы посетить Котова. Савелий сел в машину и поехал к нему. Поднявшись на нужный этаж, позвонил в дверь. Открыли ему не сразу. Через какое-то время на пороге нарисовалась заспанная тетка, по всей видимости, жена. Невысокая, худая, угловатая, выглядит неопрятно, длинная черная юбка и серая рубаша навыпуск.

— Вам кого? — спросила она.

— Мне бы Василия Котова, — ответил Савва.

— А он не скоро придет. Вы, наверное, из банка?

— Нет, — отрицательно покачал головой Савелий. — Я по поводу вашего знакомого Ермакова. Он, знаете ли, мертв...

— Постигла все-таки ирода Божья кара. Так ему и надо! — в сердцах выкрикнула женщина, и лицо ее пошло пятнами.

Вдруг она ослабла и стала заваливаться на бок. Савва подхватил ее, вошел в квартиру и, оглядываясь по сторонам, пробормотал:

— Давайте я вас положу куда-нибудь.

Вскоре несчастная уже лежала на диване, а он присел на стул рядом, уже внимательнее оглядывая комнату. Обстановка была простая: старый стол, телевизор на тумбочке, шкаф, на стене разные иконы.

— Так вы говорите, умер он? — наконец пришла в себя хозяйка.

— Да, его убили в драке. А обвиняют Малкова. Вы его знаете?

— Нет, не знаю. Но если вдруг увидите, привет передавайте от несчастной матери.

— Хорошо, — кивнул Савелий. — Однако я считаю, что убийца не он...

— А кто? Вы, наверное, Васю подозреваете? Так это напрасно. Васенька мой уже месяц как на кладбище живет...

— Он умер, что ли? — удивился Савва. — Вы же говорили, что он придет...

— Вот и поджидаю. Совсем я ополоумела, проклятая!.. — всплеснула руками женщина. — Мне на погост еще рано. Вот дождусь, когда Господь накажет Игнатова, тогда настанет и мой черед...

— Как вы сказали, Игнатова? — вспомнил Савелий тетрадь Малкова.

— Ну да. Дружка Сашкиного. Это ведь они вместе запутали мою дочь, погубили ребенка ее, а вместе с ними и меня, и мужа Васю...

В доме снова стало уютно. На кухне остывал пирог, прели котлеты в сковородке. На столе у него в кабинете на тарелке лежал бутерброд, такой, какой он любил — с маслом и черной икрой. Однако Савва отодвинул его

в сторону. Аппетит, может быть, потом придет, а пока его одолевали тяжелые мысли. Он вспомнил сегодняшнюю встречу с Игнатовым.

Жил тот от центра далеко. Трехэтажная «сталинка» зияла дырами в фундаменте и облупившейся краской. Савелий не без содрогания сел на покосившуюся лавку, и вскоре к нему из подъезда вышел тот, с кем он накануне созванивался.

— Ты это, не меня ждешь? — спросил его щуплый парень.

Савва взглянул на него. Рост ниже среднего, сутуловатый, из шевелюры две жидкие пряди, лицо, несмотря на возраст, прыщавое, щеки впалые, на глазу бельмо.

— Да, тебя, — ответил он. — Поговорить надо...

Игнатов уселся рядом, вытащил из спортивных штанов сигарету, стал крутить ее в пальцах.

— Слышь, зажигалки не найдется?

— Нет, — отрезал Савва и сразу приступил к делу: — Не хочешь в убийстве признаться?

Парень мгновенно вскочил на ноги:

— Ты чего, рамсы попутал, фраер?!

— Ведь это ты прикончил дружка своего Сашку? — спокойно продолжал Савва. — Только не говори, что не был в тот день в Карманово...

— А ты вообще кто, чтобы я тут тебе каялся? — немного успокоившись, снова сел на лавку Игнатов.

— Я — адвокат Малкова. Знаешь его?

— Знаю, — как-то сразу сник парень. — Я же это, вроде как лечился у него.

— И что?

— А то. Теперь капли не потребляю. Скукотища страшная... — Игнатов ненадолго задумался, потом поднял глаза на Савелия и добавил: — Слышь, а если я тебе поведаю всю правду, обещаю, что Николаичу не расскажешь...

Савелий пожал плечами.

— Не знаю... — пожал плечами Хромушкин.

— Ну, ладно, расскажу... Я когда вылечился, вернулся обратно в город, тут ко мне является Сашка и давай меня о жизни в деревне расспрашивать, то да се. Ну, я ему все как есть выкладываю, а он и говорит, мол, у знахаря твоего денег лопатой гребь. Типа, надо тряхнуть его. В общем, переубедить Саньку я и не пытался. Ермак, если удумает чего, не свернешь...

А где-то через месяц эсэмэску мне шлет: «Приезжай, помочь надо». Ну, короче, я подорвался. На заимке появился за полночь, вызвал его из дома. А он мне и говорит, типа, девочку на себя возмешь, свидетелей убирать надо. И тут я все понял, послал его куда подальше, мотанул прямиком на

станцию, там ночь перекаптался, а утром сел на первую электричку. А что уж было дальше там, у Николаича, не знаю...

Савва очнулся от воспоминаний и вдруг услышал, как в соседней комнате кто-то плачет. «Это же Катя!» — мелькнула мысль, и он, выскочив из кухни, побежал в бывшую спальню своей матери. Там, свернувшись калачиком на кровати, лежало несчастное создание. Савелий подошел ближе и сел рядом. И тут малышка подскочила, обняла его своими тоненькими руками, прижалась к груди мокрой щекой.

— Савелий Иванович, — рыдала Катя, — дедушка ни в чем не виноват! Дядя Саша первый начал...

Эта встреча была тяжелой для них обоих. Савелий, как и в прошлый раз, сидел на стуле напротив, правда, оделся сегодня не по-пижонски, а как можно проще...

— Николай Николаевич, вас хорошо здесь кормят?

— Нормально, — вздохнул Малков, — съедобно... — Вид у него был удрученный. Глаза подернуло поволокой, морщины на лице сделались отчетливее, выросла щетина на впалых щеках. — Я ведь здесь не первый раз. Это в первый раз сложно, а сейчас... Ладно, лучше расскажи, как там Катя. Ты сказал, она живет у вас?

— Да, — ответил Савва. — С девочкой все в порядке. С ней тетя Маша занимается...

— Хорошо, раз так все получилось, — слегка улыбнулся Игнатов, помолчал немного, затем продолжил: — Я ведь когда совсем один остался, тяжело мне было, даже поговорить не с кем. Вот и начал людей у себя принимать. А потом появилась эта маленькая девочка, соседка. Придет, бывало, поплачет, посетует на пьяную мать. Жалко мне ее стало, и решил я к себе ее забрать. А этот Сашка, собака, будь он не ладен!.. Я бы ему и так все отдал, только ведь он схватил Катю, стал убийством угрожать. Вот я и накинулся на него. На улицу выволок, там мы с ним подрались. В какой-то момент я его толкнул так, что он назад попятился и на штырь тот проклятый упал. Я, конечно, испугался. Кате велел никому ничего не рассказывать. За себя-то не страшно, а вот что с ней будет? — Он снова замолчал, потом внимательно посмотрел на Савву и спросил: — Как думаешь, сколько мне могут дать?

— Ну, учитывая чистосердечное признание и то, что Ермаков первый напал, в лучшем случае, года два...

— Понятно, — вздохнул Малков и вдруг добавил: — Ты это, прости меня, Савва...

Тетя Маша слегла сразу, как только был озвучен приговор суда.

— Нет справедливости, Саввушка, — все наговаривала она. — Хорошего человека наказали...

Переживал по поводу приговора и Савва. Если бы Катя сразу призналась, и Игнатов после разговора с ним не сбежал, было бы все иначе. А пока...

Ему пришлось нанять приходящую уборщицу и кухарку, и теперь они готовили и убрали.

Вечером он, как всегда, зашел в комнату к тете Маше:

— Ну, как дела?

— Да нормально, Саввушка, — радостно улыбнулась старушка. — Сегодня днем медсестра была, сказала, что иду на поправку...

— Вот и хорошо. А как ты, Катя?

Девочка сидела за столом и увлеченно рисовала. Голубое платье, косички, белые бантики.

— Я бабе Маше лекарства давала, сказки читала, — ответила она, не отрываясь от своего занятия.

— Молодец! Ну, тогда я пойду, пожалуй. — Савелий поднялся и направился, было, к двери, но старушка удержала его:

— Останься, родной, поговорить надо...

Он тут же вернулся, присел на краешек кровати и весь обратился во внимание.

— Ты же про себя, по большому счету, ничего не знаешь, — начала тетя Маша. — Знал, что мать у тебя интеллигентная и богатая, а она ведь совсем простая, наша, кармановская.

— Кармановская? — удивился Савва.

— Ну да. В детстве очень озорной была. Жила со мною рядом. Я с матерью ее дружила, Клавдией, а когда та умерла, Любаша мне досталась. Ну, в общем, когда Люба подросла, с одноклассником начала встречаться. После школы его забрали в армию, там он попал в Афганистан. А Люба дожидаться его не стала, а чего ждать, все равно в цинковом гробу доставят, вот и заводила романы разные... Однако через два года парень вернулся, правда, раненый. Зато возмужал, первый на деревне красавец. И тут Любаша опомнилась, снова стала к нему подкатывать, и он простил ее, принял, потому что очень любил. В общем, случилось у них все однажды, а потом свадьбу на осень назначили. Вот только перед самым торжеством мать твоя сбежала...

— Ясно, — вздохнул Савелий. — А что дальше?

— Дальше она поняла, что беременна, и быстренько выскочила замуж. Супругом ее стал городской инженер Хромушкин Иван Павлович, он твоим отцом и записался. Правда, Любаша и с ним долго не осталась. Нашла

себе какого-то партийного начальника, ну, а что дальше, ты и сам догадываешься...

— Значит, отца своего я не знаю, — задумчиво проговорил Савва.

— Теперь уже знаешь, — вдруг сказала тетя Маша. — Это Николай Николаевич.

— Кто?!

— Дедушка Катин... Коля ведь приезжал к тебе, только мать твою вам видеться не давала. Говорила ему, мол, «не по Сеньке шапка». А однажды даже подняла все свои связи, на отца твоего дело состряпали, ну а дальше...

— Три и полтора, — подхватил Савва.

— Ну да. Только он и после этого не испугался. Явился как-то с игрушечной обезьянкой...

— С орангутангом? — подскочила Катя.

— Может, и с орангутангом. Правда, безумная Люба опять его прогнала... Ты не вини отца, Савва. — вздохнула тетя Маша. — Хороший он у тебя, только несчастный. Любил он очень мать твою проклятую, оттого и не женился больше никогда...

В комнате повисла тишина.

И тут к Савелию подошла Катя, взяла его за руку и заглянула ему в глаза:

— Если деда Коля твой отец, значит, ты мой папа?

И вот он снова видит Испанию. Ласковое море, песчаные пляжи, пальмы. Вдали на лазурной воде качается яхта. Такая красивая, белая, большая. А над нею парит чайка...

Савва открыл глаза, чайка над ним действительно парила, правда, пейзаж вокруг резко поменялся. Пологий берег, усеянный травами, и озерцо, чистое, гладкое. В нем сейчас вместе со своими друзьями плескалась счастливая Катя. Теперь у нее было все — хорошая школа, игрушки, платья и даже педагог по музыке. А главное, любовь тех, кто рядом...

Тетя Маша, наконец, поправилась. Она болела почти целый год, но все же нашла в себе силы встать на ноги. Только вот в санаторий, как ни уговаривал ее Савва, ехать отказывалась. Снова начала заниматься хозяйством, стряпала пироги и варила компоты...

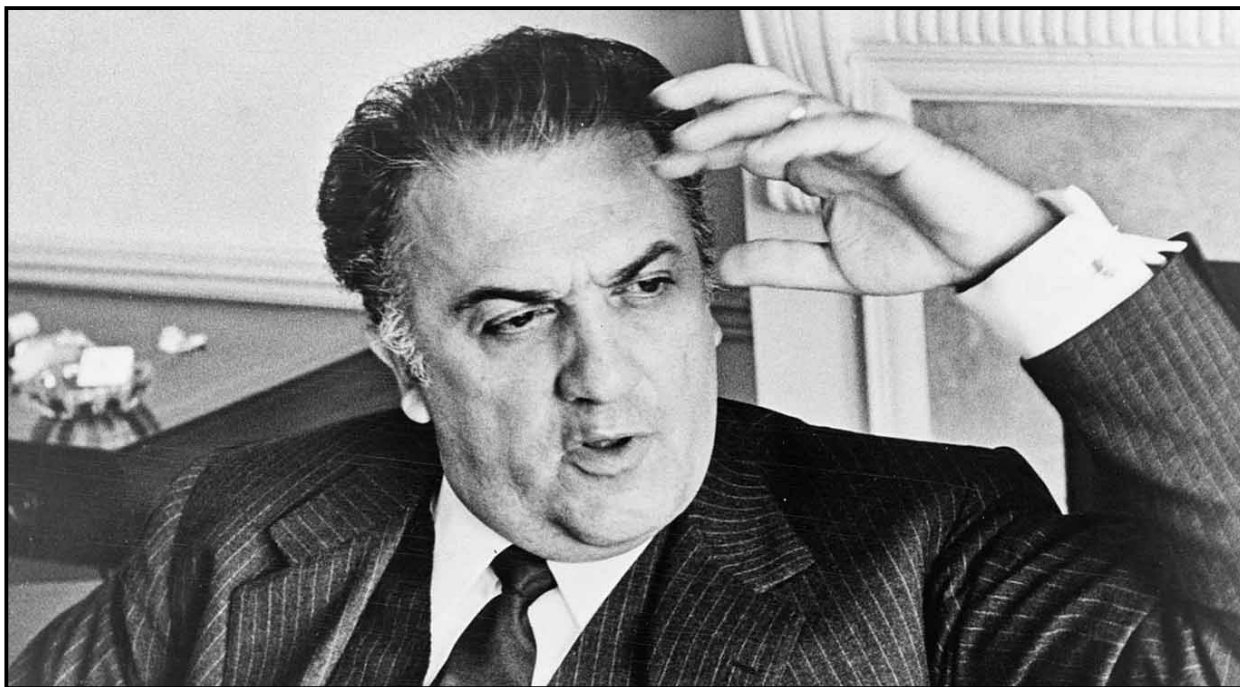
Отец, к счастью, тоже жив, здоров. Они даже в заключении виделись два раза. Долго беседовали, обнимались. А скоро он выйдет по УДО, зная, что его ждут сын и внучка...

Савелий вздохнул, вновь посмотрел на чайку, все дальше удалявшуюся от него, и мысленно проговорил: «Самое главное, чтобы моим родным было хорошо. А Испания? Что Испания? Испания подождет...» □

Георгий Кричевский

«Великий лжец»

К 100-летию со дня рождения Ф. Феллини

...На экране — забитый машинами тоннель. Безучастные лица за стеклами окон взирают на отчаянные попытки героя Марчелло Масто-
рони выбраться из заполняющегося дымом салона. Наконец ему уда-
ется опустить стекло и вылезти на крышу. Нелепый городской чело-
век в очках, длиннополом черном пальто и огромной шляпе какой-то
момент балансирует, раскинув руки, а затем отрывается от крыши
автомобиля и летит, прочь из ада автомобильной пробки в тоннеле
к облакам, все выше, выше в серое безрадостное небо. И вдруг ви-
дит, что схвачен петлей веревки за лодыжку, а веревка тянется к
земле, и держит ее маленький человечек, который неожиданно дер-
гает, и герой фильма, задыхаясь, кувырком летит вниз. В последнюю
секунду перед падением он узнает в тянущем его обратно к земле...
самого себя. И — просыпается в номере элитарного санатория.

Так начинается едва ли не самый знаменитый и во многом автобио-
графичный фильм Федерико Феллини «Восемь с половиной», посвя-

щенный мучительным поискам режиссера дороги к правде в киноискусстве. Именно этим фильмом Феллини положил начало главному своему вкладу в мировой кинематограф — репрезентации человеческого сознания, то есть созданию образной системы, при помощи которой можно запечатлеть на экране процесс мышления.

Он, разумеется, был не одинок. Параллельно с ним тем же занимались такие корифеи кинорежиссуры, как И. Бергман, А. Рене, А. Тарковский. Но именно феллиниевские «Восемь с половиной» стали подлинной революцией, поскольку здесь убраны границы между реальным и ирреальным действием картины, тем, что происходит на самом деле, и тем, что герой видит внутренним взором, а также — его снами, галлюцинациями, грезами. До тех пор подобное удавалось одной лишь литературе с ее «потокосознания». Феллини доказал, что это по силам и кино.

Он говорил о себе: «Я — «великий лжец» и снимал фильмы, в которых миллионы людей по обе стороны «железного занавеса» открывали для себя Красоту, Добро и Милосердие.

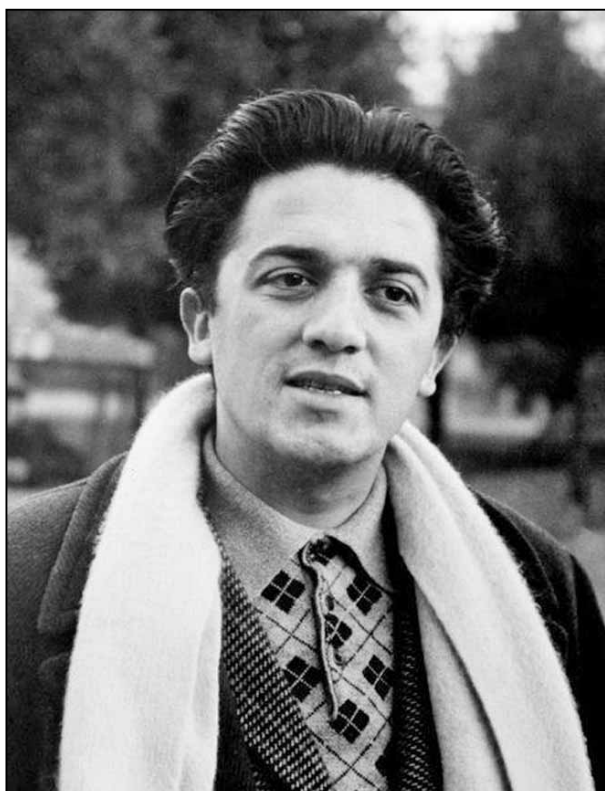
Он учился у жизни и сам оказался учителем жизни, далеким, однако, от навязчивого морализаторства. Социальный обличитель, фантазер, сказочник, сатирик. Какими только эпитетами не награждали Феллини. И все эти эпитеты, по сути, верные, не отражают, тем не менее, характер его волшебного творчества.

Он начинал радиожурналистом с незатейливых юмористических скетчей и миниатюр, никогда не учился в киноинституте, а пришел к созданию на экране абсолютно своего поэтического мира, будто увиденного автором и нами впервые, незамутненным, пусть даже порой несколько наивным взглядом ребенка и одновременно взглядом пророка. И, как всякая настоящая поэзия, фильмы Феллини не стареют, оставаясь созвучными нашей противоречивой эпохе.

Он пришел в кинематограф, когда зарождалось его, наверное, самое мощное течение — итальянский неореализм. Писал сценарии для неоре-

алистических лент Р. Росселини и П. Джерми. Именно Феллини выступил соавтором великого фильма Росселини «Рим — открытый го-

род», ставшего манифестом нового направления. Режиссера этого фильма Феллини считал своим учителем в кино. «Росселини, — говорил он, — был для меня кем-то вроде столичного жителя, который помог мне перейти улицу».

Он и был провинциалом, родившимся в курортном городке Римини на Адриатическом побережье в январе 1920 года. Сын коммивояжера, Федерико рос болезненным, мечтательным ребенком. Любил в детстве устраивать разные представления с масками и разрисованными куклами, сам шил для них костюмы. Обожал приезжавший к ним на гастроли цирк шапито. Начальное образование получил в монастырской школе, специфическая атмосфера которой, подобно цирку с его клоунами, нашла затем отра-

жение в его кинематографическом творчестве.

Высокого роста, он отличался в юности крайней худобой, и, когда учился во Флоренции ремеслу радиорепортера, приятели прозвали его «Ганди». В то время он зарабатывал на хлеб газетными и журнальными рисунками, писал тексты для варьете, рекламы и небольших радиопостановок, а в разгар итальянского фашизма с 1938-го по 42-й год публиковался в именитом журнале «Марк Аврелий», отличавшемся своей антифашистской направленностью. Жил тогда Федерико в меблированных комнатах рядом с вокзалом, и по ночам просыпался от визгливых криков соседей — воров, проституток, китайцев. Отсюда его пытались насильно призвать в армию Муссолини, и, чтобы избежать этого, он симулировал болезнь.

А потом настал черед показать написанные им истории на экране, и в 1943 году Феллини отважился на первую самостоятельную постановку о забавных похождениях двух влюбленных — Чико и Полины. Исполнительницей роли Полины режиссер выбрал очаровательную Джульетту Мазину, которая и стала его женой на всю жизнь, а, кроме того, по признанию самого Феллини, — главным источником вдохновения.

Когда в Рим вошли войска союзников, Феллини с одним из друзей открыл маленький офис, где торговал шутливыми шаржами на победителей. Дело пошло довольно успеш-

*«Огни
варьете»*

но, и однажды к ним в контору заглянул маэстро Росселини. Он собирался снять короткометражку о римском священнике, расстрелянном гитлеровцами. Феллини творчески отнесся к предложению мэтра написать сценарий и расширил тему, став вместе с С. Амадеи и самим Росселини соавтором сценария выдающегося фильма «Рим — открытый город», с которого, собственно, и начался неореализм.

Так триумфально стартовал Феллини в большом кино. Пока только в качестве сценариста. Далее последовал сценарий к фильму Р. Росселини «Пайза». Они подружились, Росселини стал его наставником и даже дал Федерико сыграть роль в своей следующей картине «Любовь» (1948). К Феллини-сценаристу пришла известность. Он написал не-

сколько сценариев для чужих фильмов и втайне мечтал о собственной постановке, обучаясь режиссуре на съемочных площадках Росселини. Полной уверенности в своих силах у будущего гения кино пока не было, но было огромное желание...

И судьба послала ему в награду счастливый шанс. В 1960 году он совместно с А. Латтуада снял свой первый фильм «Огни варьете». Как это часто бывало у великих, режиссерский дебют Феллини успеха не имел, но закрепил его в новой профессии, дав ему возможность снять в один и тот же 63-й год следующие две картины — «Любовь в городе» и «Маменькины сынки», тепло принятые зрителями и критикой. Второй фильм удостоился Серебряного льва Венецианского кинофестиваля,

*«Маменькины
сынки»*

Справа:
«Дорога»

оповестив о рождении нового талантливом режиссера.

Еще в 1949 году Феллини написал сценарий фильма «Дорога» о печально-романтических гастрольных странствиях по дорогам очнувшейся от фашистского дурмана Италии могучего циркового гимнаста и хрупкой маленькой акробатки. Реализовать свой проект, принесший ему международное признание, удалось только в 1954 году. Мощнейший дуэт Энтони Куинна и Джульетты Мазины потрясал. Сам фильм вызывал у зрителей катарсис и удостоился свыше 50 престижных наград, в числе которых были следующий Серебряный лев Венецианского кинофестиваля и «Оскар» за лучший иностранный фильм года (заветный

для каждого кинематографиста приз Феллини завоеует еще четыре раза, являясь по сей день оscarовским рекордсменом в данной категории).

«Дорога» оказалась понятна массовому зрителю и имела большой коммерческий успех, позволивший супругам купить просторную квартиру в фешенебельном районе Рима. У мастера экрана начиналась новая жизнь, в лучах всемирной славы.

Спустя три года после «Дороги» Феллини взялся за один из своих самых обласканных, самых знаменитых фильмов — «Ночи Кабирии». Здесь ему надо было не только поддержать приобретенный имидж, сохранить достигнутый в предыдущей

картине художественный уровень, но и решить сложнейшую творческую задачу. Чудотворную органику клоунессы Джельсомины из «Дороги» в исполнении Мазины, где она буквально парит в романтической обстановке бродячего цирка, требовалось приложить к максимально прагматичной среде обитания трогательной, беззащитной проститутки Кабирии, маленькой женщины с «золотым сердцем».

И Феллини справился, доказав, что, даже если Мазина здесь не будет смешной и не получит в напарники фактурного силача Энтони Куинна, конфликт между ней и враждебным миром все равно обеспечен. В трагической доверчивости героини фильма режиссер искал некий

мистический смысл извечной борьбы добра со злом.

Новый «Оскар», призы Каннского и Сан-Себастьянского фестивалей позволили, наконец, Феллини осуществить давнюю мечту — снять масштабную кинофреску нравов загнивающей элиты Вечного города, своего рода философскую притчу об итальянском обществе в период «экономического чуда», с царящими там пустотой, одиночеством и разобщением людей, — «Сладкая жизнь». От этой знаковой и культовой картины берет начало творческое содружество Феллини с неотразимым Марчелло Мастоияни. «Марчелло и я — это одно целое», — утверждал Федерико. Именно в «Сладкой жизни» окончатель-

но сформировывается феллиниевский кинематограф.

Многие в Италии восприняли картину как вызов обществу. Какая, мол, «дольче вита», когда вокруг так много бедности и горя. Непонимание иносказательности названия фильма (как это было век с лишним назад с названием романа Лермонтова «Герой нашего времени»), а также непонимание смысла ленты частью критики и публики даже привело к публичным эксцессам. На премьере фильма в Милане один из зрителей

плюнул режиссеру в лицо. Утверждают, что в тот вечер он и Мастрояни едва избежали линчевания. Героя Мастрояни, светского репортера, таскающегося по вечеринкам знати, кое-кто называл просто пьяницей и развратником. Были и предложения фильм сжечь, а Феллини лишить итальянского гражданства... Таково иногда восприятие очевидных шедевров.

В Ватикане к «Сладкой жизни» тоже отнеслись крайне негативно. Разгромные статьи в католической прес-

*«Восемь
с половиной»*

се называли ее «Омерзительной жизнью» и требовали запретить, а всякого, кто посмотрит фильм, — отлучать от церкви. Однако триумфальный успех картины у демократических слоев населения Италии и за рубежом заставил противников умолкнуть. Скоро «Сладкую жизнь» объявили символом грандиозной эпохи итальянского кино. Картина завоевала «Золотую пальмовую ветвь» на Каннском фестивале и повлияла на кинематографистов всего мира.

Внесенный после «Сладкой жизни» в тесный ряд ведущих кинорежиссеров мира, Феллини испытывал художественный и духовный кризис, решая, что же снимать дальше после самого большого творческого успеха в жизни. Эти мучительные колебания и сомнения легли в основу его следующего проекта, названного им иронически по числу снятых фильмов — восемь и еще половина, может, даже и не единица... Этим

непостижимым, как бы «самосоздающимся изнутри» фильмом открывается новая глава феллиниевского творчества, где содержание делается вторичным по отношению к зрелищу, и где Слово уступает место чистой пластике.

Фильм приглашали к участию в самых престижных киносмотрях планеты, но маэстро неожиданно привез его в 1963 году на Московский международный кинофестиваль. Он всегда отличался прогрессивными взглядами и хотел увидеть, как примут его фильм в стране «победившего социализма», недавно сокрушившей столь ненавистный ему фашизм. Приняли картину прекрасно — она получила главный приз.

Феллини и его супруга охотно общались с советскими кинематографистами, отобедали у Сергея Герасимова домашними пельменями и один раз до утра веселились в пресс-баре фестиваля. Посещение нашего замечательного режиссера

Марлена Хуциева увенчало пребывание итальянского гения в Москве. Хуциев тогда бился над навязанными по требованию Н.С. Хрущева переделками «Заставы Ильича». Феллини узнал об этом и решил морально поддержать коллегу. А заодно обсудил с ним решение ключевой сцены фильма — воображаемую встречу молодого героя с погибшим на фронте еще более молодым отцом... Больше к нам Феллини никогда не приезжал.

Вслед за исповедальным фильмом «Восемь с половиной» режиссер задумал «Джульетту и духи» (1965), фильм, посвященный верной спутнице жизни и неизменному источнику своего вдохновения. Он вынашивал этот замысел очень долго, еще со времен «Дороги». Фильм о раскрепощении личности, об освобождении женщины от деспотизма мужчины, наполненный аллегориями и метафорами, снимался в студийных павильонах и на живописной натуре. Снимался долго и трудно. Мазина — абсолютный центр этого фильма — сыграла поистине безупречно.

И все же, несмотря на тончайший лиризм и неоспоримое совершенство формы (Феллини тут впервые переходит к цвету), особого восторга у зрителей и критики фильм не вызвал, а самому мастеру доставил немало хлопот. Налоговые органы обвинили режиссера в финансовых нарушениях, и суд обязал его выплатить государству 200 тысяч долларов. По общему мнению, приговор был явно несправедливым, но

Феллини подчинился ему и перебрался с женой из шикарных апартаментов в скромную квартиру.

Важнейшим свойством режиссерского почерка Феллини являлась спонтанность. Любая заданность, определенность, предсказуемость его раздражали. Он приходил на съемку с готовым сценарием, но, случалось, откладывал сценарий в сторону и сочинял сцену заново. Эта манера сводила с ума работавших с ним сценаристов, за исключением поэта, прозаика и блистательного драматурга-импровизатора Тонино Гуэрры. Сопротивлялся Феллини также продюсерскому контролю со сметами и календарно-постановочными планами. Не переносил актерские заготовки с заранее продуманным рисунком роли. Все это, по его убеждению, лишало творческий процесс хаотичности, импульсивности и превращало создание фильма в заурядную калькуляцию. Даже отсмотреть после проявки (цифровых чудес тогда ведь не было!) снятую сцену или готовый фильм означало для него расстаться с витающими в голове многочисленными вариантами. «Я продолжаю по донкихотски отстаивать, — неоднократно заявлял он, — право фильма на какую-то недосказанность, на размытые контуры, на соблазны и допущения, которые им управляли».

Рим и «окраина у моря», курортное захолустье городка Римини, такие разные, но в чем-то схожие, стали двумя вехами, в которых заключена вся жизнь и весь кинемато-

*«Ночи
Кабирии»*

граф Феллини. В Римини он родился и вырос. В Рим приехал 19-летним и прожил в нем до смерти. Маэстро говорил, что до переезда в Рим будто спал. Поэтому Римини остался для него пространством юношеских грез, а Рим выступил бурлящим мегаполисом, в котором он раскрыл свой талант и перенес эти грезы на экран.

Не удивительно, что Риму он посвятил свой следующий, одноименный масштабный фильм (1972), наполненный ощущением праздника, веселья, сказочной феерии, переплетающей собственные воспоминания режиссера, впечатления от книг, фильмов, спектаклей, вставные новеллы и кинозарисовки римских проспектов, улочек, площадей.

К Риму, но уже античному, режиссер возвратится в фильме «Сатири-

кон Феллини» (1969) — фантазии на тему дошедших до нас фрагментов романа древнеримского писателя Петрония Арбитра. Это произведение вместе с «Декамероном», «Историей моей жизни» Казановы и «Неистовым Роландом» входило в список картин, которые маэстро обещал кинопродюсерам в качестве компенсации за право снять свое, сокровенное.

От «Роланда», несмотря на любовь к Ариосто, ему все же удалось отвертеться. «Декамерон» воплотил на экране Пазолини, а «Сатириконтон» неожиданно заморозил Феллини именно своими зияющими пустотами, провалами повествования, оставлявшими место игре воображения. Рискованные похождения трех молодых бездельников с сомнительным

прошлым показали режиссеру интересной возможностью перебросить мостик из Римской империи I века н.э. в современность. Их аморализм, полное отсутствие угрызений совести и кипучая энергия одновременно пугали и завораживали маэстро. Он признавался, что за безверием, цинизмом и бунтом молодых для него скрывается нечто большее, быть может, грядущий апокалипсис, либо же обновление.

Вообще-то экранизация Петрония могла помочь Феллини выйти из наметившегося после достигнутых кинематографических вершин тупика. Сама почва и стихия родного города должны были стать ис-

точником вдохновения зрелого мастера, придать ему силы.

Так и вышло. «Сатириконт Феллини», нестерпимо красочный, избыточный, вульгарный и прекрасный одновременно, ознаменовал новый творческий взлет режиссера и был удостоен еще одного «Оскара» и премии «Золотой глобус» за лучший иностранный фильм года.

Маленькая деталь. А почему, спросите вы, имя режиссера стоит прямо в названии ленты? Дело в том, что одновременно с Феллини над собственной киноверсией «Сатириконт» начал работу бессменный продюсер Пазолини А. Бини. Постоянный продюсер Феллини А. Гримальди подал на Бини в суд, требуя, чтобы

*«Сладкая
жизнь»*

тот прекратил производство картины. Но Бини доказал свое право на экранизацию и зарегистрированное им название. Феллини и Гримальди пришлось искать другой вариант названия и, перебрав уйму вариантов, они просто включили в него авторскую принадлежность.

Мировая премьера фильма состоялась в одном из центральных концертных залов Нью-Йорка, сразу после выступления одной из культовых рок-групп. Кинорассказу о приключениях древнеримских отвязных парней Энклоппия и Аскилта сопутствовал сладковатый дымок марихуаны над головами молодежной публики, встречавшей аплодисментами буквально каждый кадр. Гигант-

ский экран, казалось, проецировал восторженные зрительские эмоции. Они смолкли в символическом финале картины, когда от ее дерзких молодых героев, которые веселились, дрались, сквернословили, грабили и убивали, остаются лишь придуманные Феллини как бы полустертые столетиями портретные изображения на античных развалинах... Все, что еще совсем недавно дышало жизнью и радовалось ей, исчезло, унесло ветром, чей томительный свист словно вопрошает: а что произойдет с нами, с нашей жизнью, с нашей цивилизацией?

Пронзительно завывающий ветер, ветер Времени — излюбленная

метафора Феллини. Она появляется также в финале его следующего грандиозного фильма «Амаркорд» (1973), слово, означающее на диалекте Римини «я вспоминаю». Только здесь режиссер с автором сценария, земляком Тонино Гуэррой, не столько вспоминают, сколько воссоздают, придумывают плохо сохраненные памятью эпизоды далекого детства в Римини. Но при этом скучными штрихами точно рисуют гнетущую атмосферу провинциального итальянского фашизма 30-х годов, вполне перекликающуюся с накаленной политической обстановкой в стране начала и середины 70-х, апофеозом которой стало похищение и убийство «Красными бригадами» премьер-министра Италии Альдо Моро. Это самый политизированный фильм Феллини.

Натурные съемки картины велись уже не в Римини, разительно изменившемся с довоенной поры. Режиссер приезжал на площадку в модном «ягуаре» (он любил красивые машины и красивую одежду, которую часто менял). Когда ему под ко-

леса едва не угодил мальчишка-велосипедист, Феллини тут же за бесценок продал авто немецкому туристу и за руль больше никогда не садился. С автомобилем же расквитался в «Амаркорде», сделав его объектом комической сценки с участием компании изнывающих от похоти подростков.

В центре фильма — скромная семья юного Титта, его родители, дед и сумасшедший дядюшка Тео. Перед зрителем разворачиваются колоритные эпизоды семейного быта, школьной жизни, мелких городских происшествий с участием местной красотки Градиски (чье прозвище означает буквально: «угощайтесь»), мечтающей о своем Гэри Купере. Откровенная чувственность, которая присуща всем фильмам Феллини, понимавшего ее как проявление инстинкта жизни, окрашивает здесь экранное повествование в щемяще-ностальгический тон. Сменяются вре-

**«Сатирикон
Феллини»**

мена года в маленьком приморском городке, но неизменной остается затаенная эротическая тяга молодых горожан и подростков к проходящей мимо них пританцовывающей походкой Градиске. Фильм, не имеющий сюжетного стержня, заканчивается ее свадьбой и отъездом из городка. А вместе с этим заканчивается для Титта и пора смутных грез. Их, вслед за скомканными салфетками со свадебного стола, уносит налетевший ветер.

В отличие от «Амаркорда», удостоенного премии американской киноакадемии и других почетных наград, идею взяться за постановку своего следующего фильма «Казанова» Феллини воспринял с явной неохотой и позже признавался, что фигура легендарного итальянского соблазнителя и авантюриста вызывает у него отвращение, а мемуары

«непревзойденного любовника» кажутся ему телефонной книгой.

Тем не менее, начав вплотную работать над проектом, он увлекся, дал волю своей буйной фантазии и вдоволь насмеялся над попытками переосмысления в современном искусстве и литературе этого архетипического образа галантного XVIII-го столетия. Причем его версия характера Казановы оказалась одной из самых точных и тонких, к тому же одной из самых сдержанных.

По соображению авторских прав фильм опять-таки был назван «Казанова Федерико Феллини» и явился вольным переложением, а также во многом пародийным переосмыслением мемуаров знаменитого итальянца. Поэтому долгие поиски исполнителя на главную роль, к удивлению окружающих, привели режиссера не к традиционным в столь знаковом образе красавцам-акте-

рам, типа Марчелло Мастоияни или Алена Делона, а к харизматичному, исключительно талантливому, но отнюдь не блещущему внешними данными американцу Дональду Сазерленду, который, вдобавок, предстал в картине с наполовину выбритой головой и грубо подведенными глазами.

Повествование ведется от лица состарившегося и ютящегося в приживалах у знатного вельможи героя, вспоминающего о днях своей победоносной молодости. Пестрая вереница не связанных между собой мемуарных фрагментов выглядит нескончаемым поиском Казановы несбыточного женского идеала. И в конце фильма он находит его — то ли в грезах, то ли наяву — в бездушном манекене, размалеванной кукле, с которой медленно кружится в последнем танце... Горькая метафора, язвительная насмешка.

Английская «Гардиан» назвала картину шедевром, она собрала достаточно внушительный урожай призов и наград, включая «Оскар» за костюмы. Но все же часть публики и критики встретила фильм прохладно, подавленная необычной трактовкой канонической фигуры главного героя и чрезмерной, на их взгляд, авторской фантазией.

Маэстро поспешил «укрыться» в новом проекте, поскольку не терпел перерывов в работе. Тут, как нельзя кстати, подвернулось предложение телеканала снять малобюджетный фильм, и Феллини взялся за «Репетицию оркестра» (1978), картину для не-

го не типичную, созданную в строгом соответствии с драматургическим каноном трех единств (места, времени и действия). Причем это явилось авторским решением, а не следствием выдвинутых каналом условий, их тоже было три: преобладание крупных планов, хронометраж в пределах 80 минут и отсутствие обнаженной натуры.

Фирменный стиль Феллини здесь можно опознать лишь по гротескной портретной галерее музыкантов (каждое лицо — сюжет), а так фильм снят просто и реалистично, без привычных у этого мастера метафорических «отлетов» раздробленного повествования и образных аллюзий. Но смысловая глубина, сила обобщения поднимают картину до уровня философской притчи.

Феллини изначально видел в репетиции оркестра символ общества, где «самовыражение возможно только в рамках того или иного ансамбля». Растянувшаяся тогда же, словно в замедленной съемке, на 55 дней трагедия казни террористами А. Моро оказала несомненное воздействие на создателя фильма. Он сам сказал об этом так: «Как можно застрелить кого-то, кого не знаешь, а затем с сознанием содеянного провести остаток земного срока? Что за бесы в тебя вселяются?..» Если в «Амаркорде» речь шла о коллективном бессознательном, то в «Репетиции оркестра» ему на смену приходит коллективное безумие. Механизм его и есть предмет художественного исследования фильма,

«Амаркорд»

снятого в псевдодокументальной манере. Приехавшие телевизионщики записывают видеоинтервью с собравшимися на репетицию музыкантами, каждый из которых любовно рассказывает о себе и своем инструменте.

А после вспыхивает и нарастает конфликт оркестрантов с маститым дирижером-деспотом из Германии, кроющим их последними словами на смеси итальянского и немецкого за неумение добиться того слаженного звучания, к которому он стремится. Протест против тирании дирижера выливается в открытый бунт и вакханалию. Случайно проливается кровь, есть уже первая невинная жертва... Останавливает разгул коллективного безумия проламывающий стену предназначенного к сносу старого церковного здания и угрожающе застывающий в проломе огромный чугунный шар на цепи экскаватора —

как воплощение неотвратимого рока. И тогда насмерть перепуганные, в клубах пыли от штукатурки оркестранты по мановению дирижерской палочки возвращаются к своим инструментам и вновь становятся Музыкантами. Репетиция стремительной, нервной увертюры, сочиненной специально для фильма Нино Ротой, продолжается. И опять, в самый волнующий момент, ее останавливает грубый окрик дирижера, а затем, уже спокойно, он произносит: «Начнем сначала». И это — конец фильма, утверждающего, что противостоять хаосу и разрушению способно только искусство.

В восьмидесятые об одном из последних великих фильмов Феллини «И корабль плывет...» (1983) говорили как о неудаче стареющего мастера. Да, в творчестве этого корифея мирового экрана и тогда и

*«Казанова
Федерико
Феллини»*

раньше случались относительные — подчеркиваю, относительные применительно к его уровню — даже не неудачи, а некоторые промежуточные, подготовительные к чему-то куда более значительному фильму, но все равно по-феллиниевски магические: более ранние — «Клоуны», «Город женщин», и более поздние — «Интервью», «Джинджер и Фред», прощальная и очень любимая им картина «Голос луны».

Что же касается «Корабля», то этот фильм просто опередил свое время. Псевдоинтеллектуалы, выходя после просмотра из зрительного зала, недоуменно пожимали плечами, не понимая, зачем на экране картонный носорог, почему в финале море оказывается целлофановым, и вздыхали: «Феллини, конечно, гений, но...» Феллини, конечно,

гений, и смотреть его пророческий фильм нужно и сегодня, поскольку перед нами художественное высказывание на тему надвигающейся гибели цивилизации. Ее невольными свидетелями оказываются пассажиры судна, а вездесущий репортер-рассказчик оперативно стряпает из неотвратимой катастрофы «товарный» сюжет...

Фильм намеренно снят целиком в декорациях, выстроенных на студии «Чинечитта». Вокруг корабля плещется целлофановое море, страдает разлученный с подругой бутафорский носорог (намек на Ноев ковчег: «каждой твари по паре»), догорает в нарисованном небе закат, а палубу в натуральную величину платформа гидравлической установки раскачивала настолько натурально, что все участники съемочной группы стра-

дали морской болезнью. Все, кроме самого режиссера-мага, отвергавшего низменную реальность.

В сущности, насквозь условный сюжет фильма родился из реального факта. Оперная дива Мария Каллас перед смертью завещала развеять ее прах в Эгейском море. Феллини с Гуэррой в истории траурного путешествия на корабле группы известных солистов, сопровождающих урну с прахом культовой певицы, задумали показать похороны самой оперы — главного вида искусства в Италии XIX-го столетия. И вместе с тем все эти чванливые, завистливые, алчные, похотливые в обыденной жизни персонажи перед лицом неминуемой гибели, которую несут им орудия встреченного германского крейсера (дело происходит во время Первой

мировой войны), выстраиваются на палубе и слаженно, дивными голосами исполняют бессмертную арию, снова превращаясь в Артистов.

8 марта 1993 года Федерико Феллини получил почетного «Оскара» за вклад в киноискусство. А 30 октября они с Джульеттой собирались отпраздновать в кругу друзей золотую свадьбу. Однако 15 октября великого кинорежиссера госпитализировали с инсультом. В день свадьбы с Мaziной он скончался.

Когда Италия провожала Феллини в последний путь, многотысячная толпа следовала за траурным кортежем по дорогам страны вплоть до фамильного склепа в Римини. Больная раком Джульетта Мазина пережила мужа на пять месяцев и попросила похоронить ее с фотографией Феллини в руке. □

Галина Рябинина

Жизни пишем мы страницы —
Как живем — так и прочтем.
Дни, как яблочки, кидаем,
В мире вечном соберем.

Вьется длинная дорога,
По которой мы идем.
Что откроет книга странствий?
После жизни все прочтем.

Жизнь и смерть, они так близко.
Жизнь одна, и смерть одна.
Где сойдутся две дороги?
Будет осень иль весна?

Позабуду все обиды,
Сброшу грустную вуаль,
И скажу: «Берите с миром!
Все, что пройдено, не жаль!»

МОИ ЗВЕНЯЩИЕ ПЕЧАЛИ...

Мои звенящие печали
Душе покоя не дают.
Они из прошлого и дали
В колокола набатом бьют.

И пряной осени дурманы
Уже не радуют меня.
Они, как синие туманы,
Крадутся на закате дня.

Воспоминанье навевает
Пурпурный дикий виноград.
Он в ноги листья осыпает,
Они слетают невпопад.

Как будто не было дыхания,
Моей руки в твоей руке
И только горечь осознания,
Что не прижмусь к твоей щеке.

НА ПУТИ В СУЗДАЛЬ

Летнее поле. Дали родные.
Ветер колышет цветочный узор.
Милые сердцу цветы полевые
Тихо ведут меж собой разговор.

В небо уходит пространство земное.
Травы высокие дышат в лицо.
Хочется стать мне высокой травой,
Пить чисто поле — хмельное вино.

Лягу крестом на цветочном узоре
И затеряюсь в высокой траве.
Небо мое отразится во взоре.
Русское небо, в земной синеве.

Мысли и чувства парят над землею.
Даль облаков я несу на руках.
Я заблудилась, но счастье со мною —
Поле на небе, и я в облаках...

НАШИ ЛАНДЫШИ

Я не заметила, как ландыши цвели
И листья клена с изумрудной тенью.
В душе страданья холодом легли,
Предав все чувства прежние забвенью.

Весна покинула мой уголок земли.
И сад, и душу растрепала ветерками.
Под соснами иголки полегли,
Как наша жизнь, колючими стежками.

Стою в саду, в холодном осознание,
Что мысли прежние для радости глухи.
Куст земляники в белом увядание.
И наших ландышей ушедшие «духи».

О бренный мир, верни душе отраду.
Верни мне радости потерянной весны.
В одном венце церковную прохладу,
Где мы с тобой в любви обручены.

ОДИН ВЕНЕЦ

Встретились два одиночества
В мире разбитых сердец.
Были даны им пророчества —
Вместе искать свой венец.

Долго их души бродили
По лабиринту судьбы.
Ангелы верность хранили,
Чтоб не сбивались с тропы.

В праздник Святого Единства
Соединил их Творец,
Вера, Надежда с Любовью
С Софией держали венец.

ЭВКЛИД КЮРДЗИДИС

Фото из личного архива

Эвклид Кюрдзидис — харизматичный актер театра и кино, заслуженный артист России и Южной Осетии. Ему одинаково блестяще удается совершенно разноплановые роли: героев-любовников, императоров, интеллигентов и бандитов. Родовые корни Эвклида идут из Греции. Он очень любит эту страну и считает ее лучшим местом на земле. А греки называют его «русским Аль Пачино». У него впереди много планов, но одну свою мечту он уже осуществил: стал организатором и президентом кинофестиваля «Хрустальный ИсточникЪ», который проводится в городе Ессентуки.

«Актером становятся в течение всей жизни, а не по окончании вуза»

— Эвклид, было бы странным сегодня задавать вопрос о новостях в вашей творческой жизни, но все же...

— Несмотря на карантин, который пережил каждый из нас, и прочие

обстоятельства, жизнь продолжается, что-то новое происходит и в творчестве. Снялся в молодежной комедии, которая выйдет в кинотеатрах к Новому году — «Флэшмоб» — молодого режиссера Алены Рубин-

штейн. Алена — ученица знаменитого Вадима Абдрашитова. В Ростове-на-Дону и в Костроме с успехом прошел кинофестиваль для детей и молодежи, в которых я принимал участие. Готовлю роль в спектакле «На высоких каблуках» режиссера Александра Нестерова, где буду играть вместе с Нонной Гришаевой.

Из-за пандемии в этом году не получилось провести кинофестиваль «Хрустальный ИсточникЪ», ко-

торый мне удалось организовать два года назад, но в Ессентуках летом прошел мини-фестиваль, один из проектов кинофестиваля — «Кино под открытым небом», приуроченный к 195-летию юбилею города-курорта. Получился очень яркий праздник. Фильм «Мы из будущего» представляла Екатерина Климова, «Движение вверх» — Марат Башаров, мы очень надеялись, что картину «Лед» представит Ма-

Фото
Евгения
Михайленко

рия Аронова или Александр Петров, но, в связи с занятостью на съемках, они не смогли принять участие.

— Как родился фестиваль «Хрустальный Источник»?

— Это была давняя мечта сделать фестиваль в городе моего детства. Я благодарен Ессентукам за все, что у меня есть сегодня. Мое детство было радостным, музыкальным, дружелюбным, познавательным и веселым. В этом городе я научился играть на балалайке и трубе, занимался спортом, цирковым, прикладным и драматическим искусством — и все это было бесплатно. Последние 10–15 лет я думал о том, что было бы здорово сделать фестиваль в Ессентуках, привозить лучшее кино, любимых артистов; чтобы наш народ ездил в курортные города-жемчужины нашей страны. В последние годы все ринулись за границу, незаслуженно позабыв об этих курортах Кавказа.

Мне удалось убедить местных предпринимателей собрать первоначальный капитал. Я тогда не знал, получится у меня или нет. Конечно, это был риск, но желание было огромным. На первый фестиваль в 2018 году приехали более 150 киногостей со всей России, а еще Катрин Денев. Это был настоящий взрыв для меня. Я много работал, спал по два часа в сутки и был без сил, но очень счастлив, что моя мечта все-таки осуществилась. Безмерно благодарен предпринимателям, которые поверили в меня, поделились

Фото
из личного архива

деньгами, благодарен коллегам-кинематографистам, которые, несмотря на трудности и, может быть, сомнения, приехали на фестиваль.

В первый день открытия на фестивале было 28 тысяч человек. Мы придумали самую длинную красную дорожку в мире. Ее длина составляет 555 метров! Проложили дорожку там, где ходили Шаляпин, Дункан, Маяковский... А в 2018 году прошла Катрин Денев. Второй фестиваль было делать легче, потому что я понимал, что могу быть организатором, лидером, но в то же время и страшно — у нас, творческих людей, есть понятие «синдром второй картины». Это когда первый фильм ты снял успешно, а второй, как правило, нет. Поэтому от второго фести-

валя мы ждали провала. Два года я уговаривал актрису Ирину Муравьеву приехать на этот фестиваль, но она отказывалась, мол, ну что может сделать артист... Но все же приехав на второй фестиваль, она сказала,

что увиденное восхитило не только ее, но и Пьера Ришара, который прилетел поддержать наш фестиваль.

У фестиваля обширная программа: конкурс показа новых картин, снятых за последний год, детская

Фото
Бориса Кремера

Фото
Александра
Нефедова

программа, а также кино под открытым небом... Это и творческие вечера наших любимых артистов-звезд, это и спектакли, концерты, экскурсии, выставки в историческом музее и возможность для актеров подлечиться, подышать целебным воздухом. Ну и, конечно, это возможность общения, ведь в Москве мы не видим друг друга годами.

Это и социальная программа — фестиваль совместно с «Детским миром» дарит огромную игровую детскую комнату на каждом этаже в больницах Ессентуков. Больной ребенок может зайти в эту комнату и поиграть в различные игрушки. Такие игровые комнаты подарили и городу Георгиевску, должны были и городу Лермонтову, но, увы, пандемия внесла свои коррективы.

Первый фестиваль не случился бы без помощи Валентины Ивановны Матвиенко и ее помощника сенатора Михаила Александровича Афанасьева. Губернатор Ставропольского края Владимиров поддерживает культуру и искусство, проводит разные фестивали: воздушных шаров, фейерверков, велосипедистов, молодежные форумы.

— Эвклид, что скажете молодым людям, которые хотели бы стать артистами, что ждет их в будущем?

— Я часто встречаюсь с молодыми людьми и благодарю тех мальчишек и девчонок, которые в течение трех лет мне помогают в качестве волонтеров на фестивале в Ессентуках. Если обращаются ко мне с просьбой

Фото
Александра
Ковылина

дать мастер-класс для ребят, я не отказываюсь. Недавно побывал в закрытой школе для малолетних преступников, где находятся дети от 10 до 17 лет, провел и среди них мастер-класс. Это сложные дети, заигравшиеся не в те игры.

Вообще, у медали две стороны. Почему-то в нашей профессии все видят только одну сторону, которая блестит, но никто не предполагает, что есть обратная, непростая. Когда родители спрашивают, что делать, мой ребенок хочет стать артистом, я отвечаю, что нужно отговаривать с пеной у рта. Потому что, если он рожден быть артистом, он вас не послушается, и будет поступать, а если вы его отговорите, значит, это не его профессия.

Выдержать все то, что есть в этой профессии, может не каждый. Нужно уметь ждать своей роли месяц,

год, десятилетие, ведь далеко не все актеры востребованы. На экране — единицы, а сколько тысяч артистов не у дел, их не снимают в кино, не дают роли в театре... Нужно обо всем хорошо подумать, прежде чем идти в актеры. Артистом становятся в течение всей жизни, а не по окончании вуза. В артиста можно вырасти, а можно и нет. Должна быть вера в себя и огромное трудолюбие. Нужно «пахать» 24 часа в сутки, работать над собой постоянно, учить роли, а текст одной роли может быть на 60 страниц. А если ты играешь не в одном, а в нескольких спектаклях — все это нужно держать в памяти. Нагрузки серьезные. Может сложиться так, что даже придется учить по 20-30 страниц на иностранных языках... Если я кого-то напугал своим монологом, не идите в эту профессию. Без трудолюбия, упорства,

силы воли — без всех этих качеств невозможно состояться как артист.

— Вам хотелось бы снимать кино в Ессентуках?

— В прошлом году на кинофестивале «Хрустальный Источник» мы объявили конкурс «Кинокампус» молодым кинематографистам России, чтобы они приехали и сняли короткометражку на 3–7 минут во время работы кинофестиваля. Условия таковы, что сначала объявляется конкурс на сценарий, жюри отберет из них семь лучших, приезжают молодые режиссеры и участвуют в процессе. В прошлом году худруком «Кинокампуса» был Сергей Мокрицкий, он помогал приехавшим ребятам из Москвы, Иркутска, Черкесска, Санкт-Петербурга, Новосибирска, учил, как правильно монтировать,

как работать с актерами. Одному молодому режиссеру в результате удалось уговорить Александра Балуюева сняться в короткометражке, другой уговорил Ольгу Прокофьеву, то есть здесь есть возможность снять в своих историях звезд, что, собственно, является и частью работы режиссера — уметь уговорить артиста сняться в его работе. Было снято в прошлом году семь картин, из них выбирали лучшую и продвигали на другие фестивали. Надеемся, что наш «Кинокампус» будет работать и в этом году.

Добро пожаловать летом на кинофестиваль «Хрустальный Источник», в самый зеленый, самый уютный, самый целебный город-курорт Ессентуки! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Фото
Сарры
Деминчевой

Ирина Опимах

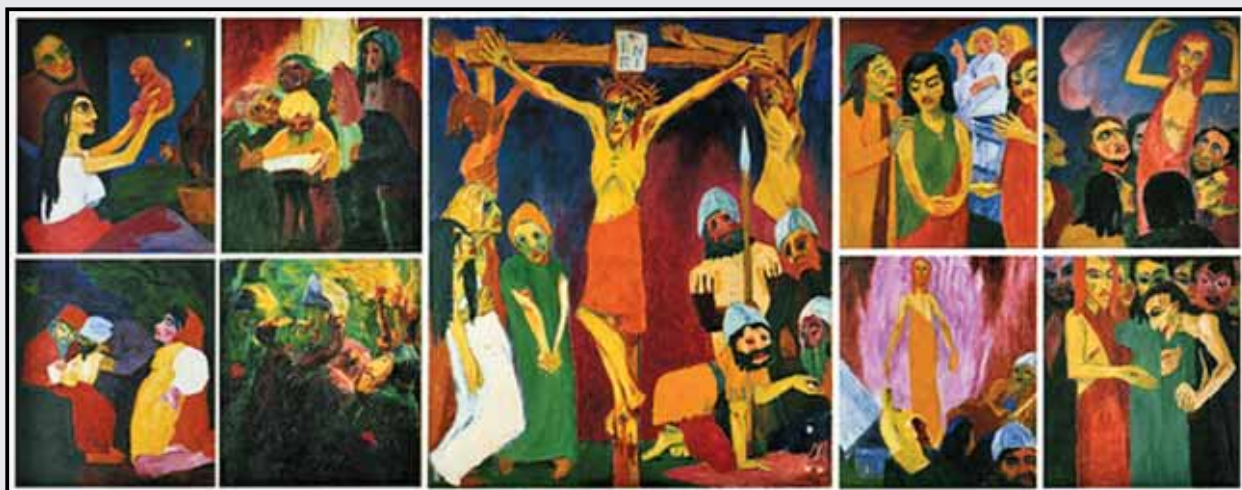
Эмиль Нольде, или Победа искусства над идеологией

Эмиль Нольде. Автопортрет

19 июля 1937 года в Мюнхене открылась очень необычная выставка. Целью ее устроителей было показать безумие и уродство современного искусства. И название для этой выставки они выбрали вполне говорящее — «Дегенеративное искусство». Экспонаты собирались специально отобранными экспертами по всей Германии, в лучших собраниях страны. Среди работ, показанных на выставке, были картины лучших художников того времени — Бекмана, Кирхнера, Клее, Гросса, Дикса, Шагала, Явленского, Кандинского, Архипенко, Энсора, Матисса, Пикассо, Ван Гога и многих других. А в самом центре экспозиции была представлена большая работа Эмиля Нольде, его знаменитый полиптих «Жизнь Христа». Такая честь — оказаться в центре этой мюнхенской выставки, вошедшей в историю мирового искусства и ставшей одной из самых позорных ее страниц, — была оказана очень необычному, очень противоречивому человеку, замечательному художнику, но бесконечно преданному фашистской идеологии. Тем острее и трагичнее выглядела вся эта ситуация...

Эмиль Нольде (его настоящая фамилия — Хансен) родился в 1867 году. Произошло это примечательное для судеб немецкого искусства событие на ферме матери будущего художника, недалеко от деревни Нольде. Эмиль был четвертым ребенком в се-

мье. Его предки издавна владели этой землей почти на самой границе Германии и Дании. Суровый крестьянский труд заполнял их существование, и маленькому Эмилю приходилось помогать взрослым, однако гораздо больше, чем возиться на

Полиптих «Жизнь Христа»

земле, он любил рисовать. Семейство его отличалось глубокой религиозностью, и Библия в доме Хансенов была любимой книгой, а потому сюжетами первых рисунков Эмиля становились истории из Священного Писания. Он брал мел и разрисовывал все поверхности, доступные и удобные для рисования — стены амбаров, двери в доме.

В 17 лет, в 1884 году, Эмиль сбежал с материнской фермы в город Фленсбург, учиться в ремесленную школу на мебельщика, а потом устроился работать на мебельную фабрику резчиком по дереву. Резьба по дереву, конечно, не живопись, но все-таки поближе к искусству, чем работа в поле. И родственники ремесло мебельщика вроде одобрили. Нормальное дело, и можно хоть что-то заработать. Через три года он уехал в Мюнхен. Ходил по мюнхенским музеям и окончательно понял, что его жизнь — это искусство. А потом отправился в Карлсруэ и поступил в школу промышленного дизай-

на, где изучал не только спецпредметы, но и основы живописи. К сожалению, это счастье продолжалось недолго — денег хватило только на два семестра. Но юный Эмиль не унывал — он решил ехать в Берлин. Там он устроился работать проектировщиком мебели и одновременно изучал — уже совершенно самостоятельно — искусство Античности и мастеров Возрождения в великолепных берлинских музеях. Эти свои занятия он продолжил и в Швейцарии, где преподавал промышленный и декоративный рисунок, а в свободное время ездил в Италию и Францию, где можно было увидеть работы великих мастеров, например, Леонардо да Винчи, Дюрера...

Там, в Швейцарии, ему впервые удалось заработать деньги, продавая свои художественные работы. В 1893 году Эмиль придумал серию смешных открыток — нарисовал горы в виде забавных великанов. Они были напечатаны в одном из журналов и имели большой успех.

Заняв деньги, он выпустил еще серию открыток — были проданы 100 тысяч, а выручка составила 25 тысяч франков! Теперь можно было бросить опостылевшую работу и делать то, что ему хотелось.

А хотелось ему пожить в Париже — и в 1899 году он отправился в эту столицу искусства. Посещал известную Академию Жульена, ходил по музеям и выставкам, восхищался импрессионистами...

Потом он собрался поехать в Копенгаген, где познакомился с очаровательной молодой актрисой Адой Вильструп и безумно влюбился в нее. В 1902 году они поженились. Началась совсем новая жизнь, и Эмиль Хансен решил, что теперь и имя у него будет новым, и, взяв в качестве псевдонима название своей родной деревни, стал Эмилем Нольде.

Он поменял не только имя, а, пробуя разные техники и манеры, на-

шел свой стиль. Отныне главное для него — цвет и свет: «Цвета — это мои ноты, при посредстве которых я образую звуки и аккорды, сочетающиеся или контрастирующие друг с другом. ... В каждом цвете есть душа, и эта душа может меня осчастливить, может оттолкнуть, может взволновать».

Однажды на одной из выставок в Дрездене его заметили члены известной группы «Мост». Они, выдающиеся представители немецкого экспрессионизма, пытавшиеся выразить внутренний мир человека и добивавшиеся невероятного эмоционального накала, пригласили Эмиля войти в их объединение, и он согласился.

Тем временем Ада нашла работу в Берлине, место певицы в ночном клубе. Но здоровье фрау Нольде было всегда слабым, и ночная работа была явно не для нее. В результа-

те она тяжело заболела, и Эмиль повез ее в Италию, под теплое средиземноморское солнце, и продолжал писать, писать....

Он писал цветы, натюрморты, портреты жены. Значительное место в его творчестве по-прежнему занимали религиозные мотивы. В 1909 году появилась «Тайная вечеря», в 1911–1912 — «Распятие», в следующем году — «Положение во гроб». Эти полотна — невероятно страстный рассказ о жизни и смерти Христа. Герои художника — люди, которых он хорошо знал, это — немецкие крестьяне, среди которых он вырос. Грубые лица, угловатые тела, эти образы несут в себе глубочайшую трагедию — трагедию Христа и трагедию простого немецкого крестьянина.

Постепенно возник целый полиптих из 9 частей. В марте 1912 года он был показан на выставке в горо-

де Хагене, а затем его должны были выставить в Брюсселе, на Международной выставке современного религиозного искусства. Но за два дня до открытия жюри изменило решение показать публике это сомнительное произведение, сочтя его слишком сильным и даже — опасным! После этого была предпринята попытка выставить полиптих на выставке в Кельне, организованной Объединением западно-немецких художников и ценителей искусства, однако и там устроители выставки отказали Нольде — довольно вежливо, под предлогом нехватки места.

Однако спустя несколько лет нравы в мире искусства изменились, и творение Нольде уже не воспринималось столь однозначно. Полиптих все-таки был показан публике — на крупных выставках в Любеке (1921), в Дрездене и Базеле (1928),

в Берлине и в Эссене на выставке «Религиозное искусство настоящего». Место свое он нашел в музее Фолькванг в Эссене — в доме Нольде полиптих просто не помещался.

После Первой мировой войны, в которой Эмиль не участвовал, он принял гражданство Дании, но предпочел жить в Германии — купил дом на холме Зеэбюль, в городе Нойкирхен.

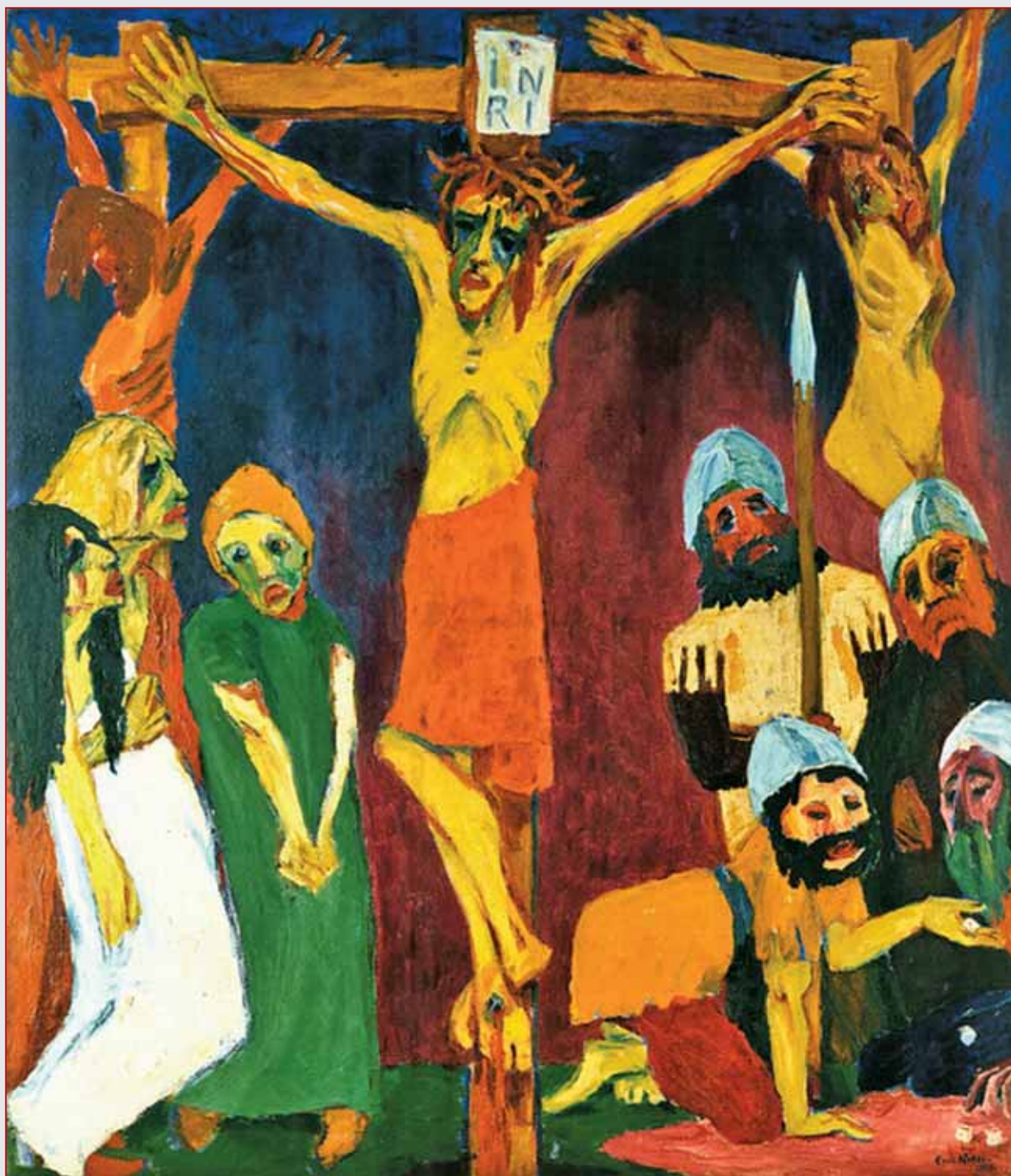
В 1913–1914 году Имперское колониальное ведомство Германии организовало большую этнографическую экспедицию — через всю Европу, по Транссибу, потом морем в Японию, Китай, Манилу, а обратный путь лежал через страны Тихого и Индийского океанов, Порт-Саид и заканчивался в Генуе. Это было грандиозное путешествие, и Нольде был счастлив, когда его пригласили принять в нем участие. Результатом этого приключения стало множество рисунков и картин.

А в 1927 году вся Германия отмечала 60-летие Эмиля Нольде. В Дрездене состоялась юбилейная выставка, которая затем экспонировалась в Гамбурге, Киле, Эссене и Висбадене. Кильский университет имени Кристиана Альбрехта присвоил Нольде звание Почетного доктора, а в 1931 году его приняли в члены Прусской академии художеств. В том же году Нольде издал первый том своей автобиографии «Собственная жизнь» (*Das eigene Leben*).

А между тем в стране все большее влияние приобретал нацизм, Германия быстро менялась. И Ноль-

де поддался этому безумному угару. Он всегда ощущал себя исключительно немецким художником, и теперь ему казалось, что он как никто выражает истинный арийский дух. В 1934 году Нольде вступил в национал-демократическую партию, присутствовал на торжественной церемонии в честь десятилетия «Пивного путча» (первой попытки завоевания власти, предпринятой Гитлером и его сподвижниками в Мюнхене в ноябре 1923 года), познакомился с Гиммлером, известным ценителем старого искусства, и Геббельсом, украсившим свой дом полотнами Нольде. До 1936 года его выставки проходили с неизменным успехом, печатались книги — его собственные и других авторов, посвященные его творчеству. Его даже выдвинули на пост президента Объединенных художественных школ, доверив воспитание молодого поколения германских художников!

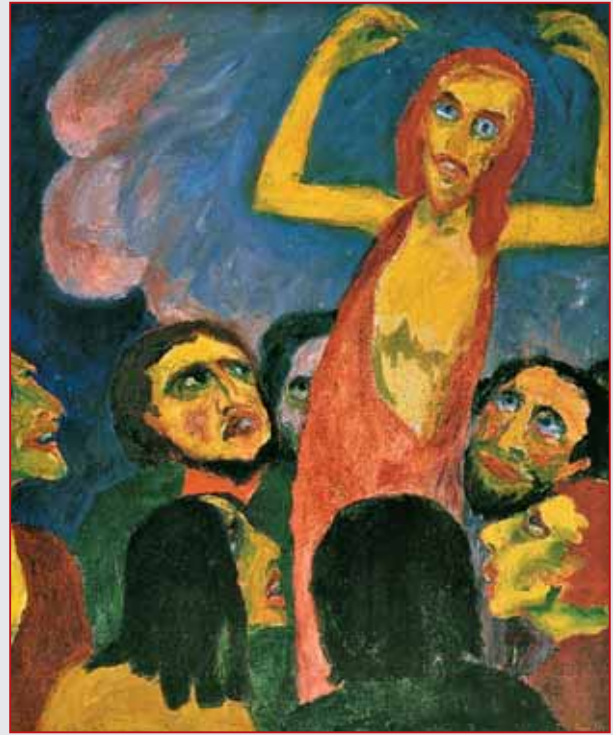
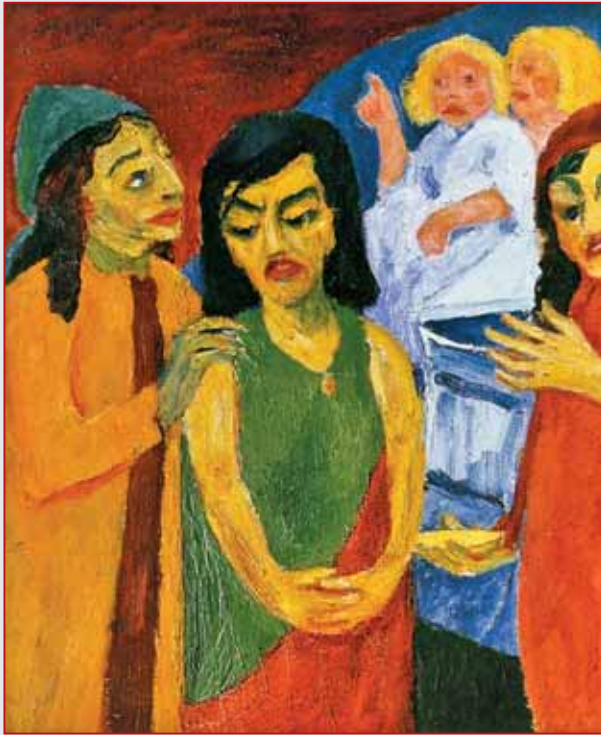
Но потом что-то повернулось в сознании руководителей немецкого искусства, и вдруг экспрессионизм, авангардизм во всех его проявлениях были признаны недопустимыми и чрезвычайно вредными. Вот тогда-то и была устроена эта выставка — «Дегенеративное искусство», для которой по всей Германии были собраны образцы этого ужасного вырожденческого так называемого творчества. Поразительное дело — Нольде, совсем недавно пользовавшемуся покровительством высших нацистских бонз, кураторами выставки было оказано наиболь-

шее «почтение». Посетители увидели 33 его живописных полотна и его графические листы. А из музеев было изъято 1052 работы художника и 53 хранившихся у него дома.

Эмиль был потрясен — ведь он так старался жить и творить для но-

вой власти! В порыве верноподданнических чувств даже перестал писать картины на библейские сюжеты. Теперь он рисовал пейзажи и нордических вождей. И слал непрерывно письма в высшие государственные инстанции — просил вернуть конфи-

скованные картины. В письме Гейбельсу он говорил: «Мое искусство немецкое, сильное, суровое, сердечное». Но ничего не помогло.

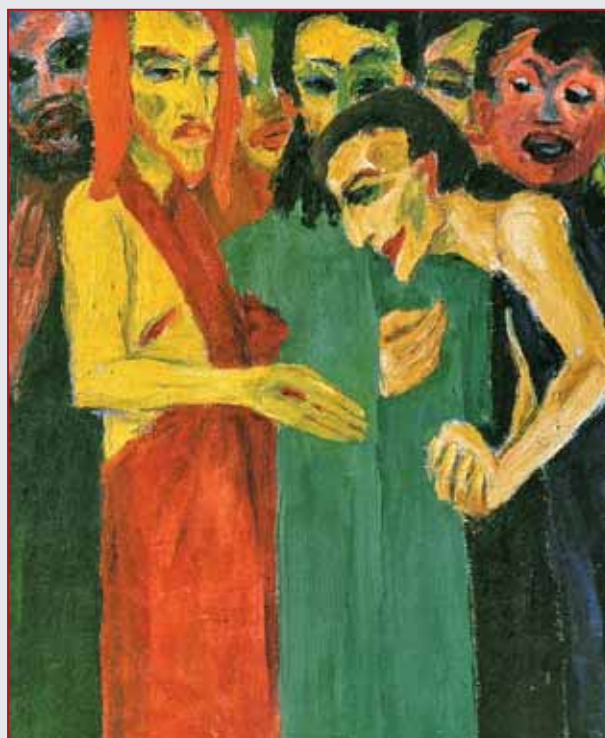
В августе 1941 года Нольде исключили из Имперской палаты по делам изобразительных искусств и запретили работать в любой области изобразительного искусства — профессионально и по совместительству. Запрещалось также продавать свои картины и участвовать в выставках. То есть ему запретили делать то, что было смыслом его существования!

Бежав от столичной суеты, Нольде в своем Зеебюле занимался огромным садом, выращивал прекрасные цветы и создавал тайком, акварелью (ему же запрещено покупать холсты и масляные краски), небольшие пейзажи и натюрморты, которые легко спрятать, если вдруг нацисты заявят-

ся к нему в дом проверять, насколько он выполняет распоряжения властей. «Ненаписанные картины» — так он называл эти свои акварели, ведь на самом деле они должны были бы быть написаны маслом, на больших холстах. (Об этом позже напишет Зигфрид Ленц в знаменитом романе «Уроки немецкого», переведенном на многие языки мира.)

15 февраля 1944 года Берлин был подвергнут мощной бомбардировке. Пострадала и берлинская квартира и мастерская Нольде, погибли многие его картины, а также хранимые им полотна Клее, Кандинского, Кокошки... Все сгорело дотла.

8–9 мая 1945 года весь мир праздновал победу над фашистской Германией. А спустя год комиссия по денафикации города Киль полностью реабилитировала Нольде, сняв с него все обвинения

и забыв о его членстве в нацистской партии. Он и его творчество были репрессированы нацистами, и теперь Эмиль Нольде был признан борцом с режимом, одним из лучших художников Германии, ее гордостью и славой...

Осенью 1946 года умерла Ада — она всегда отличалась слабым здоровьем. Нольде переживал, конечно, уход любимой жены, но уже через два года женился снова — на 26-летней Иоланте Эрдман, дочери своего друга, композитора и пианиста Эдуарда Эрдмана. В написанных им портретах молодой жены он пытался выразить любовь и восхищение ее юной красотой.

Последние годы жизни Нольде оказались очень плодотворными. А еще получает множество наград — медаль имени средневекового немецкого художника Стефана Лохне-

ра от города Кельна в 1949 году, в 1952 г. — один из высших орденов ФРГ «За заслуги» (Pour le Mérite) и премия за достижения в графическом искусстве на XXVI биеннале в Венеции. (На Венецианской биеннале он экспонировался еще два раза — в 1950 и 1956 годах, и в 1955 году участвовал в биеннале «Документа» в Касселе.)

Эмиль Нольде умер в своем доме в Зеебюле в весьма почтенном возрасте, в 89 лет. Похоронен художник рядом со своей женой Адой в их семейном склепе. Умирая, Нольде завещал создать в Зеебюле Дом-музей, в нем ныне располагается Фонд Ады и Эмиля Нольде. Здесь можно увидеть тот самый полиптих «Житие Христа», центральное событие выставки «Дегенеративное искусство». И снова прикоснуться к трагедии Христа, почувствовать

Открытка из серии «Магические горы»

боль души художника. Искусство победило все — идеологию, вкусы отдельных людей, облаченных властью, время. Все встало на свои места.

Эмиль Нольде сегодня — признанный мастер. Его искусство продолжает жить и восхищать любителей живописи. Вот и совсем недавно, в 2019 году, в Берлине, в Музее современного искусства Hamburger Bahnhof состоялась большая выставка «Эмиль Нольде — немецкая легенда». Кураторы выставки попытались представить обе стороны медали, обе стороны жизни выдающегося художника. Две работы Нольде, украшавшие кабинет Ангелы Меркель, участвовали в этой выставке. После нее они не возвращены обратно.

И это некий признак пересмотра роли Нольде в немецкой культуре. И повод поразмышлять о месте художника в тоталитарном государстве. Как оставаться честным в жизни и живым в искусстве?

Многие деятели культуры Германии не смогли смириться с нацизмом, приспособиться к нему, вписаться в фашизм, а потому эмигрировали. Но некоторые смогли. Таким был Нольде, член нацистской партии и — выдающийся художник. «Гений и злодейство — две вещи несовместные. Не правда ли?» — когда-то спрашивал Пушкин устами Моцарта. Хотелось бы думать, что да, несовместные. Однако и по сей день нет окончательного ответа на этот вопрос... □

Уважаемая редакция журнала!

Держу в руках № 12 «Смены» — замечательный повод, чтобы поблагодарить всех вас!

Потрясение! Статья Виктора Ома «Малиновый звон в снегопаде»! Я не удержалась от очищающих слез, только прочитав самое начало статьи. А дальше меня ждали... открытия! Я впервые увидела картину «Душа народа» («Христиане»)! А еще история о больной девочке, с которой писан лик Варфоломея... Обязательно буду рекомендовать прочесть о Нестерове всем нашим читателям. Полезно для полноты духа и сердца...

Как, впрочем, и «Пророчество денщика» Анатолия Крищенко. «Запеть картина должна...» — запомним.

На острове Генриетты полярная метеостанция, которая спасет очередных «русских робинзонов»... Мало мы знаем о своей родине.

Ретродетектив А. Филиппова порадовал. Так вкусно! А Дагмар, невеста двух наследников, стала намного роднее... Спасибо, Денис Логинов! И начало занимательного детектива Александра Аннина прочла с большим удовольствием!

Давно знаю, что книжка лучше «Мышки». Делаю все (и даже невозможное!), чтобы в моем поселке люди читали. Правда, кардиолог советует мне немного сбавить темп: «Вы все равно духовную деградацию не остановите!» Разум понимает, а душа отвечает: «Ну хоть пятками ее (деградацию) приторможу!»

Спасибо всем-всем, кто создает отличный журнал «Смена»!!! А мы, забойчане, будем читать его и в 2021 году! Благодаря доброму спонсору Слюсаренко Марине Васильевне снова оформили подписку!!!

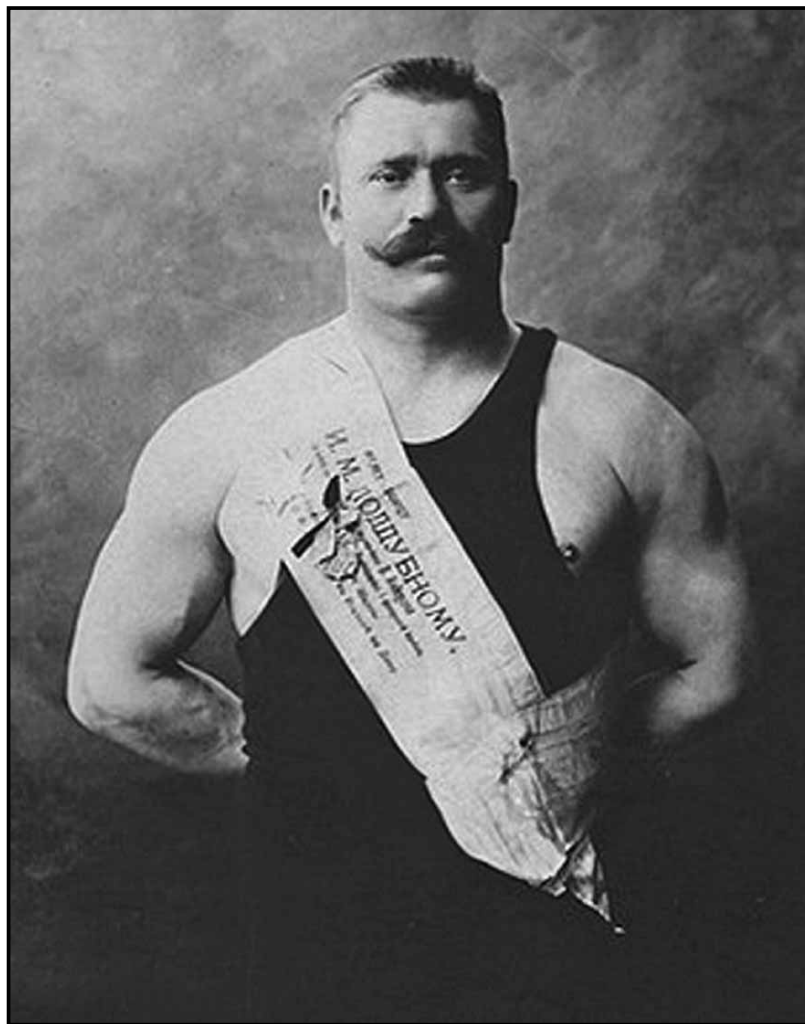
С наступающим Новым годом! Надеюсь, счастливым!

Заведующая Забойской библиотекой
Завгородняя Ирина Ивановна

Евгения
Гордиенко

Жизненная сила ИВАНА ПОДДУБНОГО

Когда говорят об Иване Поддубном, перед глазами неизбежно встает стереотипный и в чем-то даже карикатурный образ русского борца: громадная фигура, роскошные усы, непременно полосатое трико... Этот вид широко растиражирован — и имеет весьма отдаленное отношение к реальному человеку Ивану Поддубному, который прожил очень долгую и очень разную жизнь.

Иван Максимович Поддубный родился в 1871 году на Полтавщине, в казацком роду. В семье ходила легенда, что один из предков будущего борца участвовал в Полтавской битве и захватил шведский стяг, за что был лично награжден Петром Первым. Если легенда правдива, то силачи появи-

лись в роду задолго до Ивана. Сам он всю жизнь был убежден, что на свете есть только один человек сильнее него — его отец. И никакие проигрыши в боях (а они случались) не могли убедить его в обратном.

Детство Ивана, как и трех его сестер и трех братьев, проходило в тя-

желом физическом труде, в полях. На сильного и статного парня за-сматривались девушки, но сам он влюбился в Алену Витяк, которая, в отличие от Поддубного, происходила из богатой семьи. По этой ли причине, или по причине того, что, возможно, они были дальней родней, молодым людям не удалось пожениться.

Пережив первую в своей жизни любовную драму, Иван уехал. Как и положено при любовной драме — к морю. Учитывая физические данные и полное отсутствие знакомств в большом городе Севастополе, работать он устроился портовым грузчиком. Поработав какое-то время, перебрался в Феодосию.

Несмотря на длинный — 14 часов — рабочий день — у молодых парней после работы оставались еще силы на тренировки. Они поднимали гири, занимались борьбой. Именно там Поддубный впервые узнал, как правильно тренироваться, развивать свою силу.

В 1896 году — ему было уже 25 лет — в Феодосию приехал цирк шапито антрепренера Ивана Бескаравайного. Иван ходил на представления каждый вечер. Он — пропал. Но не от восторга перед великим искусством, а от страсти к уже не юной, но весьма привлекательной гимнастке Эмили.

С Эмилией не сложилось, но посещения цирка все равно имели последствия. На каждом представлении борцы предлагали любому же-

лающему сразиться с ними на арене и получить в случае победы вознаграждение. Поддубный тоже участвовал в этих состязаниях, чтобы поразить даму своего сердца, и даже победил всех борцов цирка, кроме одного — самого сильного.

Поражения — неважно, любовные или спортивные — Иван Максимович всегда переживал очень тяжело. В этот раз он, правда, не стал сбегать, а приступил к гораздо более серьезным тренировкам. На работу в порту времени уже не оставалось. Он бросил ее и устроился в цирковую труппу Энрико Труцци. О номерах, которые показывал Поддубный, до сих пор ходят легенды. Уже в начале своей цирковой карьеры он клал себе на плечи телеграфный столб, по обеим сторонам которого висели люди — по 10 человек. В конце концов, столб под их весом ломался.

Но трюки — лишь небольшая часть «работы» на арене. Основную славу Поддубный приобретал, выигрывая соревнования по цирковой борьбе, больше всего похожей на схватку на кушаках. Но сила не имела здесь решающего значения: бои были, как говорят в современном спорте, «договорными», то есть победитель был известен заранее, и всегда это должен был быть главный борец цирка, его звезда. Поддубный по этим правилам играть не желал. На протяжении всей жизни он резко и жестко боролся с любой нечестностью в спорте.

Если на арене противник пытался использовать запрещенный прием

или какую-то хитрость, Иван Максимович мог потерять над собой контроль. Случалось, что побежденных уносили с «поля боя» без сознания. И это очень нравилось публике, всегда охочей до жестокости.

Чтобы сохранять форму, он правильно питался, правда, мнения об его диете расходятся: кто-то говорит, что он ел много мяса и пил

свою большую любовь. Снова гимнастку, Марию Дозмарову. Правда, счастье возлюбленных продлилось недолго: Мария трагически погибла, разбившись на манеже.

Он действительно по-настоящему любил ее, планировал связать с ней свою жизнь, поэтому после ее смерти погрузился в депрессию. Хотел снова уехать, но его связывал кон-

Когда Поддубный устроился в цирковую труппу Энрико Труцци, о номерах, которые он показывал, ходили легенды. Он клал себе на плечи телеграфный столб, а по обеим сторонам его висели люди — по 10 человек. Но основную славу Поддубный приобрел, выигрывая соревнования по цирковой борьбе, похожей на схватку на кушаках. При этом усиленные тренировки нисколько не мешали ему регулярно крутить романы — с артистками цирка, и не только

много водки, кто-то — что ел в основном каши и почти не пил. Но сходятся все в одном — Поддубный постоянно и очень много тренировался.

Тренировки не мешали ему регулярно крутить романы — с артистками цирка, и не только. Список любовных побед борца был огромен.

Расставшись с очередной барышней и пребывая, по обыкновению, в мрачном расположении духа, он отправился в Киев, где на его выступлениях был полный аншлаг. Именно здесь, в Киеве, Поддубный встретил

тракт, неустойка была так велика, что ему пришлось остаться. От отчаяния Иван Максимович стал еще больше времени уделять тренировкам, хотя, казалось бы, это было уже невозможно. В Киевском клубе атлетов он увлекся французской борьбой, начал осваивать именно эту разновидность соревнований. Как и во всем, что он делал в спорте, здесь Поддубный добился успеха, благодаря чему был приглашен председателем Санкт-Петербургского атлетического общества графом Георгием Ивановичем Рибопьером в столицу,

и тот убедил Ивана Максимовича поехать в Париж на чемпионат мира по борьбе.

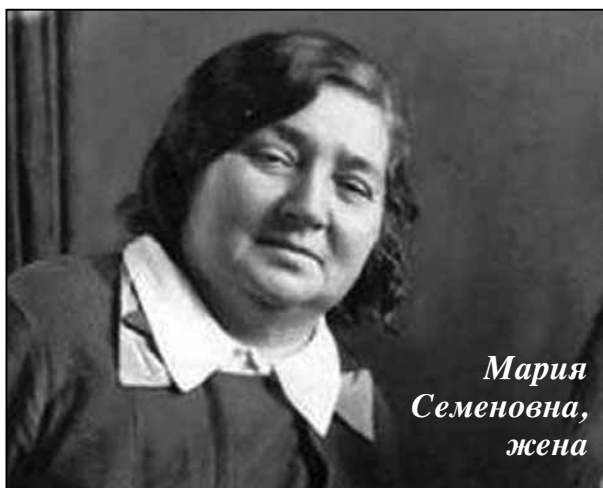
К борцу был представлен тренер-француз Эжен де Пари, который должен был «натаскать» его именно на галльскую технику борьбы. Оба были одержимы тренировками и обладали настолько несдержанным нравом, что однажды Иван Максимович в ярости избил и тренера, и переводчика. После этого их отношения расстроились, а сам Поддубный почти никогда не упоминал о французе, считая, что главный его «тренер» — природа.

В 1903 году он впервые оказался за границей и сразу — в Париже. В состязании участвовало 130 борцов, и Поддубный победил всех, кроме одного, который применил хитрый, хотя и не запрещенный прием — натерся маслом, из-за чего русский борец никак не мог его схватить как

следует. Француз ле Буше победил по очкам, но Поддубный был с этим решением категорически не согласен. Три дня он безвылазно просидел у себя в номере, а на следующий год на соревновании в Петербурге все-таки поборол француза. Но, несмотря на то, что благодаря этому выигрышу он стал первым русским чемпионом мира по борьбе, Иван Максимович до конца жизни не забывал о своем проигрыше Раулю ле Буше. И даже кота, который приболудился к нему в старости, назвал Раулем.

С этого момента началась международная карьера Поддубного. Шесть раз он становился чемпионом мира и получил от журналистов прозвище «Чемпион чемпионов». Тренировок в его жизни было много, но также много было и женщин. После смерти Марии

«Барина» хватило на два года. После этого он снова поехал выступать, правда, уже не за границу, а только по России. За выступление брал в десять раз больше обычного борца, но ему платили. Часть денег он отправлял семье, остальное старался копить. Увы, накопленное не пошло впрок. В гражданскую войну жена сбежала с белым офицером, забрав с собой все

Купив в Ейске на берегу моря дом, Иван Максимович стал вести тихую, «пензионерскую» жизнь. Рыбачил, играл с соседями в нарды, растил приемного сына. Несмотря на то, что своих детей у него не было, он с удовольствием проводил время с чужими, всегда был готов защитить, вытащить из плохой компании. Но цирк Иван Максимович забыть не мог — он и арена навсегда остались единым целым, поэтому со временем он решил открыть клуб и тренировать молодых ребят

он не оставил своего донжуанского образа жизни. Будучи грубоватым и несдержанным, Иван Максимович при этом был очень обаятелен. «Сливая» в одно свою работу и личную жизнь, он говорил: «Меня на лопатки может положить только баба».

Через несколько лет поездок по миру Поддубный вернулся в родную деревню, купил дом и женился на Антонине Квитко-Хоменко. Стал устраивать хозяйство, помогал родным, планировал «жить баринном». Однако вскоре стал тосковать по борьбе и по цирку.

ценности, которые Поддубный хранил дома. Впоследствии она пыталась вернуться к мужу, писала письма, но Иван Максимович на них не отвечал.

В 1923 году Поддубный поехал в Москву и устроился работать в Мосгосцирке. Хотя столица ему не нравилась, работа устраивала, тем более что цирк часто ездил на гастроли. В одной из таких поездок он встретил простую женщину, торговку бубликами, Марию Семеновну. Ради нее Иван Максимович оставил столицу и перебрался в Ро-

стов, где стал жить с любимой женщиной и ее сыном — тоже Иваном.

Зарабатывать в Ростове много не удавалось, поэтому, когда ему предложили поехать на гастроли в Америку, он с готовностью согласился. На тот момент ему было уже 52 года, и антрепренеры в США, узнав об этом, пришли в ужас, потому что средний возраст выступавших был от 30 до 40 лет. Но медицинская комиссия подтвердила, что организм русского борца соответствует 38 годам. Было ли это правдой или рекламным ходом, теперь уже не узнать.

Американский стиль борьбы отличался от европейского. По сути, это были бои без правил. Но Поддубного это вполне устраивало. В ответ на жестокость американцев он проявлял свою и побеждал. Он заработал около полумиллиона долларов, но — вот загвоздка — получить их со счета в банке можно было, только став американским гражданином. Им Иван Максимович становиться не желал, поэтому вернулся на родину, по словам многих, «с одним чемоданом, где лежали трико, халат и чайник».

Это, скорее всего, все же художественное преувеличение, потому что, вернувшись, он вместе с Марией Семеновной купил дом в Ейске на берегу моря.

Здесь он вел тихую, уже «пензионерскую» жизнь. Рыбачил, играл с соседями в нарды. Растил приемного сына. Несмотря на то, что своих детей у него не было, он с удовольствием проводил время с чужими, всегда готов был защитить, вытащить из плохой компании, вступиться.

Но цирк Иван Максимович забыть не мог — он и арена навсегда остались единым целым, поэтому со временем решил открыть клуб, чтобы тренировать местных молодых ребят.

В 1939 году из рук Ворошилова Поддубный получил орден Трудового Красного знамени. Даже в 70 лет он продолжал выступать и побеждать молодых.

Но потом наступили трудные времена. Из-за возраста Иван Максимович отказал Берии в просьбе стать тренером «Динамо». Когда ему выдали паспорт, там было написано, что он русский. В гневе Поддубный исправил документ, написав «Піддубний» и «украинец», после чего пропал на месяц и вернулся домой под конвоем НКВД. Жену его тоже вызывали на допрос, чтобы она рассказала, где они прячут якобы привезенные из Америки доллары. Все могло закончиться очень плохо, но в какой-то момент пришла установка из Москвы, и от Ивана Максимовича отстали.

Во время Великой Отечественной войны приемный сын Иван ушел добровольцем на фронт и погиб в первом же бою, а самого Поддубного с женой «забыли» эвакуировать из Ейска.

Когда город оккупировали немцы, он, никого и ничего не боясь, гулял по набережной с орденом на груди. Несмотря на это, немцы относились к нему тепло. Ходили слухи, что среди них был кто-то, кто помнил Поддубного по его европейским гастролям и победам. Борцу даже предлагали эмигрировать в Германию, но он отказался. Тогда его назначили начальником бильярдной при немецком госпитале, что позволяло зарабатывать и кормить семью. За эту бильярдную (из которой Поддубный, не стеснясь, вышвыривал напившихся немцев) его после освобождения Ейска хотели расстрелять, но все же отпустили и просто оставили жить на самом маленьком пайке. После войны бывшему борцу назначили пенсию, но опять же — самую маленькую. С тех пор Иван Максимович и Мария Семеновна жили крайне бедно.

Не стало Поддубного в 1949 году. Для похорон не нашлось даже костюма, доставали через знакомых. Памятник на могиле борца появился спустя только 8 лет после смерти, а его медали, которые они с женой распродавали, чтобы выжить, не найдены до сих пор.

Однако Ейск помнит своего знаменитого жителя: в центре города есть парк имени Поддубного и музей. □

СНЕГУРКА

*В цветном разноголосом хороводе,
В мелькании различий и примет
Есть люди, от которых свет исходит,
И люди, поглощающие свет.*

Игорь Губерман

Канун Рождества. Центральный железнодорожный вокзал города Энска. На улице — минус двадцать, порывистый ветер и колючий снег. Несмотря на непогоду, жизнь не замирает ни на минуту. Шум, суматоха, пристава-ния зазывал-таксистов, нетрезвые выкрики грузчиков-носильщиков.

Уносятся вдаль междугородние экспрессы, всосав в себя суетливый поток отъезжающих. Несмотря на наличие нескольких терминалов, народ по старинке толпится у окошек билетных касс. Услышав объявление о приближении очередного поезда, пассажиры торопятся на заснеженный перрон. Они жаждут новых впечатлений, предвкушая рождественское за-столье с соскучившимися по ним родственниками, отдых на горнолыжном курорте или долгожданную встречу с любимым человеком...

Именно такая встреча и стала причиной появления на вокзале хоро-шенькой синеглазой девушки в белой пушистой шубке и высоких белых сапожках. Ни дать ни взять — Снегурочка с картины Васнецова. Отряхнув от снега капюшон и толстую светло-русую косу, она вошла в здание вок-зала и устремила свой взгляд на электронное табло с информацией о прибывающих поездах. Судя по отсутствию багажа, барышня кого-то встречала.

«Граждане пассажиры, — раздался по громкой связи голос дежурного диспетчера, — скорый поезд «Москва — Энгельс» задерживается на двадцать минут». Красавица улыбнулась своим мыслям, и на ее покрасневших от мороза щеках появились трогательные ямочки.

Потоптавшись у газетного киоска, она искала глазами свободное место. В зале ожидания яблоку негде было упасть. Молодежь ковырялась в своих смартфонах, среднее поколение шелестело газетами и разгадывало сканворды, пенсионеры дремали. «И куда все едут в такой колотун? — подумала обладательница шикарной косы. — Сидели бы дома, стряпали яства к святому вечеру».

Девушка посмотрела в окно и невольно поежилась от холода. «Заболеть мне сейчас никак нельзя, — пронеслось у нее в голове. — Второй триместр — самый опасный период беременности». Она покрутила головой по сторонам и в дальнем углу помещения обнаружила кафешку со странным названием «Горячка». Рядом с ней расположились два скромных столика с тремя стульями у каждого. «Самое то! — обрадовалась будущая мама. — И присяду, и согреюсь».

Пирожки оказались гадкими пережаренными лепешками, а чай — бурдой со вкусом эссенции. Можно было взять кофе, но в женской консультации ее решительно предостерегли от потребления этого напитка. Оставалось только греть руки о чашку и наблюдать за отъезжающими и провожающими.

Девушке нравилось рассматривать людей. Ей было интересно, как они одеты, как себя ведут. Она придумывала им биографии, пыталась угадать, где те работают, куда и зачем направляются, кого встречают.

Из закутка, занятого «Горячкой», хорошо обозревался весь зал. Блондинка попыталась выбрать персонаж, наиболее подходящий для ее фантазий. Но сделать это оказалось непросто. Вокруг были обычные, ничем не примечательные люди: мужчины с подмороженными цветами в руках, атлетически сложенные юноши в одинаковых спортивных куртках и шапочках. Полицейский патруль, со скучающим видом слоняющийся по вокзалу. Таджики-гастарбайтеры в оранжевых жилетах, прервавшие на пару минут расчистку снега на привокзальной площади. Целый класс детей, которые носились вокруг высокой, украшенной серебряными шарами елки. Рядом с ребятами — две учительницы, совсем молоденькая и пожилая. В руках у последней — пачка билетов на пригородный поезд, вложенная в театральную программку спектакля «Щелкунчик». Стало быть, культпоход. Детишки из районного центра приезжали на рождественское представление в областной ТЮЗ...

Вокруг — ни одного чудика, ни одного фрика. Хотя... В поле зрения девушки попала странная особа, направляющаяся в сторону «Горячки». Оде-

та она была во все черное и совсем не по погоде: широкий плащ-разлетаика на рыбьем меху, высокие мужские ботинки, бейсболка с козырьком, закрывающим пол-лица. При ней не было ни чемодана, ни дамской сумочки. Руки в карманах. Походка сомнамбулическая, будто к каждой ноге привязана пудовая гиря. Иссиня-черные волосы. На шее — татуировка в виде какого-то иероглифа. Не иначе, неформалка из племени готов.

Когда незнакомка подошла ближе, девушка обратила внимание на ее выпирающий живот. «Месяц седьмой, не меньше, — отметила она про себя. — И выглядит не совсем здоровой».

Женщина, и в самом деле, покашливала, тяжело дышала и нервно озиралась по сторонам. Взяв у стойки две порции двойного эспрессо без сахара, брюнетка села за свободный столик и шумно отхлебнула из чашки.

В васильковых глазах ее соседки вспыхнули огоньки удивления.

— Кофе беременным противопоказан, — негромко заметила она. — Кофеин сужает плацентарные сосуды, из-за чего малыш испытывает кислородное голодание и недополучает необходимые ему питательные вещества.

От неожиданности брюнетка вздрогнула. По ее щеке скользнула судорога, рука потянулась к животу. Убедившись, что все пуговицы на плаще застегнуты, она откинулась на спинку стула, какое-то время задумчиво помещивала ложечкой напиток, в котором не было сахара, а потом вдруг выдала запоздалую реакцию:

— А тебе не по сараю? За собой следи.

Блондинка пожалала плечами, но следить за соседкой не перестала. Та вызывала у нее двойственное чувство любопытства и жалости.

«Неформалку» вряд ли можно было назвать привлекательной. Ее бледное, не тронутое косметикой лицо выглядело, как заготовка для матрешки перед нанесением краски. Только матрешка имеет здоровый вид, а эта... смахивала на узницу Бухенвальда. Острые черты лица, темные провалы под глазами, выступающий вперед нос делали женщину похожей на ворону.

«Наверное, беднягу бросил бойфренд, узнав о ее беременности, вот она и переживает, в глазах — полная отрешенность от происходящего вокруг. Сидит, как чучело, немигающим взглядом уставившись в циферблат своих огромных мужских часов».

И тут в кармане у брюнетки зазвонил телефон. Она бросила взгляд на табло идентификатора и хриплым надтреснутым голосом произнесла: «Не парься!» Диалог с собеседником был предельно коротким: «На месте... Опаздывает... Прощай». При этом ее била крупная дрожь, голос вибрировал, на шее пульсировала жилка.

Закончив разговор, женщина сняла бейсболку, приподняла челку парика и рукавом вытерла со лба испарину.

«Да это ж Каринка Рябцева! — узнала блондинка свою бывшую школьную подружку. — Нашлась пропажа!»

Они жили на одной лестничной площадке, сидели за одной партой, вместе чудили и бедокурили. А летом, после восьмого класса, Рябцевы неожиданно исчезли. Почти за бесценок продали квартиру и переехали неведомо куда. Карина ей даже прощального письма не оставила и ни разу не позвонила.

— Привет, Ринка! — подсела девушка за столик Рябцевой. — Сколько лет, сколько зим!

На лице «неформалки» застыло выражение полной растерянности. Поспешно натянув головной убор, она забарабанила пальцами по столу, соображая, что ответить. Повисшая пауза неприлично затягивалась.

— Это же я — Светка! Ясенева!

Плотно стиснутые губы наконец разомкнулись.

— И че? — бесцветным голосом произнесла Карина, скользнув по Светлане отсутствующим взглядом.

Блондинка не обиделась. Она видела, что бывшая подруга сейчас немного не в себе.

— Рин, куда ж ты тогда пропала? Я тебя везде искала: знакомых опрашивала, мониторила социальные сети, даже в «Жди меня» писала...

Рябцева молчала, нервно покручивая в руках чашку с недопитым кофе.

— А помнишь, — взяла ее за руку Светлана, — как мы с тобой занимались телефонным хулиганством, а твоя бабуля нас за этим застукала?.. А как ты в столовке Вовке Агееву на башку вылила стакан киселя за то, что он назвал тебя Рябой?.. А как нас покусали бродячие собаки, и мы получили по шесть уколов от бешенства? А как мы пошли на дальние дачи искать твоего Барсика и заблудились?..

По лицу Рябцевой пробежала тень улыбки, и глаза на миг приобрели осмысленное выражение.

— Было дело... — тихо произнесла она, не спуская настороженного взгляда с прогуливающегося вдоль билетных касс полицейского патруля. — Мы на тех дачах еще семерых котят в коробке нашли возле мусорного бака... Ты всех их к себе домой забрала... Потом полгода пристраивала «в хорошие руки»...

Предаваться воспоминаниям Карине не хотелось, встреча эта ее совсем не радовала, но Ясенева от нее не отставала.

— Так куда ты тогда пропала, подружка дней моих суровых?

— Серый в блудняк вписался, родаков на бабло выставил, — произнесла она после долгого молчания. — Пришлось квартиру продать и слиться к деду в райцентр. Звонить и писать мне запретили, нельзя было светиться — Серегу дружки искали. Как мы ни гасились, его таки выпасли... отбили весь ливер... инвалид сейчас... Бухает, люто бычит, тянет из стариков бабосы. Деда он еще три года назад ушастал — такие исполнялки ему устраивал, что тот не выдержал и «зажмурился»...

На глазах Светланы навернулись слезы, ей было жаль, что из-за брата жизнь подруги так круто изменилась. Она вплотную придвинулась к Рябцевой, обняла ее за плечи:

— Сама-то ты как? Работаешь, учишься? Замужем? Когда рожает?

Из списка заданных ей вопросов Карина выбрала второй:

— Да «негрила» пару лет на одного оленя... Шаурмой торговала в его точке... Сначала было терпимо, а потом началось.... Хотел, чтоб я за одну зарплату и работала, и сексуальные услуги ему оказывала. Пришлось делать ноги. Родаки, ясен веник, взвились на дыбы, стали упрекать куском хлеба. Их, видишь ли, «не втыкает» мой образ жизни. Серегин, значит, «втыкает», а мой — нет... Короче, не общаюсь я с ними больше.

— А живешь где?

— Дамир квартиру снимает в трех кварталах отсюда. С ним и живу. Мы по Интернету познакомились.

— Здорово! А фото его у тебя есть?

Рябцева потянулась к мобильнику, но тут же отдернула руку и выдавила:

— Нет! Вчера я все фотки стерла.

— Поссорились? Он ребеночка не хочет?

Карина заерзала на стуле. У нее побелели губы, мелко затряслись руки.

— Что с тобой? — забеспокоилась Светлана.

— Да ничего страшного, знобит просто. По ходу, вирус какой-то цапанула. Ахнув, Ясенева спешно отодвинула свой стул подальше от собеседницы.

— Нам, будущим мамочкам, категорически нельзя болеть, — погладила она себя по животу.

— Надо ж, а по тебе и не скажешь! — прошелестела Рябцева осипшим голосом. — А че это ты вся в белом, как Снегурка? Хоть бери и ставь тебя под елку.

Пухлые губы Светланы растянулись в улыбке, обнажив восхитительные белые зубы.

— Так невеста я! На днях замуж выхожу. Жениха вот встречаю. Олег любит, когда я в белом и с косой. Он у меня офицер. В Москве учится,

в Военной академии Генерального штаба. А я заканчиваю педагогический, буду учительницей младших классов.

— Ты всегда была повернута на мелких спиногрызах, — поморщилась Карина, перехватив умильный взгляд Светланы в сторону бегающих по залу детей.

Ясенева, и впрямь, не отрывала от ребятишек глаз. Особенно от близнецов — братика и сестрички, курносых, рыжих, щекастых, одетых в одинаковые пуховички и похожие шапочки. Последние отличалась лишь наличием огромного белого помпона на головном уборе девочки.

Близнецы с хохотом гонялись друг за дружкой. Спустя минуту они оказались возле «Горячки». Увидев Светлану, остановились, как вкопанные, и девочка кивнула в сторону Ясеновой:

— Смотри, Женька, Снегурка сидит!

— Да ну тебя, Жанка, — фыркнул мальчишка, — она не настоящая. Настоящие Снегурки дарят детям подарки.

— А вот и настоящая. Подарки она оставила в камере хранения. Мы их получим, когда будем отсюда уходить.

— А давай подойдем к ней и спросим, настоящая она или нет.

Взявшись за руки, близнецы приблизились к столику, за которым сидели бывшие подруги, но заговорить никак не решались. Стояли и молча сопели. Светлана подмигнула ребятам, собираясь с ними пообщаться, но Карина ее опередила:

— А ну, горох, сыпь отсюда, а то ща по ботве настучу!

— Ведьма! — испуганно прошептала девочка. — Погнали отсюда, пока она нас не поймала! — И дети помчались к елке.

«Граждане пассажиры, — прожурчал по громкоговорителю уже знакомый женский голос, — на первый путь прибывает скорый поезд "Москва — Энск". Будьте осторожны!»

В зале ожидания началось броуновское движение. Одни пассажиры мчались на платформу, другие спешили занять согретые ими места. К выходу неторопливо и важно прошествовали контролеры-ревизоры в новых зимних куртках с красным фирменным логотипом. За окнами задребезжали багажные тележки. На полную громкость включился гимн города, которым вокзал традиционно встречал фирменные поезда.

Девушки одновременно вскочили на ноги. Но быстро выбраться на перрон им не удалось — у выхода образовалась пробка. Карина отошла в сторонку и оперлась спиной о колонну. Из опасения навредить в толчее будущему ребенку Светлана повторила ее маневр.

Мимо них проплыл ручеек построенных парами детей во главе с молодой учительницей. Пожилая замыкала процессию, пересчитывая своих подопечных по головам.

Движение вдруг приостановилось. Школьники в нетерпении загомонили, пытаясь понять причину пробуксовки. Педагог им что-то сказала, но из-за гимна города, эхом отдающегося под сводами зала, те ничего не расслышали.

Рябцеву снова залихорадило. Ее бледное лицо покрылось красными пятнами. Руки задрожали, глаза забежали. Казалось, еще мгновение, и она потеряет сознание.

— Ринка, ты что?! Не нервничай так — ребеночка напугаешь, — бросилась к ней Ясенева. — На курсах будущих мамочек нам рассказывали, что при панической атаке нужно нежно поглаживать животик, вот так...

Она засунула руку под плащ Карины, и вдруг глаза ее расширились от ужаса. Там был вовсе не беременный живот, а широкий матерчатый пояс с выпирающими из него металлическими цилиндрами.

Сердце девушки трепыхнулось и провалилось вниз, пульс забарабанил в висках. Ясенева повернула голову, встретила взглядом с близняшкой Жанкой, не теряющей надежды получить от Снегурки подарок, и крикнула девочке: «Бегите!» — но из мгновенно пересохшего горла не вырвалось ни звука.

Рябцева, тем временем, спешно засовывала руки в карманы. В голове у Светланы будто тумблер щелкнул. Ухватив Карину за отвороты плаща, она швырнула ее на землю. Да так сильно, что у той с головы слетели и бейсболка, и парик.

Свидетели происшествия застыли в изумлении, наблюдая, как очаровательная девушка в белом катает по полу «беременную женщину средних лет». После короткой борьбы последней удалось-таки засунуть руки в карманы. Тогда «белая» запрыгнула сверху на «черную», прижав ее своим телом к холодному бетонному полу...

Секундной стрелке на мужских часах смертницы оставалось сделать один короткий прыжок... □

Там, где рождается **РАССВЕТ...**

Фото автора

Каждый раз, отправляясь в очередную экспедицию, я жду от нее не только новых впечатлений, прекрасных фотографий, но и незабываемых встреч с интересными людьми. И, как правило, это всегда проис-

ходит. В последние годы НЭС «Михаил Сомов», начальником экспедиции, которого мне приходилось быть неоднократно, регулярно совершает рейсы к самым восточным рубежам нашей родины — к бере-

гам Чукотки, в частности на остров Врангеля.

Другого такого острова в Арктике нет. Недаром его называют осколком древней Берингии и оазисом жизни: здесь, далеко за Полярным кругом, сохранились до наших дней редчайшие виды растений и животных. Этот остров — крупнейший в мире «родильный дом» белых медведей и единственное в стране гнездовье белых гусей, лежбища моржей и птичьи базары, стадо акклиматизированных недавно овцебыков и стаи легендарных розовых чаек...

Первым, кто официально сообщил правительству Российской империи и миру о существовании острова, стал лейтенант Российского флота Фердинанд Петрович Врангель. Сведения о существовании острова были получены им от аборигенов Чукотки, по гражданскому статусу — подданных Российской империи.

Право открытия и государственная принадлежность острова Врангеля долгое время оспаривалось Канадой и США на том основании, что первыми, увидевшими остров Врангеля и высадившимися на нем, были американцы.

За этими претензиями последовали авантюрные попытки Вильямура Стефансона ввести остров под юрисдикцию Британской империи в лице Канады путем незаконной колонизации. Попытка захвата острова привела к трагедии — все четверо мужчин из первой группы погибли, — и закончи-

лась депортацией нелегальных колонистов.

Для обеспечения государственного присутствия Советского Союза на острове Врангеля, в 1926 году на нем, под руководством советского исследователя Арктики Георгия Алексеевича Ушакова, было основано постоянное поселение. С этого момента началось систематическое изучение и освоение острова Врангеля.

Когда в первый раз мне довелось ступить на эту далекую землю, то я был поражен увиденным зрелищем. Вершины хребтов в погожий день, подсиненные солнечным светом, делают этот край величественным и непокоренным царством.

В горной части острова чувствуешь себя как на чужой, незнакомой планете — пологие каменные холмы, скалы и «мертвая» вода полувывсохших речек. Ни рыбы, ни каких-нибудь жуков и козявок нет в этих речках, питаемых снегом. Только синева неба да белые совы на бугорках напоминают: это все-таки родная тебе планета Земля.

Остров Врангеля — один из самых недоступных заповедников мира, объект всемирного наследия ЮНЕСКО, царство льдов, ветров и полярных сияний. Постоянного населения, кроме шамана Григория Каургина, отказавшегося покидать остров в конце 90-х, не осталось. А приезжающим сюда без разрешения и сопровождения инспекторов заповедника передвигаться по острову нельзя.

Полярная ночь здесь длится около двух месяцев. Когда нет облач-

ности, часто видно северное сияние. Несколько раз я наблюдал многоцветное и очень масштабное сияние, это сказочная картина. Лето наступает в июле, оно короткое, но яркое — тундра цветет, все оживает.

На острове проживает любопытное животное — песец. Весьма разговорчив, причем издает разнообразные звуки: урканье, плач, скуление, кудахтанье, верещание, но чаще всего песцы лают. Они лают при па-

чи яйца. Быстр и хитер. Жизнь возле колонии белых гусей для этого красавца — настоящее пиршество. В день песец может стащить у гусей несколько десятков яиц.

Экологический туризм в заповеднике «Остров Врангеля» начал развиваться еще в 90-е, но большой отклик он нашел именно сейчас. И иностранцы, и наши соотечественники более решительно стали отправляться в далекие экстремаль-

*«Михаил Сомов»
на подходе к о. Врангеля*

трулировании границ своего участка, перемещении по территории, перекличке друг с другом, никогда не стесняются подходить первыми, людей практически не боятся. Песец внимательно смотрит, нюхает, оценивает возможность что-нибудь стащить и съесть. Обычно питается мелкими грызунами, особенно любит леммингов, а также птиц и пти-

ные туры. В путешествие люди часто берут профессиональную фототехнику и увозят с собой потрясающие снимки, которые затем облетают весь мир.

Летом Арктика пробуждается от долгой полярной ночи, и к прибытию первых туристов остров Врангеля зацветает ярким ковром из арктических растений, поражая многооб-

разием видов и красок. Когда льды окружают остров, в объективы камер то тут, то там попадают белые медведи, моржи, нерпы и лахтаки. Тысячи морских птиц оглушают при приближении к базарам — местам их скопления на отвесных скалах в нескольких районах. Самая крупная гнездовая колония белого гуся в Азии занимает огромную территорию в глубине острова. Всюду кипит жизнь, и важно не навредить. Напри-

зом для зимовки. Надо сказать, что с нашим прибытием на этот далекий край земли жизнь островитян заметно оживилась. Ко мне подошел человек индейской наружности с повязкой на голове.

— Вы здесь старший? — безошибочно угадал он во мне начальника экспедиции.

Я кивнул головой и представился. Он протянул свою мозолистую руку, также назвал себя.

мер, в период гнездования птиц даже сотрудники заповедника ходят, пригнувшись.

ПОСЛЕДНИЙ ШАМАН ОСТРОВА

Как и обычно, нашей основной задачей было обеспечение местной метеостанции и работников заповедника жизненно необходимым гру-

— Я — Гриша Каургин, может быть, слышали?

— Конечно, слышал, Григорий. Я вам диск привез с видеоклипом, помните, наши ребята в прошлом году снимали вас?

— Помню, спасибо большое! Получилось хоть?

— Пойдемте в дом, сами увидите.

После просмотра фильма и рюмки коньяка из моей походной фляжки Григорий сразу пришел в благодушное состояние и сказал:

— Хорошо сделали, музыка ритмичная, мне очень понравилось.

— Григорий, а вы здесь давно?

— Я — коренной житель, — не без гордости в голосе ответил он и поведал мне свою историю.

Григорий Каургин живет тем же укладом, что и его предки сотни лет назад. Приезжающих с Большой земли он не чурается, но сам туда ни ногой. Природа здешних мест

язык животных. Он пишет стихи акынского свойства: по принципу «что вижу, то пою», людей рассматривает как природное явление и даже сопоставляет их с определенными видами животных.

— После распада совхоза, когда заповедник здесь появился, и власти запретили охоту на моржей и белых медведей, наши все уехали на Чукотку. Кто куда — Провидения, Лаврентия, Шмидта, Чаун. Ну, в общем, туда, где можно охотиться, вести привычный образ жизни...

Любопытные умки

ему куда ближе, чем люди. И встреча с хозяином Арктики — белым медведем — пугает его меньше, чем современная цивилизация. Он — последний обитатель некогда большого поселка Ушаковский. Еще его, чукчу с индейскими корнями, считают последним хранителем древней шаманской династии, который знает

Ему тоже много раз предлагали переехать на материк, но на все предложения перебраться на материк Григорий отвечает категорическим отказом. Говорит, в тундре весь его смысл жизни. Выжить «последнему шаману» в совершенно пустом поселке помогают сотрудники заповедника и метеостанции, хотя

Григорий уверяет, что выжил бы и без этой помощи, на острове хватает рыбы, морского зверя, оленей, но в условиях заповедника о навыках охотника и рыбака, как сам он утверждает с сожалением, вспоминает только в ритуальных танцах.

Тут мое внимание привлекла очень красивая лайка черного окраса с белым галстуком на груди, этакий аристократ острова Врангеля. Григорий перехватил мой взгляд и опередил мой вопрос: «Это Чук, удивительно преданный и умный пес, столько раз меня выручал. Вот смотри: Чук, где медведь?»

Собака насторожилась, начала оглядываться, вставать на задние лапы, стараясь расширить для себя горизонт, потом залаяла.

— Чук очень хорошо чувствует медведя, ни за что не пропустит. Я по острову спокойно передвигаюсь безо всякого навигатора и оружия, зная, что собака со мной. Попадал я и в метель много раз. Собираешься, надеваешь вот такую кухлянку, собаку к себе под бок подбираешь, и спать, прямо в медвежьей берлоге. Это вам не в городе на простынях. Если ты не знаешь тундру и землю, здесь не выживешь... Знаете, как называют наш остров эскимосы? «Умкилир» — «Медвежий остров». И это действительно так. Невозможно его себе представить без хозяина Арктики.

На острове раньше жили люди разных национальностей: чукчи и эскимосы, русские и украинцы, литовцы и татары — да мало ли кто еще. Похоже, национальные вопро-

сы тут никого не волновали. Безусловно, зверобоев лучше эскимосов не было, хотя береговые чукчи тоже были искусные охотники. В свою очередь, чукчи были твердо уверены, что из эскимосов никогда не выйдет настоящего чаучу, то есть оленевода. Но вслух это не обсуждалось. Тем более что на острове нередки были смешанные браки. Например,

*Памятник
Г. Ушакову —
основателю
поселения
на о. Врангеля*

у Гриши Каургина жена была эскимоска, а сам он — чукча.

Надо заметить, что женщины северных народностей несколько отличаются от южанок. Не все, например, знают, что чукчанки не кричат во время родов, в кровь искусывая губы от боли. Считается, что кэлы (злые черти) только и ждут рожде-

ния нового человека, чтобы залезть к нему вовнутрь и оттуда отравлять жизнь ему и окружающим. Также они (черти) поступают и при болезни ребенка. Поэтому чукчи иногда с болезнью ребенка даже меняют ему имя, чтобы обмануть черта.

Эскимоски внешне очень спокойны, обладают врожденной способностью к рисованию, прекрасные матери и хозяйки, но, по словам их мужей, у каждой черт сидит внутри и только караулит момент, чтобы выскочить и устроить какую-нибудь пакость.

Грише, например, на всю жизнь осталась отметина на лбу и сильно искривленный нос. Это жена в порыве ревности его молотком стукнула. Был даже суд, но он на свою жену не в обиде — сам повод дал.

На прощание Григорий подарил мне очень красивую друзу горного хрусталя, которая затем заняла достойное место в музее на НЭС «Михаил Сомов».

БИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОСТРОВА

Кроме того, что остров Врангеля знаменит своими белыми медведями, есть у него еще одна изюминка — овцебык или мускусный бык. «Умингмак» («бородатый»), так его называют эскимосы острова Нунивак, откуда в 1975 году их в количестве 20 особей переселили на остров Врангеля. И они замечательно прижились, сейчас ученые заповедника насчитывают более 800 голов. Не-

сколько тысячелетий назад овцебыки были обычными обитателями Евразии. Они паслись бок о бок с мамонтами, первобытными бизонами и волосатыми носорогами на огромной территории от Испании до Чукотки. Однако из-за изменений климата большинство представителей так называемой «мамонтовой» фауны вымерло. Овцебык оказался одним из самых стойких. Его многочисленные стада сохранились до нашего времени в тундрах Северной Америки и Гренландии, куда он когда-то проник по «берингийскому мосту».

Встретить этих длинношерстных великанов на острове Врангеля теперь стало совсем не сложно. Они спокойно относятся к присутствию человека, да и белый медведь не слишком охоч до его мяса, которое по сравнению с нерпой все-таки жестковато. Волки — единственные естественные враги овцебыка — очень редко посещают остров, так что североамериканским переселенцам тут полное раздолье. С такой шубой им не страшна даже суровая местная зима. Кстати, в 2010 году «Михаил Сомов» вывез в Певек десять овцебыков для дальнейшей отправки в Московский зоопарк. Так что популяция «бородатых» уже известна далеко за пределами Чукотки...

В конце июля — начале августа к острову Врангеля приходят тысячи тихоокеанских моржей, мигрирующих на север после зимовки в Беринговом проливе. Каждое лето у берегов острова появляются серые киты. Осенью мимо берегов острова

проходят стада белух. Острову Врангеля везло: в последние ледниковые периоды он ни разу полностью не покрывался льдами, а в глобальные потепления не бывал полностью затоплен морскими водами. Именно поэтому здешние почвенные покровы и растения дают нам уникальное представление о том, как выглядела тундра в эпоху плейстоцена.

Когда попадаешь на остров Врангеля — словно переносишься в про-

острове Врангеля, они сделали удивительное открытие: оказалось, что последние мамонты жили там менее четырех тысяч лет назад. Точнее — три тысячи семьсот лет назад. Это значит, что они были современниками египетских пирамид и Вавилонской башни.

Остров Врангеля — место, где кончаются заповедники Российской Федерации. Побывав тут, вы узнае-

Мыс Уэринг

шлое на сотни тысяч лет. Биологическое разнообразие здесь и по сей день остается таким же богатым, как в древности. По мнению палеонтологов, остров был еще и последним оплотом шерстистых мамонтов. Когда совсем недавно ученые принялись изучать кости мамонтов на

те, как выглядит не просто Дальний Восток, а самый «крайний восток» нашей страны. Его называют «жемчужиной Арктики», осталось только навести лоск, чтобы название соответствовало этому. А еще, согласно легенде, на этом острове, за мысом Уэринг рождается рассвет. ▢

Дмитрий Григорьев

Сын браконьера

Дорога извивалась среди березовых сопок. По ней неторопливо, словно опасаясь за каждым поворотом встречных машин, катил небольшой глазастый автобус. В салоне возле окна сидел Борис — студент третьего курса, который ехал домой в Усть-Большерецк на каникулы. Два года прошло с тех пор, как он приезжал к отцу последний раз, когда тот был ранен в какой-то ссоре. Борису тогда пришлось бросить занятия на две недели и мчаться домой сломя голову. Все обошлось: отец вскоре поправился, но промысла своего, несмотря на протест сына, так и не бросил.

После утреннего дождя лес во всех окнах поблескивал в солнечных лучах, будто приветливо подмигивал возвращающемуся другу. Корявые березы, темные пятна стелящегося кедрача, красные огоньки плодов рябины притягивали взгляд Бориса. Облака непослушным стадом разбрелись по небу. Солнце, выпустив свои жаркие лучи, пекло Борису лицо, заливало глаза, и он щурился. Занавесок на окнах не было, но ему это не мешало. Он забылся в мыслях о возвращении. Последние месяцы родные улицы, дом, лес все чаще грезились ему и звали во сне приехать. Там, в поселке, ждали школьные друзья. Когда-то они вместе исследовали таинственные закоулки этих полудиких мест, ходили по грибы, ловили в реке рыбу. Отец тоже, наверное, заждался. Как он теперь живет один? Мать, сельская учительница химии, много лет назад погибла на реке от медведя.

Наконец он добрался до отчего дома. Во дворе навстречу Борису кинулся Узон. Наконец и его желание сбылось. Узон был из породы лаек, темно-серый, с пушистым хвостом и белой мордой. Пес, радостно повизгивая и таякая, заплясал вокруг Бориса, потом лизал его руки, лицо, утоляя свое старое сердце безграничной преданностью любимому человеку. Борис обнял его, отпустил и стал гладить по шерстке. Узон распластался перед ним на земле брюхом кверху и, продолжая поскуливать, взметал хвостом пыль. Жаловался. В прежние дни они с Борисом во всех походах были вместе, а теперь без него скучно.

Дверь была заперта. Замок почему-то оказался новый. И Борис в сопровождении Узона пошел искать отца на огороде. Отец действительно

копался на участке, где росла капуста, и сына не видел. Борис окликнул его и торопливо двинулся через ровные грядки с маленькими бледно-зелеными кочанами — хотелось, наконец, обнять отца. Тот был высокий, крепко сложенный, с грубоватым загорелым лицом, коротко, «под ежика», стриженный. Сейчас на нем была синяя майка и давно заношенные джинсы. Он выпрямился, обернулся и, опираясь на лопату, стал смотреть на шагающего к нему сына, замечая про себя, какой Боря стал длинный и худой. Они поздоровались за руку. Затем Борис вдруг спохватился, взялся за лямки рюкзака, снял его с плеч, вынул из его нутра бумажный сверток и протянул отцу. Тот развернул сверток, и в его руках оказался охотничий нож с резной деревянной ручкой в виде дельфина.

— Нравится? — спросил Борис.

— Неплохо, — проговорил отец, удовлетворенно взглянул на сына и, добавив: — Ты проходи пока в дом, я сейчас приду, — достал из кармана связку ключей.

В доме было прибрано. Отец порядок любил. А вот ремонта давно не делалось. Потолок в кухне, особенно над печью, был грязно-серый, как пасмурное небо. Коричневый пол местами истерт до голой доски. Но Борису было приятно, что обстановка в комнатах осталась прежней. Та же мебель, тот же запах сырости и вяленой рыбы, и пол поскрипывал старыми мелодиями. Борис махом скинул рюкзак на койку, достал из него чистое белье, полотенце и пошел в ванную.

С отцом они встретились немного погодя на кухне.

— Есть что поесть? — спросил Борис, выходя из ванной и застегивая на себе рубашку.

— Рыба, — коротко бросил отец.

— И все?

— Если хочешь, там, в кладовке, должна быть еще перловка.

— Ну какой это обед? — ухмыльнулся Борис и, пригладив челку ладонью, отправился к холодильнику.

Открыв его, он оглядел пустые полки, заглянул в морозильную камеру, достал оттуда замусоленный кусок сливочного масла с прилипшим к нему длинным рыжим волосом и произнес:

— Ну ладно, я сейчас в магазин сбегаяю.

— Бутылку принеси, — живо отозвался отец, — я денег дам.

— Может, без нее? Тут их целая рота. Выстроились как на параде.

— Так то ж пустые.

— Обойдемся.

— Неси, говорю.

Отец направился в прихожую, залез в карман своей поношенной куртки и вынул из него бумажник.

Борис тем временем заглянул в хлебницу, нашел там забытый сухарик и, сунув его в рот, пошел собираться.

В прихожей отец протянул ему деньги, но он отмахнулся:

— Не надо, деньги у меня есть. Я ведь работаю. От охраны складов пришлось отказаться еще в мае. Там график неудобный. А потом сессия, практика, и вот каникулы. Вернусь, месяц-другой поработаю дворником, а в сезон устроюсь на котельную. Там, говорят, хорошо платят.

Отец положил деньги обратно в бумажник, спрятал его в карман и со вздохом проговорил:

— У меня тоже пока не сезон.

Борис выпрямился, снял с дверной ручки сетку, мимоходом поглядел на себя в зеркало и ушел.

Оставшись один, отец отправился на кухню, сел за стол, закурил и стал ждать. Пока был не сезон, он ходил по домам односельчан и ремонтировал бытовые приборы. Однажды довелось посмотреть электрический чайник у одинокой майорши. Овдовела она год назад, и с тех пор в ее доме, за что ни возмись, все стало ломаться. Вернув к жизни чайник, отец начал чуть ли не каждый день захаживать к майорше по любому поводу. Благо у нее оказалось много приборов, их все нужно было проверить и взять на контроль, чтобы не ломались. В ответ майорша тоже стала приходить в дом к отзывчивому мастеру на все руки. Так у них возник негласный, но прочный союз. В день приезда Бориса майорша в доме не появилась. Получив телеграмму о приезде сына, отец попросил ее немного обождать.

Вернувшись из магазина, Борис взялся готовить обед. Начистил картошки, поставил ее вариться на электрическую плиту. Затем открыл банку говяжьей тушенки, нарезал помидоры с огурцами и замешал их в салат со сметаной. Поставил на стол бутылку водки для отца, а для себя минеральной воды. При виде бутылки отец оживился, махнул рукой и пошел к шкафчику за стаканами. К чаю Борис купил плитку шоколада, батон, сливочное масло и сыр.

Когда все было готово, он разложил аппетитно дымящуюся картошку с тушенкой по тарелкам, посыпал зеленым луком, укропом и нарезал хлеб. Отец откупорил бутылку, разлил водку по стаканам, сел напротив сына:

— Давай выпьем за твой приезд.

— Я вообще-то не пью, — сознался Борис, неохотно поднимая свой стакан.

— Ну, за твой приезд разок можно. Ты ведь теперь редко у меня бываешь.

Борис кивнул, и они с неловким молчанием чокнулись. Затем отец махом опрокинул в рот стакан и принялся за картошку. Борис, отпив глоток, поморщился, торопливо закусил помидором и отставил стакан в сторону.

— Чего там, в ваших университетах, это дело не одобряется? — щуря правый глаз, кивнул отец на бутылку.

— Да нет, это я сам такой непьющий, — ответил Борис, — а то денег не сэкономить.

— Ох-ох-ох, — вздохнул отец, ставя бутылку посреди стола, и с горечью добавил: — Ничего хорошего твоя учеба не даст. Ненужная выйдет специальность. Я-то надеялся, ты выберешь занятие подостойнее. Будешь в море ходить. Как твои приятели. А ты ерундой занялся.

— Не говори так, — с обидой в голосе произнес Борис. — Это я уже слышал.

— Слушай, слушай, пока не поздно, может, еще передумаешь, Скоро путина, без денег не останешься. Нормальным человеком заживешь. Уважать все будут. Семейой обзаведешься. Все у тебя будет. Что плохого-то?

— Не вижу я себя в этом вашем деле. — Борис хотел еще что-то сказать, но нужные слова никак не приходили на ум. — Пап, ведь ты всю жизнь меня упрекаешь, — наконец проговорил он. — А я вот упрямый.

— Да уж, это есть, — качнул головой отец. — Ты хотя бы сходи, посмотри на приятелей своих. Все, как из армии вернулись, на промысел подались. Люди как люди.

— Не ожидал от них такого, — с негодованием отозвался Борис. — А ведь мы когда-то вместе по лесам ходили, муравейники изучали, выпавших из гнезд птенцов выкармливали, даже в школьной стенгазете против браконьеров статьи писали.

— Так вот, повырастали да за ум взялись, — хмыкнул отец. — Жить ведь как-то надо. А ты бестолковый. Позор на мою душу. С людьми не хочется о тебе говорить. Неловко.

— Ты всегда мной недоволен, — заметил на это Борис. — Помнишь, я таскал в дом саламандр? Они, между прочим, древнейшие существа и заблаговременно предсказывают подземные толчки. Если бы за саламандрами установили наблюдение, то людей можно было бы заранее вывозить из опасного района. Разве плохо? А в походы с друзьями ходили — плохо? В университет поступил — тоже плохо? А помнишь, я твою рыбу из сетей выпустил?

— Дураком ты был, таким и остался, — в упор посмотрев на сына, хмуро произнес отец.

— Какой же я дурак, когда в университет без всякой помощи поступил! — возмутился Борис. — Экзамены вовремя сдаю, учусь без троек. Разве это плохо?

— Мне было бы хорошо, если б ты настоящим делом занялся, — повторил отец.

И вновь между ними повисла напряженная пауза. Борис поднялся из-за стола, подошел к раковине, набрал воды в чайник и поставил его на плиту кипятиться. А когда вернулся на место, снова заговорил:

— Пап, а знаешь, почему я в тот раз твою рыбу выпустил?

— Мальчишкой был несмышленым.

— Нет. Потому что она с икрой была. Как вообразил себе, сколько мальков зря погибнет, сколько ценных рыб может на свет не родиться, и пожалел их. Вот почему выпустил.

— Я же говорю, дурак, — снова хмыкнул отец.

— Ты не понимаешь, ведь я еще тогда подсчитал, сколько рыб вот так погибает, и как мало ее через десять лет здесь останется, — с возрастающим волнением продолжал Борис. — Послушай, придет время, и тебе ловить здесь будет нечего, если не прекратится такой бесконтрольный промысел.

— На мою долю хватит, — махнул вилкой отец. — А оттого, что не буду ловить рыбу, ее больше не станет. Никто здесь к твоим, Боря, доводам не прислушается. Никогда.

— Вот я и говорю, через десять лет в этих местах и делать будет нечего. Рыбы-то не останется, всю переловите. Придется тебе тогда опять электриком устраиваться.

— Этому вас в университете учат?

— И не только. Еще мы рассчитываем, сколько рыбы можно из водоемов изымать без ущерба для всей популяции. Чтобы она всегда была, и через пять, десять и двадцать пять лет.

— Чего будет через двадцать пять лет, меня не волнует. Может, землетрясение, может, всех нас волною накроет, а может, вулкан взорвется. Сейчас жить надо. Вот моя идея.

— Да кто же так рассуждает? Тебе, значит, сейчас хорошо, а что детям и внукам останется — неважно, так?

— Ты сначала заведи детей и внуков, а после поговорим, когда поймешь, что на ученую зарплату семью не прокормить.

— Вот выучусь, работать стану, семья появится, тогда...

— Вот что, сын, — перебил его отец, — тревожно мне за тебя. Добром твое слепое упрямство не кончится. Так и знай.

— Ничего, я справлюсь.

— Это все мать, царство ей небесное. Она тебя таким воспитала. И сама сгинула.

— Мама ни при чем.

— Меня не слушала.

— Я сам наукой увлекся.

— Говорил ей, ничего хорошего в этих походах нет.

— Зато она научила меня различать лекарственные растения.

— Теперь, вижу, поздно вразумлять.

— Это ведь от мамы я впервые узнал, как в природе все крепко взаимосвязано.

— Убеждал, не балуй мальчишку. Потом в жизни трудно будет. Скажи мне спасибо...

— Спасибо.

— Ты ведь на этой рыбе вырос, — сурово посмотрел на Бориса отец. — Откуда бы еще у нас взялись деньги на все это? На дом, телевизор, мебель, машину? Ты уже взрослый человек. Ты задумывался об этом хотя бы раз?

— Я тогда не понимал, что рыба твоя — браконьерская, — Борис хитро прищурился. — А ты ведь первоклассный мастер. Мог бы в солидной конторе работать, электроприборы ремонтировать. Или на заводе японские телевизоры собирать.

— Помолчи, — угрюмо проговорил отец. — Тоже мне, телевизоры. Там зарплату не дают месяцами.

— Рыбачить можно и по-спортивному, с лицензией.

Тут вскипела вода для чая. Борис спохватился, выключил плиту, затем подошел к настенному шкафчику и, взяв с полки кружки, бодро произнес:

— Я вот выучусь, в рыбной инспекции стану работать, буду следить, чтобы лососей в наших реках не переводилось.

— Страшно мне за тебя, Боря, страшно, — тяжело вздохнул отец. — Пойми раз и навсегда, наш народ просто так ничего не уступит. И закон тебе в этом не подмога.

— Это потому, что подход к людям неверный, — продолжал свое Борис, разливая по кружкам чай. — С человеком говорить надо, а не тыкать в лицо законом. Учить людей надо, и они поймут, как на самом деле поступать выгодно.

— Тщетно государство вкладывает деньги в ваше образование, — покачал головой отец. — Сколько инспекторов тут перебивало, мало, что ли? В земле теперь лежат. В прошлом году троих не стало. В этом году пока только одного в иной мир отправили. И вряд ли когда те убийства раскроют.

— Ведь честный лов никто не запрещает, — возразил Борис, ставя перед отцом его кружку. — И никакого риска.

— Да ты не слышишь, что я говорю! Убивают за твой закон, вот так!

— Я это знаю, — невозмутимо проговорил Борис. — И меня этим не испугаешь.

— Нет, не понимаешь ты, к чему я это говорю, — многозначительно посмотрел на него отец и опустошил стакан одним залпом.

— Понимаю. Браконьерствовать я бы тебе, конечно, не позволил. Но и без рыбы не оставлю. Ведь ее можно по правилам добывать. На жизнь хватит.

— Значит, однажды и против отца родного пойдешь?

— Я этого не говорил, — улыбнулся Борис.

— Ладно, посмотрим, — сказал отец, поднимаясь из-за стола. — Все мое время, — и отправился в свою комнату, размышляя при этом:

«Нет у нас ничего общего, и не будет. Как чужой он мне. Зря тратил на него время».

Оставшись один, Борис допил чай, наскоро убрал со стола и пошел собирать дорожные вещи.

Он привез с собой три большие пачки фотографий: кое-что из студенческой жизни, практика на заводе по воспроизводству ценных видов рыб и пейзажи Приморья. Хотел отцу рассказать, как правильно инкубировать икру, поднимать личинок и малька, приучать молодь к жизни в естественной среде, чтобы потом они, взрослые, в родные реки возвращались на нерест. Да отец без особого внимания перелистал фотографии, как игровые карты, махнул рукой и завалился на диван подремать.

«Ребятам покажу, им-то будет интересно», — подумал Борис и пошел собираться.

Друзей он нашел там, где и ожидал. Из родительских домов те еще никуда не переехали. Но если бы и переселились куда-нибудь, все равно бы разыскал. А друзья и не рассчитывали уже свидеться вновь. Один, оказалось, женился. Второй тоже собирался. Остаток дня друзья провели в кафе. Борис показывал фотографии, рассказывал о себе, и при этом почему-то не решался говорить о своей будущей специальности. Хотя тому, что Борис станет учиться на биолога, приятели не удивлялись: это дело им казалось естественным для него, и было решено еще в детстве. О своем промысле друзья старались не упоминать. При расставании Борис обещал, что будет думать, как сделать так, чтобы люди были сыты, и рыба не перевозилась в реках. Все только посмеялись над ним.

Солнце уже скрылось за сопками. И небо там все еще удерживало в себе дневной свет, но с востока неумолимо надвигалась фиолетовая тень. Улицы медленно погружались в синие сумерки. С разных сторон доносилась бойкая переключка петухов. Борис шел домой в печальной задумчивости, словно разочарованный в своих лучших ожиданиях. Чувствовал он, что не осталось тут никакой надежды. Куда же все подевалось? Отчего это произошло? Теперешняя жизнь деревни казалась ему чужой. Будто всеми овладела злая обыденность.

Подходя к дому, он вдруг услышал визг и жалобные причитания старого Узона. Что-то случилось?! Борис ускорил шаг.

Во дворе отец, удерживая пса на короткой цепи, бил его палкой. Несчастный Узон скакал перед ним, тараща испуганные глаза, и горестно подвывал. Оправившись от потрясения, Борис кинулся к отцу и схватил его руку, занесенную для очередного удара. Отец оглянулся, посмотрел в глаза сына и, стиснув зубы, попытался освободить руку, но не сумел ее двинуть — слишком крепко удерживал ее Борис. С минуты, шумно сопя, оба дико смотрели в упор друг на друга. Глаза их горели злобой. У отца от

напряжения резче выступили скулы, от тяжелого дыхания заходили ноздри, от гнева потемнело лицо. Борис холодно взирал на него и стискивал его запястье железной хваткой так, что даже жилы на руке проступили. Сейчас он впервые в жизни осознал силу своего превосходства перед этим человеком. Ничего подобного между ними еще не бывало.

— Брось палку! — потребовал он.

Отец сверкнул на Бориса презрительным взглядом, разжал пальцы и выпустил из руки палку. Она стукнулась о землю перед носом Узона — пес все это время льнул к ногам Бориса и скулил от боли и страха. Отпрянув от палки, Узон забился в истерике и захрипел: цепь душила его, затягиваясь вокруг шеи.

— Ты за что его бьешь? — проговорил Борис, отпуская руку отца.

Чувствуя слабость, тот выпустил цепь, и она с тяжелым звоном свалилась на землю. Гремя цепью, Узон полез в свою будку и высунул голову наружу, с замирающим сердцем ожидая, что будет дальше.

— За что? — повторил Борис.

Но и теперь отец не ответил. Молча повернулся и побрел в дом.

Борис подошел к будке. Узон, виновато виляя хвостом, выбрался наружу и лизнул его руку. Он сел перед ним и стал отвязывать цепь, успокаивая друга добрыми словами. Когда цепь была отброшена в сторону, Узон лег перед молодым хозяином, позволяя ему осмотреть, нет ли где травмы. Но ничего серьезного Борис на нем не обнаружил, погладил пса по холке и проговорил, едва не заикаясь от волнения:

— Два старика поладить не можете. А то заберу тебя с собой. Будем вместе на котельной работать. Я буду за температурой следить, а ты — по ночам охранять.

Он поднялся и тоже направился к дому. Отец понуро сидел на табурете в кухне, положив локти на подоконник, и смотрел в темнеющее окно.

Заметив, что отец еще не ужинал, Борис принялся готовить макароны с тушенкой.

— Узона я с собой заберу, — заявил он, включил плиту и стал набирать в кастрюлю воду. — Будет в котельной жить. Там в прошлом году собака сдохла, а новой еще не обзавелись.

— Оставь, — пробормотал отец, вынимая из пачки сигарету.

— Тогда скажи, за что его бил?

— По заслугам, — холодно проговорил отец и закурил.

— Что же он натворил?

— Он — вор!

— Что?!

— Вор, говорю.

— Что-то не верится.

— Я забил петуха нам на ужин, общипал, пошел за водой, вернулся, а петуха уже и нет. Пошел искать. Гляжу, Узон за сараем копается. И петух у него. Прятал, сукин сын!

— Все воруют. Друг у друга тащат. Потому что голодные. Ты когда его в последний раз кормил? — сердито уставился на отца Борис. — Забыл, наверное? Узон раньше никогда не воровал. Ты ведь его не кормишь, вот он и стащил петуха.

— Один раз не проучишь — в привычку войдет, — буркнул отец.

— Будешь кормить, никакая привычка не появится. А бить необязательно. Узон умный, он слова понимает.

— Разве мало слов я наговорил, чтобы человека выучить? — Отец отвернулся от окна и уставился в пустой стол. — Все без толку. А тут — собака.

— Это ты меня выучил? — вспыхнул Борис.

— Учил и не выучил, — вздохнул отец.

Когда макароны сварились, Борис переложил их в сковороду с разогретой тушенкой и стал перемешивать ложкой. Когда ужин был готов, он начал накрывать на стол. Разложив макароны по тарелкам, наполнил доверху миску для Узона и поставил ее на подоконник, чтобы макароны остыли. Отец тем временем, достал недопитую с обеда бутылку и стаканы:

— Выпьем.

— Нет, я пить не буду, — отказался Борис. — На сегодня довольно. И вообще, знаешь что, я не стану здесь задерживаться, завтра утренним автобусом уеду. Но еще вернусь. Вернусь, когда специальность получу.

— Дело твое, — равнодушным голосом отозвался отец.

— И порядок я здесь наведу, — твердо проговорил Борис, взял миску для Узона и вышел во двор.

С тех пор минуло три года. На реку Быстрая из Петропавловска была направлена научная экспедиция. Сотрудники института исследовали численность лососевых, чтобы составить рекомендации по охране ценных нерестилищ. База ученых располагалась в Усть-Большерецке.

Осень в тот год торопилась и нагрянула неожиданно. Задул холодный ветер, небо нахмурилось, полили дожди. В три дня пожелтели березы, ольха и осины. По утрам плыл туман и держался до полудня, а то и дольше.

В это время на реках шел промысел. Инспекция рыбоохраны едва справлялась, контролируя ситуацию на водоемах. И однажды, неизвестно отчего, произошла стычка членов экспедиции с браконьерами. Один сотрудник был ранен, другой убит. Обстановка стала еще более напряженной, но исследовательскую работу прекращать было нельзя. Через некоторое время в экспедицию на замену погибшего коллеги приехал молодой специалист-ихтиолог. Его звали Андрей. Целый день его бригада прово-

дила на водоемах, а по вечерам все собирались на базе. И вот наступил их последний день в этих краях. Бригада решила отметить окончание экспедиции в поселковом кафе, одноэтажном кирпичном здании. Когда в больших окнах гас дневной свет, зажигали лампы, и становилось уютно при их желтоватом освещении.

Посетителей в тот вечер было немного. Семь научных работников из Петропавловска и несколько местных мужчин, один из которых сидел в одиночестве возле окна и выпивал.

Андрей сразу его приметил. Тот устало сгорбился, опираясь локтями о стол, и неподвижно глядел на входную дверь, глубоко погруженный в свои мысли. Взгляд его потухших глаз был необыкновенно печальным. Но особую трагичность лицу придавали горькое выражение опущенных губ и выступающие уголки скул над упругими щеками. Весь он казался потерянным, одиноким, забытым. На какое-то время за разговором с коллегами Андрей потерял этого человека из виду, а обнаружил немного погодя, когда вышел на крыльцо.

Было прохладно. Третий день природа будто проливала слезы. Не горестно рыдала, а словно бы сдержанно — уныло моросил дождь.

Андрей запахнул куртку, закурил и сел на скамейку рядом с тем угрюмым мужчиной. Тот пристально глядел в темноту, словно чего-то от нее ждал. Несмотря на промозглый холод, голова его была не покрыта, и серая куртка распахнута. Он украдкой взглянул на молодого человека и вдруг заговорил:

— И каков прогноз вашей науки?

Андрей ждал подобного вопроса. Местные жители всякий раз при встрече с кем-нибудь из «научников» этим интересуются. О рыбе тут говорят в первую очередь.

— Исследования проведены. Результаты будут известны чуть позже. Но уже сейчас ясно: без охраны местных нерестилищ ценной рыбы с каждым годом становится меньше.

— Мой сын тоже так говорил, — вздохнул мужчина. — Беспокоился о рыбных запасах. Даже учился по этому вашему делу.

— И как его успехи? — поинтересовался Андрей.

— Сорок дней как похоронил.

— Соболезную, — тихо проговорил Андрей.

Мужчина перевел на него рассеянный взгляд, кивнул и добавил:

— Примерно твоих лет был.

Помолчав немного, Андрей осторожно поинтересовался:

— Вы — отец Бориса?

— Убили его. А ведь я предупреждал, говорил. И тебе тоже говорю, наш человек своего не уступит. Не послушал он меня. Ну, и вот так.

Андрей докурил свою сигарету, бросил в урну и, не говоря больше ни слова, вернулся в кафе. □

Художники, которые не умели рисовать?!

Невероятно, но прославленные на весь мир русские живописцы порой не могли нарисовать, казалось бы, элементарных вещей и просили своих коллег по цеху, а порой и просто друзей помочь им в этом «нелегком» для них деле.

Так, хорошо известно, что признанному мастеру пейзажей Ивану Шишкину не давались изображения животных. На знаменитой картине «Утро в сосновом лесу» он попросил нарисовать медведей своего приятеля Константина Савицкого. Интересно, что сначала на картине были две подписи — Шишкина и Савицкого, но приобретший это полотно для своей галереи Павел Третьяков собственноручно удалил автограф Савицкого, посчитав, что таким образом со временем картина приобретет значительно большую стоимость.

Не умел рисовать людей и такой прославленный пейзажист как Исаак Левитан. Фигуру прогуливающейся по аллее парка дамы на картине «Осенний пейзаж. Сокольники» написал для него друг Левитана, тоже художник, Николай Чехов, родной брат знаменитого писателя Антона Павловича Чехова.

И даже такой непревзойденный маринист как Иван Айвазовский попросил Илью Репина нарисовать фигуру «солнца русской поэзии» на картине «Пушкин на берегу моря».

История одной картины

Читателям, конечно, знакома выразительная картина классика советского соцреализма Федора Решетникова «Опять двойка» (1952). Однако мало кто, наверное, знает, что у этого полотна, хранящегося в Третьяковской галерее, имеется свой прототип —

малоизвестная картина «Провалился» (1885) почти забытого русского художника Дмитрия Егоровича Жукова. Естественно, Решетников не был плагиатором, а просто творчески переработал написанный Жуковым сюжет, перенеся его в советскую эпоху. Такой прием раньше назывался «парафраз», а теперь именуется модным словом «римейк».

Кстати, «Опять двойка» — это вторая часть трилогии мастера. Первое полотно из этой серии «Прибыл на каникулы» (1948) стало самой узнаваемой из открыток на просторах Советского Союза — совокупный тираж репродукций картины составил более 13 миллионов экземпляров! Завершает эту художественную трилогию картина «Переэкзаменовка» (1954).

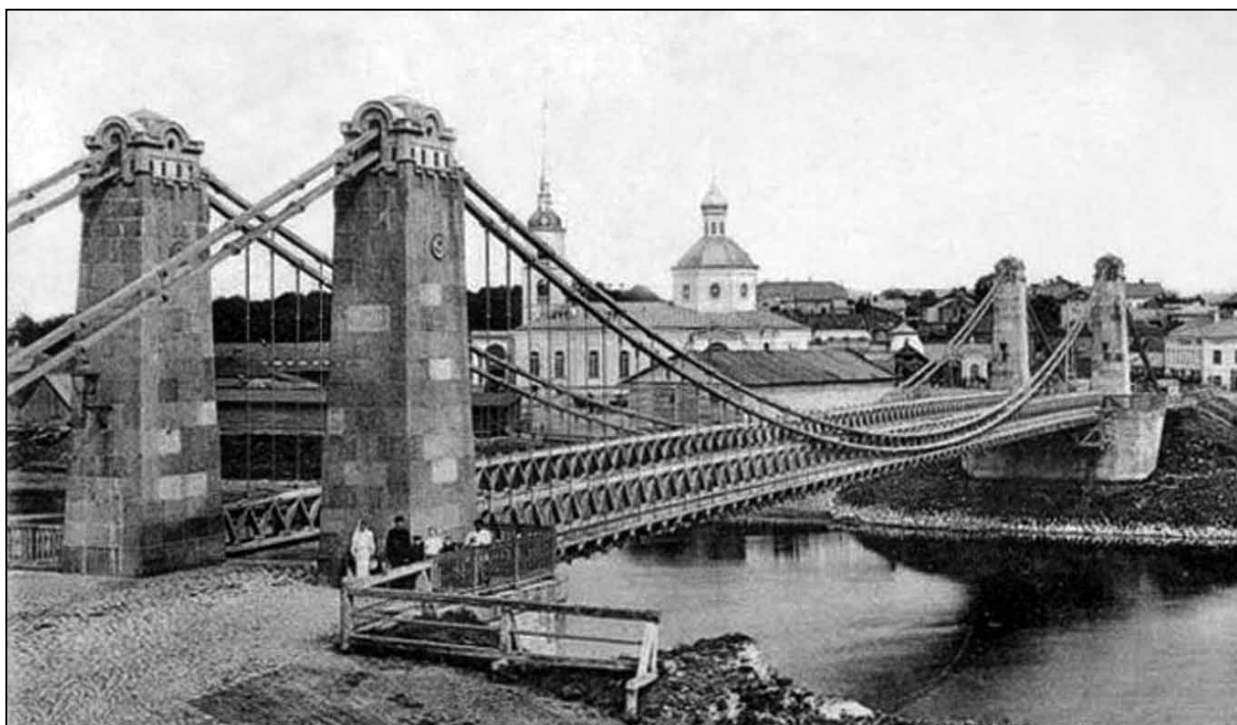
И еще одна любопытная деталь: в левом углу картины «Опять двойка» можно увидеть на стене репродукцию полотна «Прибыл на каникулы», а в картине «Переэкзаменовка» — в том же левом углу репродукцию картины «Опять двойка».

Алюминиевый клин из Аюда

В 1974 году в Румынии на берегу реки Муреш в двух километрах от города Аюда на глубине десяти метров был обнаружен странный артефакт. Выглядел он как часть какого-то механизма и состоял в основном из алюминия. И все бы ничего, но алюминий стал известен только в 1808 году, а румынский клин был найден рядом с костями мастодонта в слое почвы возрастом порядка 11 тысяч лет. Но кто мог оставить на Земле в столь древнюю эпоху какую-то алюминиевую деталь? По форме она, кстати, очень схожа с частью механизма «нога» автоматических станций, которые земляне запускали на Луну и Марс. Значит ли это, что нашу планету в столь давнюю эпоху посещали представители цивилизаций с других планет и галактик?! Некоторые ученые отвечают на этот вопрос утвердительно.

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

В самом центре небольшого и уютного старинного города Острова, что в Псковской области, находятся два уникальных висячих цепных моста. Таких больше нет во всей необъятной России. Каждому из них уже более полутора века, и оба они прекрасно помнят приезд царя-батюшки Николая I на их торжественное открытие в далеком 1853 году.

Цепные мосты в Острове — удивительный памятник национального мостостроения середины позапрошлого столетия и один из лучших его образцов. Уникален уже сам факт

того, что любой желающий их может не только увидеть воочию, но и пройти по ним, прикоснуться к их перилам, цепям и парапету. Они смогли пережить и в буквальном смысле

выстоять весь бурный прошедший век с его хаосом войн, революций и оккупации города врагом в ходе Великой Отечественной войны.

Необходимость в строительстве постоянных мостов на реке Великой возникла в связи с активным развитием торговли и промышленности: через Остров прошла дорога, соединившая столичный Санкт-Петербург с прибалтийским Динабургом (ныне город Даугавпилс, Латвия). До этого сообщение между берегами осуществлялось паромными, а также по легкому временному деревянному мосту на козлах. Этот хлипкий мост

соединял четыре берега одной реки. Да-да, мы не ошиблись: ведь город Остров и получил свое название именно потому, что его старинная крепость находилась аккурат на острове посередине реки Великой, а два моста как раз и соединяли напрямик через остров четыре берега реки Великой. Увы, от древней крепости не осталось и следа.

Зато ныне у посетивших Остров есть уникальная возможность окунуться в прошлое через портал времени: достаточно лишь привести камеру своего смартфона на QR-код таблички с планом-схемой крепости,

приходилось ежегодно разбирать, к тому же он часто разрушался паводковыми водами.

Висячих мостов в Острове два, и расположены они друг за другом,

как вы окажетесь в Зазеркалье. Эффект присутствия просто потрясает! Также оживить историю можно и в расположенном на территории бывшей крепости краеведческом музее,

в котором старинные артефакты органично сочетаются с ультрасовременными техническими новинками. Но вернемся к висячим мостам.

Их строительство началось в 1851 году по проекту инженера путей сообщения Михаила Яковлевича Краснопольского и завершилось спустя пару лет. Стоимость сооружения обоих мостов составила весьма внушительную по тем временам сумму — 294 200 рублей. Пролеты обоих мостов одинаковые и составляют около 94 метров каждый. Для защиты цепей от возможных наездов и ударов транспорта на анкерных устоях над входом цепей возведены небольшие каменные пьедесталы.

Следует отметить и интересные технические особенности островских мостов. Их мостовые пилоны сложены из тщательно тесаных гранитных блоков, скрепленных между собой металлическими связями. Каждая цепь при этом состоит из двух ветвей, расположенных друг над другом. Ветви сконструированы из плоских звеньев, соединенных горизонтальными болтами. Цепи опираются на вершины пилонов через специальные чугунные оголовки. Между цепями и оголовками расположены тщательно обточенные ролики, сделанные из чугуна, которые, в свою очередь, обеспечивают возможность небольшого перемещения цепей. Благодаря такой подвижной опоре цепей на пи-

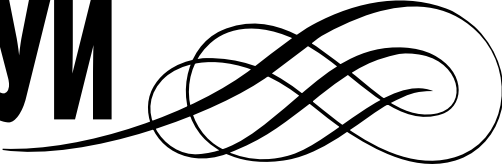
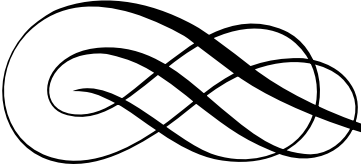
лоны, последние избавляются от изгибающих усилий, весьма нежелательных для столь массивной каменной конструкции.

Незадолго до открытия по мостам регулярного движения император Николай I, возвращавшийся из Ковно в столицу, специально заехал в Остров, где в присутствии толпы осуществил высочайший тест-драйв. Сопровождавший русского царя начальник I-го округа Путей сообщения полковник Гергард направил на имя Главного управляющего путями сообщений графа Петра Андреевича Клейнмихеля рапорт, в котором, в частности, указал: «К сему честь имею присовокупить, что Его Величество работами остался вполне довольным и несколько раз изволил повторить, что мосты красивы и очень хороши».

Время и технический прогресс не стоят на месте: так, в 1926 году проезжая часть и деревянные фермы жесткости мостов были заменены на металлические. В 1944 году, отступая из Острова, фашисты частично разрушили южный мост путем подрыва верховой цепи вблизи пилона опоры. Однако уже в 1946 году мост был полностью восстановлен.

В наши дни висячие цепные мосты в Острове являются лучшей визитной карточкой города, проход по которым обязательно совершает каждый оказавшийся в городе турист. □

Самый французский ПОЦЕЛУЙ

Если бы кто-то сказал Ирине, что в свои тридцать пять с хвостиком она будет ехать в малиновом «мерседесе» по головокружительной ленте серпантина, а за рулем будет сидеть импозантный француз с добрым и хитрым черноглазым прищуром и сердцем, полным любви к ней, она бы ни за что не поверила. Чтобы такой мужчина обратил на нее внимание, держал за руку, с безымянного пальца которой недавно исчезло кольцо, угощал дорогим бургундским вином во французских ресторанах, возил по стране, знакомя ее с дорогами своего прошлого и настоящего! Навстречу их общему будущему, о чем можно было догадаться по все увеличивающимся таинственным длиннотам пауз во время ужина и матовому блеску недавно подаренного ей ожерелья.

А как ласкал ухо французский язык! Эскарго, шампань, флер, вуатюр, бонер... Слова круглые и гладкие, как леденцы, фруктово щекочущие язык. Марк был настолько благороден, что не смеялся над ее славянским акцентом, его соболиные брови не взлетали вверх, когда она путала артикли, акцентуации или неправильно спрягала глаголы. Он даже верил в то, что цвет ее волос натурален, а все русские так же бледны и круглолицы, как невесты на выданье в финских деревнях. Не счесть комплиментов, которые она получала в адрес своих «прозрачных голубых глаз», «четкого абриса лица», «греческого носа», который она всю жизнь куда менее художественно именovala «рубильником», мечтая об аккуратной, не бросающейся в глаза ринопластике.

Одним словом, этим днем на картах ее жизни выпал идеальный расклад: бриллиантовое сияние солнца, хорошая песня по радио, любимый мужчина рядом, а впереди маячит отель у горнолыжного курорта... Катается она плохо, но Марк обязательно ее научит — он такой терпеливый и терпимый к чужим недостаткам!

Гостиница оказалась именно такой, какой Ирина ее представляла: деревянные скаты крыши на манер альпийского шале, плетеные кресла на веранде, улыбочивые постояльцы, полные любви ко всем прелестям горнолыжного сезона. На стойке регистрации рыжеволосая француженка предложила им глясе: айсберг восхитительно натурального мороженого медленно расплы-

вался в кофейном море, пока Ирина смотрела на горы, выросшие в окне, с посыпанными сахаром вершинами на фоне первозданно голубого неба.

— У тебя есть лыжные ботинки? — осведомился Марк, расчесывая свои черные волосы гребенкой, лежащей у зеркала.

— Нет, — расстроено протянула Ирина, — я как-то не подумала...

— А куртка и очки?

— Эта куртка подойдет? — спросила она, с сомнением глядя на свой водонепроницаемый плащ, который очень даже соответствовал погоде, когда они выезжали из дождливого Дижона.

— Не думаю. Но ничего, — улыбнулся француз, — возьмем напрокат.

Бывший муж стал бы ругать ее за такую непредусмотрительность, а он хранит свое знаменитое спокойствие. И за что судьба послала ей такого идеального мужчину?

Через час на Ирине уже красовалась лыжная куртка и плотные спортивные штаны нежно-сиреневого цвета, алмазные атаки солнца разбивались о новые темные очки. Рядом с ней мраморным изваянием высился Марк, похожий на греческого бога в своем белом лыжном костюме, сливающимся со склоном. Проезжающие мимо компании одиноких женщин с интересом поглядывали сначала на него, а потом — с плохо скрываемой завистью — на нее.

— Начнем с детских горок? — мягко улыбнулся Марк, лыжной палкой указывая на малышку, сгрудившуюся у маленькой горки.

Первые полчаса прошли замечательно. Медовые потоки солнца затекали за шиворот, щеки Ирины покраснелись, мышцы приятно ныли после череды легких подъемов и спусков, кровь циркулировала быстро, как вытекающая из градусника ртуть. Марк держал ее за руку, командовал как бывалый лыжный инструктор и по-доброму посмеивался над безобидными падениями.

— Пообедаем? — спросил он после того, как они совместно освоили еще одну горку повыше.

— Почему бы и нет? — ответила она мечтательно, думая о том, что ждет их в спальне сегодня вечером...

Обед в таверне на склоне стал еще одной бусинкой в ожерелье сегодняшнего дня. Они сидели на веранде, промывая легкие альпийским воздухом, глинтвейн с апельсином и гвоздикой приятно согревал грудь, а котлету отменно прожарили. Марк наслаждался своим вегетарианским блюдом и ни разу не упрекнул ее в мясоедстве, несмотря на то, что сам уже лет пять отказывался от всех продуктов животного происхождения!

Выйдя из таверны, он потер руки и повернулся к своей спутнице:

— Ну что, еще одна горка?

— Она не слишком сложная для меня? — с сомнением протянула Ирина. — Красный уровень — это вроде для продвинутых?

— Я буду оберегать тебя, там не так уж страшно, — улыбнулся Марк.

Они медленно двинулись по крутому склону, уходящему вниз к еще одной альпийской деревне. Ирина заметила, что количество лыжников резко уменьшилось. Детские крики больше не разрезали голубое полотно воздуха, мимо проносились разве что одинокие сноубордисты, не зависящие от костылей лыжных палок.

Подчиняясь внезапно нашедшему на нее урагану смелости, она резко оттолкнулась от земли и рванула вперед, оставляя за собой шлейф снежной пыли и обескураженного Марка.

— Ты куда? — крикнул он вслед и тут же двинулся за ней.

— Догони! — счастливо выдохнула она, прибавляя скорость.

Мимо проносились треугольники заснеженных елок, воткнутые в землю разноцветные флажки, снегоуборочные машины, застывшие в ожидании сумеречной охоты. Упругое дыхание ветра трепало завитки волос, выбившихся из-под шапочки, на щеках расцвели маковые узоры румянца. Ирина то и дело оборачивалась, чтобы посмотреть, следует ли за ней Марк.

Когда она уже собиралась остановиться, позади нее раздался нечеловеческий вопль. Звук был такой, будто загулявшего под вечер лыжника разрывают на части проголодавшиеся волки.

Ирина попыталась снизить скорость, но левая лыжа не поддавалась, отъезжая куда-то в сторону. Она пыталась свести кончики лыж вместе, как учил ее Марк, но они не повиновались ей. В ту же секунду она заметила стремительно приближающийся ствол сосны. «Точно как в фильмах про неудачливых туристов» — пронеслось у нее голове, и она зажмурила глаза. — Будь что будет!»

Только чудо помогло ей так удачно завалиться набок, чтобы отделаться легким вывихом ноги и жжением в области копчика. Она несколько секунд лежала на спасительном покрывале спрессованного снега, а потом решительно встала на ноги. Крики вдали не умолкали. Кому-то нужна ее помощь, человеку наверняка хуже, чем ей.

Игнорируя боль в ноге, Ирина поднималась вверх по склону, взвалив лыжи на спину, как тук с бельем. Кое-где ноги увязали в снегу, но она пробивала путь тяжелыми лыжными ботинками. Весь путь ее сопровождали крики, смешанные с отдаленным колокольным звоном. Она надеялась, что не будет слишком поздно, когда удастся, наконец, добраться до места происшествия...

Оставалось несколько шагов к цели, когда Ирина поняла, кто издает этот визгливый крик. На склоне в метре от ствола широкой сосны распластался ее элегантный француз. Увидев, что она приближается, Марк завизжал с удвоенной силой, хватаясь за свою ногу, вывернутую под неестественным углом:

— Куда ты уехала? Ты не видишь, что я умираю?!

— Сейчас-сейчас, — запричитала Ирина, подбегая к нему.

В соответствии с амплитудой криков она ожидала увидеть куски мяса, выпадающие из ноги, прорванную острой костью кожу или хотя бы оторванный палец, но ее взору предстал обыденный закрытый перелом.

Ей невольно вспомнилось, как в девять лет они с другом-сорвиголовой прыгали со шкафа, и она сломала лодыжку, но друг кричал гораздо громче, потому что страшился гнева своей матери. А еще тот раз, когда она прищемила безымянный палец на руке дверцей машины, а потом два дня забывала сходить к врачу. Неужели исследования о низком болевом пороге мужчин не врут?

— Посидишь тут, пока я схожу за помощью? — деловито осведомилась Ирина, морально настраивая себя на долгий подъем в гору.

— Издеваешься? Ты совсем идиотка? — огрызнулся Марк. — Мне нужна «скорая», это и придурку понятно!

Он продолжал стонать, раскачиваясь из стороны в сторону, а Ирина почему-то подумала о своем деде, который потерял ногу на войне, а потом говорил, что это было меньшее из страданий, которые ему принесла Вторая мировая. Худшие раны остались в душе.

— Сейчас, — холодно проговорила она, судорожно вспоминая французский номер «Скорой помощи», который никак не могла запомнить.

Тут Ирина заметила, что над ними пролегает линия подъемника. Люди, привлеченные звериными криками Марка, высовывались из кабинок и махали ей.

— Номер «скорой»! — закричала она, складывая руки рупором. — Скажите номер «скорой»!

— Мы вызовем, — крикнул сверху мужчина в красной куртке. Рядом с ним стояли испуганные близнецы, с жадным подростковым интересом гадающие, что страшного произошло с этим мсье, корчащимся в предсмертных судорогах у голубой сосны.

Все то время, что они ждали помощи, Ирина держала Марка за руку. Он не обращал на нее внимания, каждую минуту издавая самые разнообразные контрапункты охов, вздохов, стонов и повизгиваний.

Когда прилетел вертолет, Марк протянул к нему руки с громогласным вздохом облегчения, будто с неба в золотом ореоле спускался сам Господь. Вертолет завис в воздухе, и по свешенной лестнице из него красными жуками сползли двое врачей с носилками.

— Что случилось? С вами все в порядке? — спросили они, подбегая к Марку с Ириной.

— Он сломал ногу, — ответила она, испытывая смутное желание нервно засмеяться.

— Все ясно, — кивнул спасатель, — мы заберем его в больницу. Кем вы ему приходитеесь?

— Я...его девушка, — сказала Ирина, уловив тень сомнения в своем голосе.

— Если вы не родственница, мы не сможем посадить вас в вертолет, — покачал головой спасатель. — Как-нибудь доберетесь сами?

Она ждала, вот сейчас Марк скажет, что никуда без нее не полетит, но он продолжал всхлипывать и, пока его грузили в вертолет, даже ни разу не по-

смотрел на нее, как будто они не были знакомы, напрочь забыв об ее существовании, лелея свою боль, как ребенка в колыбели.

Не успела Ирина сказать, что у нее нет денег, ключей от номера и машины, что она не знает адреса, не слишком хорошо говорит по-французски, к тому же сама ушибла ногу, как вертолет уже оторвался от земли, желтокрылой пчелкой скрывшись за заснеженными пиками елок. Она осталась одна посреди склона с красной отметкой, не в силах двинуться от охватившего ее шока и внезапно нахлынувшей волны отвращения к этому потному, сопливому, хнычущему мужчине, который исчез в бледно-голубом сумеречном небе, даже не попрощавшись с ней. На языке вертелись по-настоящему крепкие русские ругательства, далекие от напыщенной французской неги.

Ирина добралась до гостиницы в десятом часу вечера, попав в номер только потому, что рыжеволосая девушка на ресепшене запомнила ее «красивого спутника», и около часа сидела в горячей ванне, глотая обжигающий ромашковый чай, почему-то не утешающий нервы и обиду...

Утром ее разбудил телефонный звонок. Сняв трубку, она обнаружила, что из голоса Марка пропал весь мед, которым обычно истекали его голосовые связки.

— Ну и где ты? — грубо спросил он.

— В нашем номере, — флегматично ответила Ирина, еще не до конца сбросив с себя покрывало сна. — Как ты?

— Смотрю, тебе там весело, — процедил Марк. — Когда мне тебя ждать?

— У меня нет ключей от машины, они остались в твоей сумке. Как добратся до больницы?

— Для общественного транспорта ты слишком хрупкая? — спросил он издевательским тоном.

— У меня почти нет денег, моя карточка осталась у тебя, — вяло возразила Ирина.

— Только о себе и думаешь, да?

Она промолчала, думая о том, что это как раз он не спросил ее о том, как она себя чувствует, и даже не извинился за то, что не попросил спасателей взять ее с собой.

— Я приеду, только дай адрес, — отчеканила она и бросила трубку сразу после того, как он продиктовал его хнычущим голосом.

Ирина добиралась на перекладных, ожидая местного автобуса, с трудом прокладывающего маршрут по выпавшему за ночь снежному покрову, вздрагивая на особенно крутых поворотах и морщась от ноющей боли в вывихнутой лодыжке. Она слышала, как водитель жалуется на плохую видимость, и ей оставалось только надеяться, что они доедут без происшествий.

Выйдя на конечной остановке из автобуса, она прошла километра три по петляющему маршруту, в котором не был уверен сам навигатор. Как не похож был

этот город на горнолыжный рай, из которого она спустилась! Никаких рождественских гирлянд, веселых семей с лыжами, декоративных инсталляций в виде оленей. Вместо уютных деревянных шале — скучные здания неопределенного серого цвета, да пыльно-синие вывески шиномонтажных мастерских.

Приметив захудалый продуктовый магазинчик, Ирина на последние деньги купила там десять шоколадок, заваливавшихся на прилавке. Марк любил шоколад, и она взяла все, что было, чтобы порадовать его. Продавец, во рту у которого не хватало половины зубов, так сердечно благодарил ее, будто она была первым покупателем за последний месяц.

Добравшись до больницы, Ирина спросила, где она может найти своего француза. Убедившись, что речь идет о «красивом черноволосом мужчине», тучная женщина в зеленой форме провела ее в палату на втором этаже. В проеме двери она увидела Марка в больничной пижаме, лежащего на кровати у окна. Он не сразу заметил ее, погружившись в чтение детективного романа в изодранной обложке.

— Я уж думал, ты никогда не придешь, — капризно проговорил он, когда она села на пластиковый стул около его кровати.

— Сюда не так просто доехать, — пожала плечами Ирина, поцеловав его в лоб. — Как ты себя чувствуешь?

— Терпимо, — ответил Марк, стараясь придать голосу героическую легкость, будто он оказался единственным выжившим в кровавой схватке с акулами, — двойной перелом берцовой кости.

Точно такой же, что был у нее в детстве. Только тогда ей наложили гипс и тут же отправили домой, где она восстанавливалась, читая приключенческие романы и поедая малиновое варенье столовыми ложками. Счастливое было время...

— Когда тебя выпишут? — участливо спросила она, оглядывая палату.

Только сейчас Ирина заметила белую фигуру на кровати в углу комнаты. Она даже не сразу поняла пол лежащего, с ног до головы замотанного в белый саркофаг гипса. От всех его конечностей отходили тросы, привязанные к конструкции над ним. Он даже дышал через специальную трубку.

— Боже мой! Что с вами произошло?

— Упал со склона, — тут же раздался юный голос из-под гипсового шлема, — падал двести метров, еле собрали.

— И сколько вам теперь так лежать?

— Сложно сказать, — ответил голос на удивление оптимистичным тоном, — но свой двадцать седьмой день рождения я точно встречу в больнице.

Марк кашлянул, привлекая утерянное внимание спутницы к себе. Ирина с трудом отвела взгляд от парня, чья участь вызвала в ней глубокое сочувствие, вновь сфокусировалась на лице француза, которое казалось ей самым красивым и холемым всего двадцать четыре часа назад, и вдруг заметила намечающиеся «гусиные лапки» вокруг его глаз.

— Я же принесла тебе кое-что, — вспомнила она о шоколаде, медленно подтаивающем в тепле сумки, и начала вынимать плитки одна за другой, складывая их на тумбочке возле его головы. — Шоколад на любой вкус: с карамелью, орехами, кокосовой стружкой...

По мере изучения этикеток лицо Марка все больше вытягивалось, приобретая поразительное сходство с «Криком» Мунка. Уголки губ, некогда казавшихся ей соблазнительными, опускались все ниже, превращаясь в перевернутую подкову.

— Ты купила горький шоколад? — взвыл он, имитируя крики подстреленной косули, и в порыве внезапного бешенства стал швырять плитки в пространство впереди, как солдат, кидающий гранаты в противника.

— Там оставался только такой, — медленно проговорила Ирина, замороженная этим «цирковым представлением». Она и не знала, что лицо любимого способно так исказиться.

— Вот так ты обо мне заботишься?! — продолжал Марк, брызгая слюной, которой она когда-то наслаждалась во время французских поцелуев. — Ты совсем глупая или действительно не помнишь, что я ем только молочный шоколад?

— Успокойся, милый, — сказала Ирина, когда залп первой ярости иссяк, глядя на злую маску, из-под которой уже никогда не появится тот человек, которого она знала.

— Как я могу успокоиться, если тебе настолько плевать на меня! Не говоря уже о том, что именно из-за тебя я попал в эту передерягу!..

Последний аргумент черенком садовой лопаты оглушил ее по голове. Журнальный разворот их идеальной любовной истории выцветал в ее сознании с ошеломительной скоростью.

— Я сейчас принесу тебе такой шоколад, который ты захочешь, — убаюкивающе пропела Ирина, собирая с пола искалеченные бруски.

Перед тем как навсегда покинуть палату, она подошла к парню, у которого, казалось, от их перепалки начались проблемы с дыханием, и, сложив плитки на его тумбочке, ласково улыбнулась:

— Надеюсь, вы любите горький шоколад?

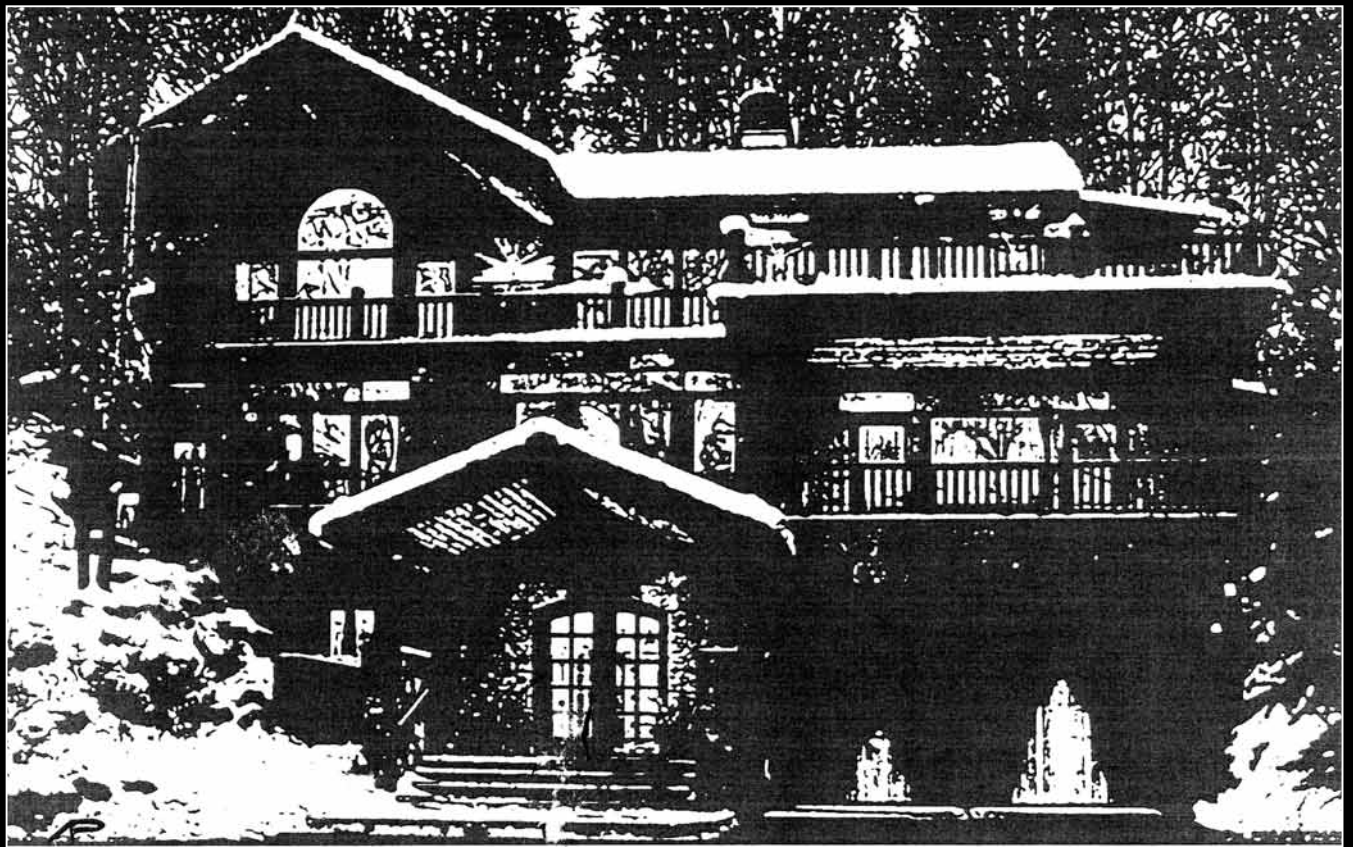
— Ничего не имею против, — ответил он, тоже пытаясь улыбнуться. — Спасибо вам большое!

— Восстанавливайся скорее! — бросила Ирина то ли парню, то ли француз, все еще тяжело дышащему в глубине палаты.

Пройдя сквозь бледно-желтый больничный коридор, она вышла на улицу и глубоко вдохнула чистый предрождественский воздух....

Ирина не знала, куда пойдет, как заберет все свои вещи, лежащие в его дижонской квартире, но мир открывался перед ней сотней возможностей.

Как хорошо, что он позвал ее в горы до того, как позвал замуж! □

«Раз, два, три, четыре, пять — Я ИДУ ИСКАТЬ...»

Павел Синичкин
Наши дни

Мужчина — редкий гость в приемной частного детектива, среди моих клиентов в основном преобладает прекрасный пол, особенно среди тех, что приходят без рекомендации, без предварительного звонка. А тут вдруг явился этакий хлыщ.

Моя секретарша и помощница Римка — девушка тренированная. Хотя в тот момент никаких дел, кроме как играть в шахматы с компьютером, у меня не было, она помариновала гостя минут семь в приемной и, наконец, ввела его в кабинет. На первый взгляд, тип мне не понравился. Впрочем, если бы я принимал только симпатичных мне заказчиков, давно бы сосал лапу. Частному детективу выбирать обычно не приходится. К тому же одежда и часы гражданина свидетельствовали о его платежеспособности, а сей факт для потенциального клиента является немалым плюсом. На вид ему было лет сорок с хвостиком.

— Присаживайтесь, — широко и фальшиво улыбнулся я. — Чай, кофе? Чего покрепче?

— Пить я ничего не буду. — Мужчина выразительно посмотрел на часы. — Давайте к делу. Мне к вам посоветовал обратиться Серябин. Вы ему помогли как-то, года четыре назад.

— Что вас привело ко мне?

— У меня пропала любовница, — бухнул он.

— И?..

— И я хочу, чтобы вы ее нашли.

— Любовница, значит. А муж у нее имеется?

— К сожалению, да.

— И что? Он ее ищет?

— Это неважно, главное, ее ищу я. Понятно?

— Скажите, а как давно ваша девушка пропала?

— Три дня назад.

— В полицию заявляли?

— Я тебе третий раз русским языком говорю: я — ее — любовник, — выделил он все три слова. — Я не знаю, муж ее, может, и заявлял. Лично я официально не могу об ее исчезновении заявлять. Но она мне нужна, въезжаешь? И мне плевать на мужа!

Я не стал знакомить визитера со своими правилами и расценками — почему-то создалось впечатление, что они его не испугают, попросил только представиться и кратко изложить суть дела. В ответ он буркнул: «Зови меня Вячеславом», и стал рассказывать.

Итак, его любовница звалась Аленой, фамилия — Румянцева. Трудилась Алена маникюршей в салоне «Кейт и Лео», расположенном в самом центре столицы, на Чистопрудном бульваре. Проживала вдвоем с мужем в районе Марьино. Однокомнатная квартира, восьмой этаж, платит ипотеку. Детей не имела. И вот уже третий день ее мобильный телефон молчит.

— Может, она просто решила с вами расстаться, оттого и не отвечает? — предположил я.

— Я тебе говорю: телефон у нее отключен или находится вне зоны. И на работу она не выходила.

— Как фамилия мужа, чем занимается?

— А я знаю?

— Муж догадывался, что вы с ней встречаетесь?

— Понятия не имею.

— А сам-то ты женат? — спросил я наотмашь, по-мужски, решительно отбросив интеллигентское «вы».

И тут Вячеслав поплыл. Как-то не нашелся сразу, что ответить на столь простой и незатейливый вопрос. Наконец буркнул в ответ:

— А это какое значение имеет?

— Очень большое. Может, это как раз твоя жена с Аленой расправилась?

— Нет, этого не может быть! — решительно отрубил заказчик. — Даже копать не надо в этом направлении!

Я переменил тему и интимно подался к визитеру через стол:

— Скажи, а где ты с Аленой обычно встречался?

— Ну, дома у нее мы встречались, — выдавил Вячеслав. — В Марьино. На квартире. Когда мужа дома нет.

— А было у вас помимо этого какое-нибудь уютное любовное гнездышко?

— В гостиницах мы номера снимали, — ответил заказчик и бросил на меня сердитый взгляд: — Ты, вот что, детектив, давай, не умничай. Гостиница, гнездышко. Это к делу не относится.

— Ладно. А скажи, ты не обращал внимания, может, у Алены по жизни был еще какой-то мужчина, кроме тебя и мужа? Кто-то третий?

— Вот! — с неожиданным удовлетворением поднял вверх холеный палец клиент. — Наконец-то правильно стал спрашивать. А это я и хочу узнать — от тебя: кто у нее еще был, и с кем она, может быть, сбежала.

— А есть какие-то подозрения насчет того, кем может быть этот третий?

— Слушай, Паша, как тебя там, — выдвинул вперед челюсть Вячеслав, — знал бы я, кто этот третий, я бы сам его нашел и разобрался, куда он мою Аленку дел. А пока я тебя спрашиваю, понял?

— Ладно, вернемся к Алене. Фотография ее у тебя есть?

— Нет! — отрицательно помотал он головой. — Не любила она сниматься. Замужняя женщина все-таки.

Я еще немного поспрашивал клиента об исчезнувшей, однако ничего нового или интересного он мне, увы, не сообщил.

Наконец я сказал Вячеславу, что берусь за его дело, и огласил свои условия. Он ответил, что его все устраивает, но, когда я попросил его показать паспорт, снова набылчился:

— Это еще для чего?

— Для договора.

— Нет, не надо никакого договора, — решительно возразил Вячеслав. — Условились, руки пожали, я тебе дал деньги, ты мне расписку написал, в произвольной форме, и больше — никаких бумаг.

— Ладно, давай договоримся на словах, — вздохнув, согласился я.

Он отвалил мне задаток, а я попросил его оставить телефон для связи. Он назвал цифры, при этом, что интересно, называл их по-особенному. Я давно заметил, что жители Москвы и Петербурга свои семизначные номера обычно вслух диктуют так: трехзначное число, а потом два двузначных. А он свой номер проговорил иначе: сначала два двузначных, а потом трехзначный. Верный признак, что клиент мой не москвич.

Но если так, то почему он не сказал это с самого начала? Как тогда они с москвичкой Аленой познакомились и где встречались?

После ухода Вячеслава я велел Римке найти в Интернете мою новую подопечную: Алену (Елену) Румянцеву, лет около тридцати пяти, работающую в Москве в маникюрном салоне.

— И фотки мне ее распечатай. Три-четыре, в разных ракурсах.

— Тебе этот тип что поручил? Следить за девушкой? — скептически произнесла Римма.

— Не следить, а отыскать ее.

Она хмыкнула: «Ну-ну», — и взялась выполнять мое поручение без всякого энтузиазма. Однако все-таки взялась.

Через какое-то время я вышел в приемную и спросил у Римки, сидевшей за компьютером:

— Нашла фотографию Румянцевой?

— Нет.

— Что так?

— Аккаунта Румянцевой нигде не оказалось. Ни «ВКонтакте», ни на «фейсбуке», ни в «Одноклассниках».

— Да?! Давно ты видела молодую москвичку, не участвовавшую в социальных сетях?

— Сейчас первый раз.

— Давай, копай дальше. Не может быть, чтобы она вообще никогда в Интернете не засветилась.

Я вернулся к себе и тоже уселся за комп. Сайт у сети косметических салонов «Кейт и Лео» имелся. По Москве их, общим количеством, значилось тринадцать — нехорошее число. Еще три числились за областью. Алена Румянцева (она и на официальном сайте представлялась, как Алена) трудилась в том, что расположен на Чистых Прудах. Однако фотографии ее и здесь не имелось. Просто фамилия и должность — ногтевой сервис. Подумать только, ногтевой сервис. Ниже имелся телефон администратора. Я не стал долго раздумывать и набрал его.

— Салон красоты «Кейт и Лео», — пропел в трубке девичий голос. — Меня зовут Екатерина, чем могу помочь?

— Я хотел бы записаться на маникюр к Алене Румянцевой.

В трубке возникла небольшая пауза, равносильная замешательству. Потом девушка ответила:

— К сожалению, Алена сейчас, э-э, не работает.

— Как жаль! Мне ее очень хвалили. А она что, болеет? Или в отпуске?

— Да, в небольшом отпуске.

— А когда будет?

— Полагаю, на следующей неделе.

— О, долго ждать. Посоветуйте тогда, к кому я мог бы записаться на завтра.

— Вот, есть окошко у Зои. А вы что хотели бы? Маникюр? Педикюр?

— Не дай Бог, никаких «педи»! Только маникюр.

- Двадцать часов вас устроит?
- А раньше?
- Нет, раньше, к сожалению, полная запись.
- Ладно, что поделаться, записывайте.

На сайте я одновременно видел, что в салоне работают три мастера «ногтевого сервиса», одна из них — Зоя Шагина, и быстро нашел ее в соцсетях. В отличие от моего объекта, она была вся нараспашку. И фотографий полно. Милая девушка, только очень худенькая. Я проверил ее друзей — нет, никакой Румянцевой в них не значилось.

Время клонилось к семи, и я, выходя из кабинета, бросил Римке:

— Я уехал на адрес к Румянцевой, а ты можешь быть на сегодня свободной.

— Слушаюсь, — саркастически хмыкнула она в ответ.

«Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!» — восклицал, помнится, некогда Фамусов. Я бы перефразировал классика в том смысле, что еще более тяжкая комиссия — быть начальником.

Алена Румянцева Двумя годами ранее

С мужем у Алены давно особого понимания не было. Что там говорить о любви!

Когда-то худенький, милый мальчик, веселый, остроумный, подавал большие надежды. А как красиво он за ней ухаживал! Цветы, лимузины, турпоездка в Париж. Она тогда вообще ни разу за границей не была, а тут — Париж! Устрицы, лангусты, ледяное белое вино, шампанское в кабаре «Лидо» и «Крэйзи хорс». Париж волновал, будоражил кровь. Каждый встречный мужчина, не исключая подростков и стариков, окидывал ее оценивающими взглядами. И она — юная, красивая — чувствовала себя, как в сказке, королевой бала. А Женька был ее принц. На мосту Понт-де-Нев он встал на одно колено и, протягивая кольцо с бриллиантом в бархатном футляре, сделал ей предложение. Японские и китайские туристы принялись наперебой фотографировать их, будто они модели или актеры. На минуту Алене показалось, что она — в центре всей Вселенной, и весь мир вращается вокруг нее. Представлялось, что и вся дальнейшая жизнь станет сплошной сказкой.

Разумеется, с самого начала появились проблемы, к примеру — где жить. Свекровь Алену на дух не принимала. С самой первой встречи с невесткой начались претензии, и список их был огромен.

— Так вы, Елена, не москвичка? — с ехидцей вопрошала свекровь.
— Нет, не москвичка, — скромно опускала глаза Алена.
— Откуда, интересно, к нам прибыли?
— С Дальнего Востока.
— А конкретней?
— Амурская область.
— Из какого же, интересно, города?
— Черногорск.
— Черногорск? Это что — поселок? Или деревня?
— Нет, город, около тридцати тысяч населения.
— Н-да? А кто, можно узнать, ваши родители?
— Они, к сожалению, умерли оба, отец — когда мне шесть лет было, а мама — в мои шестнадцать.
— Так вы круглая сирота?
— Нет, почему. У меня есть брат, на три года старше. В милиции служит.
— Ах, в ми-ли-ции! — высокомерным тоном комментировала свекровь. Сама, можно подумать, дворянка голубых кровей. Весь свой век на заводе расчетчицей в бухгалтерии просидела, затем была досрочно выдворена на пенсию.

Но претензий было, претензий! Мол, невестка — лимитчица, вдобавок — без высшего образования, какая-то маникюрша. И далее, по списку: готовить не умеет, за сыном не ухаживает, пытается через него в Москве зацепиться, на жилье их семьи нацелилась. Хотя, господи, какое там жилье! Малогабаритная «двушка» в Химках, кухня пять метров, туалет — совмещенный, комнаты тоже. Алена и не собиралась там жить. Они с Женькой сначала снимали комнату, потом оформили ипотеку. Квартира в Марьино на первых порах показалась раем: огромная кухня — десять метров! Огромная комната — хочешь, разложи диван и смотри телевизор, хочешь, гостей принимай. Правда, с тех пор они уже две цены за нее выплатили, а конца не видно.

Еще одна претензия имелась у свекрови: Алена наотрез отказалась менять свою фамилию на мужнину. Он-то сам и не настаивал, понимал, что звучит она далеко не блестяще — Зюзин, подумать только. Значит, она будет Зюзина? Нет, ни за что, останется Румянцевой. Красиво ведь, ярко.

В последнее время в их маленькой семье что-то изменилось. Когда-то милый, подающий надежды мальчик за двенадцать лет совместной жизни превратился в настоящего борова. Да, он оставался милым, угодливым и остроумным — когда не злился (однако злился, к сожалению, частенько), но давно уже не подавал никаких надежд, ничего не желал, ни к чему не

стремился. Приходил с работы, тупо садился перед телевизором, открывал бутылку пива, вторую, третью, а если Алены не было дома, то и четвертую, пятую... Он окончил институт связи, больше того, получил диплом с отличием, но карьеры никакой так и не сделал. Из одной фирмы попросили уйти — полгода сидел без работы. Устроился на новую, год походил — и там «до свидания». Еще год на пособии. В третий раз продержался полгода. Когда Алена пыталась выяснить, в чем дело, что с ним не так, Зюзин обижался, бормотал, что все они дураки, работать не умеют, его не понимают. Наконец устроился налаживать охранные сигнализации. Работа, в сущности, не инженера — техника. Приходилось мотаться по всему городу, да частенько и области. Платили соответственно, но и то хлеб, что хоть где-то работал.

Однажды Евгений вернулся домой весь какой-то возбужденный и стал рассказывать, где на этот раз пришлось поработать: крутой особняк, тринадцать помещений, весь день провозился. Хозяйка попросила поставить вдобавок дополнительный датчик на зеркальный шкаф-витрину с драгоценностями. А там — чего только нет! И яйцо Фаберже с бриллиантами, и золотое блюдо, отделанное рубинами, и индийская слоновая кость, украшенная изумрудами. «Вещей — на миллионы долларов! — с восторгом восклицал он. — На десятки миллионов!»

Что-то похожее на ревность или на зависть кольнуло тогда Алену, и она подначила супруга:

— А чего ж ты растерялся? Тюкнул бы хозяйку по башке, как Раскольников, а брюлики — себе.

Предложение жены «тюкнуть старушку» ошеломило Евгения. Он некоторое время молча проигрывал ситуацию, взвешивал в уме, а потом произнес:

— А куда драгоценности девать? Где ты потом их продашь-реализуешь? И все знают, и у меня на фирме, и в семье у старухи, что это я к ней в тот день приходил. Мигом вычислят. Да и ударить человека по голове топором — я как-то не могу.

— Вот в этом главный твой недостаток, — полусерьезно, полушутя проговорила тогда Алена.

— Недостаток? Значит, когда ты не можешь прибить человека — это теперь недостаток?

— Конечно! Кто у нас сейчас по жизни преуспевает? Те, кто кого-то когда-нибудь грохнул. Ну, или может грохнуть.

Зюзин прищурился, голос его задрожал:

— Значит, раз убить не могу — получаюсь неудачник?

Тут Алена поняла, что зашла слишком далеко, и дала задний ход:

— Удачник ты, удачник! Все и у тебя, и у нас хорошо.

На самом деле она уже не раз и не два думала бросить Евгения. Но ведь он такой добрый, толстый и неприспособленный, он ведь просто пропадет без нее. А как ей с Зюзиным марьяинскую «однушку» на двоих делить? Она узнавала, приценивалась: получалось, каждому достанется по комнате в коммуналках — причем где-то в дальнем Подмоскowie.

Что оставалось? Терпеть? Вдобавок, ее родители всегда говорили ей, что, если надумаешь уходить — надо что-то иметь за спиной. Если, к примеру, увольняешься с работы — надо заранее иметь, куда устроишься. Если мужа бросаешь — должен быть другой, явно лучше.

А другого не было. Может быть, пока не было?

Однако однажды произошла встреча, которая внезапно переменила ее жизнь к лучшему.

Как-то в свой выходной день (Зюзин работал где-то в Подмоскowie) подружка Кристина затащила ее в кино. Потом пошли вдвоем перекусить в одно из заведений в торговом центре. Сидели, болтали о своем, увлеклись. И вдруг какая-то суeta у входа, крик, толкотня. А потом вдруг к их столику подошел красивый молодой человек — высокий, статный, накаченный.

— Это ваша, гражданочка? — весело проговорил он, протягивая Алене ее сумку.

— Да, моя, — покраснев, пролепетала она.

— Что же вы за своим имуществом так плохо следите? Только что была совершена попытка кражи.

— А кто украл? Вы?!

— Нет, — рассмеялся красавец, — мною покушение на кражу было пресечено. Вот, возвращаю имущество законному владельцу. Злодея пришлось пока отпустить, потому что доказательную базу собирать замучаешься, да и не хотелось вас утруждать дачей показаний и писаниной. Все в порядке, сумка вернулась по назначению? Вот и хорошо. Проверьте, на всякий случай, ничего не пропало?

— А вы кто? — пробормотала Алена.

— Я — представитель органов правопорядка, начальник группы по борьбе с бандитизмом, капитан Андрей Шаев.

Она только собралась сказать, что, мол, нет в природе такой группы, но Кристи оказалась сообразительнее и, опередив ее, воскликнула:

— Ой, как приятно, что вы нам помогли! Спасибо большое! Теперь мы просто обязаны в знак нашей благодарности угостить вас кофе! Присаживайтесь, пожалуйста, к нам за столик!

Капитан отнекиваться не стал, присел за их столик, попросил себе не кофе, а чаю, и стал поучать девушек, как беречь свою собственность в общественных местах: сумочки не ставить на свободные стулья или под

стол — там они становятся легкой добычей карманников, лучше держать их на коленях или на столе.

Кристи пожирала красавца глазами, но Алена видела, что он запал не на подругу, а на нее, и впервые за время замужества ощутила давно забытое чувство: теплоту во всем теле и легкое покалывание в кончиках пальцев.

О чем они говорили, она толком не помнила. А потом Шаев отошел и, незаметно расплатившись за их обед, скомандовал девушкам: «Поехали!»

Он усадил их в «лексус», сам сел за руль и, улыбаясь, произнес:

— Развезу вас, гражданочки, по домам. Диктуйте адреса!

Алена почти не сомневалась, что первой он доставит к месту назначения Кристину, и не ошиблась. А когда Андрей подвез к подъезду ее, он небрежно обнял Алену и поцеловал в губы. Потом, отпустив, попросил номер ее телефона.

Так все и началось.

Павел Синичкин **Наши дни**

До Марьино мне от своего офиса в районе Кусково ехать было недалеко, но пришлось постоять в пробках, поэтому к подъезду, где проживала в своей «однушке» гражданка Алена Румянцева, я прибыл примерно через час. И тут как раз мне позвонила Римка.

— Слушай, детектив, — протрещала она, — я тебе говорила, что ни в каких соцсетях нет твоего объекта? Так вот, я продолжила копать в Сети дальше — детали рассказывать не буду, все равно не поймешь — и обнаружила, что Алена два месяца назад все свои аккаунты удалила! Одновременно и отовсюду. Каково?

— Круто! Молодец, можешь взять на полке пирожок. А фотографию достала?

— Нет пока, — фыркнула Римка и отключилась.

Я вышел из машины, оценил, где примерно расположена квартира номер триста шестьдесят восемь, и деловой походкой направился к подъезду. Мне повезло, домофон оказался самой простой модели — «Цифрал». Ключи к нему я помнил чуть ли не наизусть, поэтому «поколдовал» немного над клавиатурой, легко открыл его. Автоматически взглянул на часы: пятнадцать минут девятого. Скорее всего, супруг по фамилии Зюзин уже дома.

Консьержки в подъезде предусмотрено не было, и я, шагнув в кабину лифта, украшенную зеркалами, поднялся на восьмой этаж.

На лестничной площадке внутри меня словно прозвонил тревожный звоночек. Приквартирный холл отделяла от лестницы и лифта мощная

железная дверь. Так вот, она оказалась не заперта и приоткрыта. Я оглянулся: может, какого-то покорного зятя выгнали перекуривать на лестницу? Но нет, никого на площадке не было и куревом не пахло.

Я достал бумажный носовой платок, осторожно открыл дверь в тамбур, вошел и, на всякий случай, запер за собой замок.

Как везде и всюду в подобных местах, здесь валялись ненужные вещицы: пара детских велосипедов и даже снегокат, а также коробки, заполненные хламом, который жалко или лень вынести на помойку. Я огляделся. Одна из четырех дверей на площадке тоже оказалась полуоткрыта, и я, даже не глядя на номер, сразу догадался, что именно здесь проживала супружеская чета Зюзин-Румянцева.

Подойдя и распахнув дверь, я негромко окликнул хозяев: «Эй, есть кто живой?» Из квартиры пахнуло застарелым запахом курева и подкисшего пива. И еще кое-чем неприятным. Мне хорошо знаком этот запах еще со времени службы в полиции — это был запах смерти.

Предчувствия меня не обманули.

Окна в единственной комнате были плотно завешаны гардинами. Мой взгляд выхватил из полутьмы обыденную обстановку скромного столичного жилья: панель телевизора на стене, диван-кровать в собранном виде, платяной шкаф, полочка с безделушками. А посреди комнаты сидел на стуле мужчина. Он был в одних трусах, ноги скотчем привязаны к ножкам стула, руки заведены назад и тоже связаны лентой, рот залеплен скотчем, голова запрокинута. Очевидно, он был мертв. На его теле выделялось несколько порезов. Похоже, мужчину пытали, а потом убили. Я приложил руку к его шее — пульса не было. Судя по начавшемуся трупному окоченению, убили мужчину больше часа назад.

На полочке у телевизора имелась пара книг, дешевые сувенирчики, включая Эйфелеву башню и кружку с надписью «Red Sea», а также несколько фотографий в рамке. Все они изображали один и тот же сюжет: улыбающаяся парочка на фоне разных достопримечательностей. Парочка была одна и та же, и мужчина на ней был тот самый, что сидел сейчас мертвый у моих ног. На первом снимке, где парочка позировала на фоне все той же Эйфелевой башни, мужчина был молодой, веселый и совсем не толстый. Девушка рядом с ним, ласково обнимавшая его за талию, тоже была молода, эффектна и очень-очень сексуальна. Следующий снимок демонстрировал все ту же пару, но на этот раз в купальных костюмах, на фоне моря и пустыни — где-то, видимо, в Хургаде или Шарм-эль-Шейхе. Третья фотография запечатлела супругов уже во времена их зрелости. Сняты они были на Исаакиевской площади, на фоне собора, в зимней одежде — однако даже тулуп не скрывал того, насколько мужчина

раздался вширь. Девушка тоже слегка округлилась, однако оставалась прежней великолепной бестией. Отчего-то я ни секунды не сомневался, что это она, Алена Румянцева.

Не раздумывая долго, я взял последнее изображение и прямо в рамке сунул его в карман своей куртки. Теперь надо было, как говорится, поскорее уносить отсюда ноги.

Я вышел из квартиры, прикрыл за собой дверь и механически глянул на часы. Было всего двадцать часов двадцать восемь минут. С момента, как я вошел в подъезд, не прошло и четверти часа.

Сев в машину, я вдруг почувствовал, что меня почему-то стала пробирать дрожь. Тяжело вздохнув, достал из кармана резервный, нигде на меня не зарегистрированный телефон и набрал номер моего старого друга Сани Перепелкина. Перепелкин — моя палочка-выручалочка на случай всяких стремных дел. Когда-то мы служили вместе в дивизии Дзержинского, потом учились в высшей школы милиции и даже прослужили пару лет бок о бок. Помню, нас тогда коллеги ласково называли, в честь наших фамилий, «пернатыми». Но нынче Перепелкин набрал большой вес. Теперь он уже полковник и имеет отдельный кабинет на Петровке.

Мы поприветствовали друг друга, а потом я рассказал ему о страшной находке в квартире триста шестьдесят восемь дома *** по Люблинской улице.

— А ты-то там каким боком, Синичкин? — нахмурился он.

— Да никак, Саня. Просто в гости пришел.

— В гости! — ворчливо передразнил меня Перепелкин. — Ладно, поглядим.

Внутри машины я согрелся и вытащил из заднего кармана фотографию, на которой улыбались в объектив на заснеженной Исаакиевской площади безмятежные и ничего не подозревающие Евгений Зюзин и Алена (Елена) Румянцева.

Теперь Зюзин мертв. А вот где Алена? И во что, блин, ввязал меня мой сегодняшний клиент Вячеслав?

Пора было у него спросить. Я отъехал километров на семь, остановившись на набережной Москва-реки, набрал номер своего клиента на том же «левом» мобильнике и сразу набросился на него:

— Что за хрень?!

— А что такое? И кто говорит?

— Говорит Павел, у которого ты сегодня днем был в офисе. А хрень заключается в том, что я сейчас был на квартире у твоей Алены и обнаружил там ее мужа, Зюзина. Голого, привязанного к стулу и без признаков жизни. Это что за подстава?

— Паша, клянусь тебе! Я ничего не знал! Это ужас, что такое! — после долгой паузы воскликнул Вячеслав, и озабоченность его показалась мне достаточно искренней.

— Да? Ужас? Лучше скажи, что ты от меня утаил?

— Клянусь тебе! Все, как на духу!

— А кто заказчик поисков Алены в действительности? Кто за тобой стоит?

— Я! Я один! Клянусь тебе, я!

На этот раз голос его показался мне фальшивым, и я твердо проговорил:

— Давай-ка прекратим наше сотрудничество. Я верну аванс.

— Паша! Пожалуйста! Я прошу тебя! — чуть ли не взмолился Вячеслав. — Не бросай дело! Найди мне Алену! Это очень важно для меня!

— Имей в виду, теперь расследовать уход Зюзина в мир иной будут лучшие силы столичной полиции. Поэтому, если ты там хоть каким-то боком замешан, начинай сушить сухари.

— Клянусь тебе! Я совершенно ни при чем!

— Ладно. На первый раз поверю.

— И не бросай это дело, Паша. Пожалуйста, не бросай!

Я отключил связь, не прощаясь, и поехал домой, решив, что утро вечера мудренее, и завтрашний день сам подскажет мне, что делать дальше.

Утром я решил, что, когда не знаешь, что предпринять, лучшее решение — ничего не предпринимать, а предоставить событиям идти, как они идут, и отправился в офис, где почти до самого вечера занимался другими делами.

Римка доложила мне, что пробралась в базы данных вылетающих из столицы авиакомпаний, а также РЖД, пробила по ним Елену Румянцеву, но та за последнюю неделю нигде зарегистрирована не была. Значит, залегла на дно где-то в Москве или в Подмосковье. А может, и убита.

Ближе к восьми я подумал, что хороший маникюр только украшает мужчину. Вдобавок, «мастер ногтевого сервиса» по имени Зоя Шагина выглядела, во всяком случае, на фотках в соцсетях, великолепно и чем-то задела мое бедное сердце.

В салоне «Кейт и Лео» все оказалось простенько, но со вкусом. То есть с намеком, что будет дорого. Администратор Екатерина — видимо, все та же, с которой я разговаривал по телефону, — усадила меня за столик, покрытый полотенцем, и спросила, что принести — чай или кофе. Я попросил простой воды.

Откуда-то из недр салона вышла мастерица. Выглядела она даже лучше, чем на фото. Черноволосая, чуть за тридцать, только очень худенькая.

Девушка уселась напротив меня, вежливо улыбнулась и поинтересовалась, первый ли раз я посещаю их салон.

— Больше того, вообще первый раз в жизни делаю маникюр.

Она принесла пластиковую ванночку с теплой мыльной водой, погрузила в нее мою правую руку, левую внимательно изучила и спросила: «Срезаем коротко или оставляем длину?»

— Давайте покороче, чтобы два раза не ходить.

Она рассмеялась моей незамысловатой шутке. А я ни на минуту не забывал, что пришел сюда по важному делу, поэтому, глядя на Зою, осторожно задал ей вопрос:

— А почему Алена не работает?

— А вы к ней хотели записаться?

— Да, много о ней слышал.

— Она классный мастер.

— Так что с ней?

— Взяла короткий отпуск, — не моргнув глазом, соврала Зоя.

— У нее что-то случилось?

— Почему случилось? — удивленно посмотрела она на меня.

— Да слышал я кое-какие разговоры. Вроде пропала она.

Лицо Зои дрогнуло, но она промолчала, продолжая манипуляции с моими пальцами.

— Вы с Аленой дружили? — не сдавался я.

— А вы что, из полиции? — переспросила девушка.

— Лучше. Я — частный сыщик. Меня попросили найти ее. И, открою вам тайну, это был не муж.

— В этом я не сомневалась.

— А что, — восторженно воскликнул я, — Алена плохо о своем супруге отзывалась?

— Плохо-не плохо, но, по ее рассказам, не такой он человек, чтобы бежать к частному детективу.

— А кто, по-вашему, мог искать вашу коллегу?

— Кто-то ведь к вам обратился?

— Ну, да. Уверял, что он ее любовник, хотя не очень-то похож. У нее вообще был любовник?

— Мне она ничего не рассказывала. — Зоя склонила голову, сделав вид, что полностью сосредоточена на моих ногтях.

— Может, и не рассказывала. А по вашим наблюдениям, был или нет? Женщины ведь очень наблюдательны! Например, Алена могла хвастаться дорогими подарками. Или вы могли слышать какие-то особенные разговоры по телефону. Или ее встречал кто-то после работы.

— Встречать многие могут, и совсем не обязательно, что это любовник. Может, брат, а может, просто знакомый.

— Если машина дешевая — тогда брат, — пошутил я. — А если «мерседес» или «феррари» — наверняка любовник.

— Ну, «феррари» там точно не было.

— Значит, «мерс» был?

— Я в марках машин особенно не разбираюсь, — ускользнула она от ответа и снова занялась моими руками. Выдавила на них крем и начала по очереди массировать, разминать.

— Вы, наверное, уже заканчиваете свою смену? Можно вас проводить? — спросил я.

— Я замужем.

— Кольцо вы не носите.

— А вы наблюдательны, частный детектив! — расхохоталась Зоя. — Кольцо мешает работать.

— Я все-таки подожду вас, — решительно проговорил я и, расплатившись у стойки, вышел на улицу.

Вечерело, но было еще светло. Через какое-то время вышла и Зоя. Увидев меня, улыбнулась, и я сразу оживился:

— Куда идем? «Китай-город»? «Мясницкая»? Ресторан?

— Прогуляемся до «Театральной», — ответила она, беря меня под руку, и тут же добавила: — А вы, правда, частный детектив?

— Хотите, удостоверение покажу? Или визитку?

— Визитку, да и удостоверение любой напечатать может.

— Тогда расскажу пару случаев из практики.

— Давайте.

Я поведал про то, как меня пытали бандиты олигарха Барсинского, как я раскрыл интригу вокруг певицы Мишель, а потом незаметно перевел разговор на пропавшую Алену:

— Может, у нее помимо салона и другие подруги есть?

— Была одна, Кристина, но она не наша, по-моему, они с ней еще в школе учились, где-то на Дальнем Востоке, а потом вместе покорять Москву приехали. Но где эта Кристина работает или живет, я не знаю. Видите, я не сильно помогла в вашем расследовании, так что вы зря провожать вызвались.

— Ключевое слово здесь именно «провожать», а не «расследование». Иными словами, мне приятно с тобой находиться. И давай на «ты»?

— Давай.

Мы прошлись по переулкам, Архангельскому и Кривоколенному, затем вырулили на Мясницкую, проследовали длинным подземным переходом

под Лубянкой, прогулялись по Никольской и Третьяковскому проезду. Наконец у входа на «Театральную» она протянула мне руку:

— До свиданья, Павел. Спасибо, что проводил.

— Готов и дальше.

— Ну, нет. Такие жертвы мне не нужны.

Я не стал спрашивать у нее номер ее телефона. Почему-то мне казалось, что судьба сама нас сведет. И, возможно, даже не далее, чем сегодня.

Сам не зная, почему и зачем, я скрытно устремился вслед за Зоей. Вечерний «час пик» схлынул, но народу было еще много — как раз столько, чтобы и остаться незамеченным, и не потерять свой объект из виду. Я успел вскочить в соседний с ней вагон и хорошо видел ее через стеклянные окна. Зоя села и достала из сумочки книжку в мягкой обложке. Я был несколько удивлен — ведь нынче все в основном прячется в свои гаджеты.

Поезд все дальше и дальше удалялся от центра. «Автозаводская», «Технопарк», «Коломенская»... На «Красногвардейской» Зоя поднялась и направилась к выходу. На платформе людей было немного, и мне пришлось выдерживать дистанцию, чтобы не оказаться замеченным.

Выйдя из метро, Зоя двинулась пешком вверх по улице. Я последовал за ней. Скорее всего, она жила где-то неподалеку, иначе вряд ли решилась бы на долгую прогулку по ночной окраинной Москве.

Мы миновали первый семнадцатизэтажный дом, прошли мимо второго. К следующей многоэтажке вел небольшой проезд, перпендикулярный тротуару и весь впритирку уставленный автомобилями. Как только Зоя свернула туда, неожиданно из серой «нексии» вылезли две мощные мужские фигуры и направились в ее сторону.

— Зоя, стой! Назад! — что есть мочи, крикнул я.

Девушка на какие-то доли секунд остановилась, потом быстро развернулась и бросилась в мою сторону. Мужики устремились за ней, а я кинулся ей навстречу. Они изначально были к ней гораздо ближе, чем я, поэтому первый настиг ее и схватил за шею сгибом локтя. Тут подбежал второй, и оба потянули девушку назад, к своей машине. Но я догнал их, недолго думая, прыгнул и засветил первому, что держал Зою за шею, ногой прямо в затылок. Когда-то, в школе милиции, я был хорош насчет боевого самбо. И хоть этим видом давно не занимался, все больше айкидо, но навыки, оказывается, сохранились. Голова мужчины мотнулась, он выпустил девушку и беззвучно осел на тротуар. А второй, ощерившись, вытащил из внутреннего кармана финку и пошел на меня. Он сделал выпад ножом — я парировал его предплечьем, однако не совсем чисто, и лезвие ножа чиркнуло мне по руке. Однако его руку мне перехватить удалось. Я вывернул ее и нажал на костяшки. Он вскрикнул от боли, и нож выпал из его

руки. Продолжая выворачивать ее, я повалил бандита на асфальт, а потом, обхватив Зою за плечи, потянул ее назад, к метро, где было светло и полно людей.

— Нет, сюда! — повлекла она меня по проезду в сторону дома.

Мы пронеслись мимо «нексии» с распахнутыми дверцами, и я машинально запомнил номер.

Мы обежали дом и оказались со стороны подъездов. Никто нас не преследовал. Зоя открыла своим ключом дверь в первый же подъезд, и мы, ворвавшись в холл, кинулись к лифту. Она нажала кнопку последнего, семнадцатого этажа, а когда мы поднялись и вышли на лестничную площадку, открыла ключом бронированную дверь.

— Подожди, не зажигай свет, — попросил я. — Есть окна, что выходят на улицу?

Она молча показала на кухню, и я прошел туда.

С высоты было хорошо видно поле битвы. Сначала очухался тот, кого я ударил первым. Заворочался, поднялся, подошел к распростертому на земле подельнику и помог ему подняться. Тот придерживал свою правую руку левой и, судя по не закрывающемуся рту, орал и ругался. Вдвоем они двинулись к машине. Саму «нексию» не было видно из-за разросшихся куп деревьев, однако спустя минуты три она вырулила из проезда и унеслась вверх по улице.

В темноте я почувствовал рядом с собой легкое, но учащенное дыхание Зои и скомандовал:

— Включай свет!

Она отошла и щелкнула выключателем.

От моей раненой руки на подоконнике и на полу образовалось несколько кровавых пятен.

— Ну-ка, пойдем, — скомандовала девушка и отвела меня в ванную, где у нее была аптечка.

Там обработала мне рану каким-то антисептиком, потом наложила бактерицидный лейкопластырь и забинтовала. Движения ее были такими ловкими и сноровистыми, что я не удержался и похвалил ее:

— А ты прямо патентованная медсестра.

Глаза ее вдруг повлажнели, она всхлипнула и толкнула меня рукой в грудь:

— Иди отсюда. Пойди, поставь чайник.

Пользуясь случаем, я бегло осмотрел Зоину квартиру. Мужчиной здесь не пахло — в прямом и в переносном смысле. Зато имелись следы присутствия мальчика — судя по расставленным везде фотографиям. Мальчишечка был худенький и носил очки, похоже, очень сильные. Я также

осмотрел содержимое Зоиной сумочки, раскрыл ее паспорт. Она оказалась той, за кого себя выдавала: Зоя Шагина, 19*** года рождения, прописана в Москве, на улице Мусы Джалиля, в доме номер ***, квартире шестьдесят восемь. Брак с каким-то там Богданом Шагиным расторгнут четыре года назад, имеется сын Артем 20*** года рождения. Значит, ей тридцать семь — а что, хорошо сохранилась, я думал, она моложе. И сынишке, стало быть, девять.

Я наполнил чайник из крана и поставил его на конфорку. И только когда он засвистел, из ванной комнаты появилась Зоя.

— Ужасно хочу есть, — вздохнула она, открывая дверцу холодильника. — Имеются котлеты с макаронами, борщ. Ты что будешь?

— Только кофе.

— Да? А зря. Не отказывайся от моих котлеток. Не из какого-нибудь фарша покупного, я сама верчу, и, как положено, — половина говядины, половина свинины.

Я согласно кивнул, хотя есть мне совершенно не хотелось. Вяло ковыряя вилкой котлету, я с задумчивым видом спросил:

— Кто же все-таки это был?

— Понятия не имею, — потрянула головой Зоя.

— Врагов у тебя нет?

— Чтобы вот так хватать вдруг — нет.

— Как думаешь, это нападение может быть как-то связано с пропавшей Аленой?

— А что еще остается думать?!

— Может, ты все же расскажешь мне, что о Румянцевой знаешь? Родители ее, друзья, любовники — где она может прятаться?

— Слушай, я тебе все уже говорила: Алена откуда-то с Дальнего Востока — причем не из Владивостока или Хабаровска, а с какого-то там то ли Углегорска, то ли Белореченска. Приехала покорять Москву в начале нулевых. Ну, вот, покорила. Муж, квартира.

— Мужа ее вчера убили, — бухнул я.

Зоя на секунду замерла, и ее пробрала дрожь.

— Убили? — переспросила она. — Зюзина?

— Вот видишь, ты даже знаешь его фамилию. А труп его я вчера сам видел. Знаешь, практика показывает, что в современной жизни взрослые женщины просто так вдруг не исчезают. Наверняка тут замешан любовник. Вот я и спрашиваю: ты ее любовника знала? Кто он?

— Понятия не имею!

— А эти парни, что на нас напали, почему-то думают иначе. Так что тебе лучше сейчас исчезнуть.

— Зачем? Почему? Куда?!

— А если они вновь повторяют свою попытку? А меня рядом не будет? Возьми отпуск и свали куда-нибудь. Когда все с Аленой выяснится, или я ситуацию разрулю, обязательно тебе позвоню.

— Куда ж мне уехать? Темка у бабушки в деревне, это мать моего бывшего мужа. Но мне как-то к ней неловко.

— Очень даже ловко. У свекрови, даже бывшей, вряд ли тебя кто-то искать будет.

— Я подумаю.

— Не «подумаю», а надо ехать. Завтра утром — самое позднее, а лучше — прямо сейчас.

— Ой, она в Костромской области живет, а все сегодняшние поезда уже ушли. Только завтра. Вдобавок, на завтра у меня — полная запись клиентов. Неудобно подводить.

— Да? Неудобно? А если с тобой что случится — удобно будет? В общем, как знаешь. Жизнь твоя, тебе видней. Но смотри, Тема может без матери остаться. Ладно, я поеду, пожалуй. Только не открывай никому. И телефон свой рядом держи.

— Ты кофе не выпил — а ведь хотел.

— Нет, я передумал, поздновато для кофе. Спасибо за ужин.

Я встал, вышел в коридор и предупредил Зою перед уходом:

— Запрись на все засовы. Пока!

Я вызвал по мобильному такси, а потом набрал номер моего заказчика, Вячеслава.

— Что случилось? — испуганно пробормотал сонным голосом мой клиент.

— Вчера я наткнулся в квартире на мертвое тело, а сегодня на меня и на мою подопечную, коллегу Алены, напали два бугая. Все, Слава, с меня хватит. Приезжай завтра ко мне в офис, я верну аванс, и забудем о существовании друг друга навсегда.

— Это какое-то недоразумение. Я понятия не имею, что происходит. Пожалуйста, Павел, я хочу, чтоб ты продолжал на меня работать.

— Послушай, Слава, если ты не объяснишь мне, что происходит, — я немедленно сдам тебя. Свяжу тебя и со вчерашним телом на адресе у Алены, и с сегодняшним нападением. Знакомства в столичной полиции у меня есть, и на самом хорошем уровне. Готовься к неприятностям.

— Паша, меня сейчас нет в Москве. Я специально завтра приеду, и мы при встрече все обсудим и обо всем договоримся. Я остановлюсь в гостинице «Имперская», это на улице Большая Никитская, за мной там постоянный номер. Приезжай ко мне часам к одиннадцати, посидим, поговорим.

— Расписку мою не забудь, — буркнул я и нажал на «отбой».

Тут как раз подъехало такси, я сел рядом с водителем и назвал ему свой домашний адрес.

На следующий день я решил передвигаться на колесах — слишком много мест в разных концах надо было посетить, на общественном транспорте не поспеешь. Сел в свой джип «БМВ» и понял, что за день без него соскучился. Направляясь в сторону центра, я вдруг подумал о том, что скоро развяжусь с этим мутным делом и не менее мутным Вячеславом, и настроение мое сразу улучшилось.

Гостиница, в которой проживал пока еще мой клиент, оказалась из новых, маленькая и уютная. Девушка-портье меня поприветствовала настолько радостно, словно я был ее братом, нашедшимся после многолетней разлуки.

— Я к Вячеславу, — сказал я и тут же сообразил, что даже не знаю его фамилии.

— Вы — Павел?

— Да.

— Проходите, пожалуйста, он ждет вас, номер двести третий. Вот сюда, по лестнице и на второй этаж.

Подойдя к комнате номер двести три, я почувствовал что-то, похожее на дежа-вю. Потому что дверь номера оказалась приоткрыта. Я ногой толкнул ее и негромко позвал:

— Эгей! Вячеслав!

Ответом мне было молчание. Наверное, я совершал ошибку — любопытство, как известно, сгубило даже кошку, — но все же вошел внутрь. Номер «люкс» дышал солидностью и спокойствием. В таком жить бы да радоваться — но не моему заказчику Вячеславу.

Его больше обрадовать не могло ничто. Он лежал на полу навзничь, и во лбу его красовалась маленькая круглая дырочка — пулевое отверстие. Можно было даже не слушать дыхание и не щупать пульс — Вячеслав был совершенно, непоправимо мертв.

Тут в коридоре послышались голоса. Скорее инстинктивно, чем намеренно, я захлопнул дверь, ведущую в номер. Две мысли пронеслись у меня в голове. Первая: «Моего заказчика убили». И вторая: «Его убили так, чтобы подставить меня». А еще мне подумалось, что где-то здесь, внутри комнаты, имеется моя расписка о том, что позавчера я получил от хозяина номера кругленькую сумму. Однако искать ее сейчас было бы весьма странно. Я окинул комнату быстрым взглядом и увидел на письменном столе мобильный телефон, не иначе, хозяина номера. Не знаю, зачем —

наверное, чтобы хоть отчасти развеять туман над личностью Вячеслава и его заданием, — я сделал неразумное и непозволительное: взял мобильник и сунул его в карман.

И тут в дверь номера громко забарабанили. Я не стал ее открывать и не ответил. С момента, как вошел сюда, меня подгоняли не разум и даже не чувства. Скорее, инстинкты. Теперь наиболее довлеющим во мне оказался среди них один: бежать.

Я подошел к окну, распахнул его и вспрыгнул на подоконник. Никитская подо мной была практически пуста, только копошился у мусорного бака аккуратно одетый дворник. Неспешно проплывали машины — все больше недешевые лимузины. Ни на гостиницу, ни на меня в окне никто внимания не обращал, и я, собравшись, прыгнул вниз. Так, как меня в свое время учили: если падаешь, упасть надо на плечо и на бок, перекатиться и встать. Поднявшись, я двинулся по Никитской к тому месту, где припарковал свою машину. Шел быстро, по-деловому, но ни в коем случае не суетливо и не бегом.

Я понимал, что здорово влип, но пока не мог сообразить, как мне из ситуации выпутываться.

Алена Румянцева Годом ранее

На следующий день, когда Алена Румянцева вышла с работы с черного хода салона и отправилась в сторону метро, ее встретил давешний знакомый — Андрей.

— Сюрприз, — сказал он и протянул огромный, словно свадебный торт, и безвкусный букет цветов. Но муж Зюзин вообще давно уже не дарил ей цветов...

— Как ты узнал, где я работаю? — искренне удивилась Алена.

— Птичка в ухо насвистела. — Он взял ее под руку и повел к машине. — Поедем, поужинаем.

— Я ведь говорила тебе, что у меня есть муж.

— Ничего страшного, муж твой монтирует сегодня сигнализацию в особняке в дальнем Подмоскovie. Пока управится, пока потом в Москву вернется...

— Ты меня пугаешь! — воскликнула она. — Откуда ты все знаешь?

— Работа такая.

Он повез ее в ресторан не первой руки, но и не в шалман какой-нибудь. Было все мило, вежливо, вкусно. Обслуга приветствовала Андрея с искренним подбострастием. Он прямо-таки заставил ее выпить два боль-

ших коктейля, да и сам налегал на виски, несмотря на то, что был за рулем. Последнее обстоятельство даже в большей степени, чем его всеведение, доказало Алене, что он и впрямь имеет отношение к правоохранительным органам. У них, как известно, свой свояка видит издалека, и руку руку моет.

Потом он подвез ее к дому, они на прощание поцеловались, и... все. После этого вечера Андрей не давал о себе знать целую неделю, и Алена спрашивала себя, что с ней не так, или что она сделала неправильно. А потом он вдруг возник и не стал ничего объяснять. Это, впрочем, было в его манере: никогда ничего не объяснять, тем более, не оправдываться и никогда ни перед кем не извиняться. Редкостная уверенность в себе — но это в нем и привлекало.

В этот раз он был без машины и сказал: «Пойдем в гости к моему другу». Друг, оказалось, жил недалеко, на Сретенке. Его однокомнатная квартира была превращена в современную студию с кремовыми стенами, зеркалами и кроватью, заправленной алым покрывалом. Стол был застелен белоснежной скатертью, уставлен яствами и накрыт на двоих.

— А где твой друг? — с ехидцей спросила Алена.

— Он улетел, но обещал вернуться, — усмехнулся Андрей. — Присаживайся.

Тогда и случилось то, к чему все и шло.

Андрей о себе ничего не рассказывал, от Алениных наводящих вопросов о его жизни мастерски уходил. Встречались они обычно у «друга» на Сретенке (при этом никакого друга она в глаза не видывала). Андрей обычно водил Алену в рестораны — но этим совместная «культурная программа» ограничивалась. Никаких театров, концертов, выставок и даже кино.

А однажды — видимо, в этот день у него было такое настроение — Андрей разоткровенничался:

— Формально я, как и ты, женат. Но вместе мы не живем. Разводимся. У нас есть сын. Школьник. Меня он не любит, не воспринимает и не хочет общаться. Мать настроила. А я не настаиваю.

Больше он к этой теме ни разу не возвращался.

Муж Зюзин, возможно, что-то и начал подозревать, но ни разу ни слова не сказал, не обвинил, не попросил объяснений. А ей иной раз хотелось, чтобы это случилось. Чтобы был скандал, объяснение. Чтобы ситуация как-то разрешилась. Но нет, в треугольнике Зюзин — она — Андрей все оставалось тихо, почти благопристойно.

Алена продолжала обманывать мужа, и они встречались с Андреем примерно раз в неделю, а то и в две — ему часто приходилось ездить в командировки (как он говорил). При этом инициатором свиданий всегда был он,

а она начала временами тоскливо думать, что, может, наступит рано или поздно момент, когда она ему надоест или сделает что-то не так, и он, без объяснений и ссор, просто исчезнет из ее жизни навсегда. Нет, нет! Алена была готова на все, лишь бы этого никогда не случилось.

Павел Синичкин Наши дни

Глубоко надвинув бейсболку, я двигался по Никитской в сторону Садового кольца. Камер видеонаблюдения здесь было, хоть ложкой ешь. Они наверняка запечатлели, как я захожу в отель, поднимаюсь на второй этаж в номер убитого, а затем выпадаю из него на улицу. Да и без камер улик против меня хватало. Хотя бы приторная девушка-портье, которая спросила, Павел ли я, и указала мне на номер Вячеслава. Поэтому в том, что сейчас я — подозреваемый номер один, сомнений у меня не было ни малейших. Другое дело, мне ли не знать, что полиция наша — структура достаточно инертная, так что до тех пор, пока меня поставят всюду в стоп-лист, какое-то время у меня есть. И я хотел употребить его с максимальной пользой — прежде всего, для себя и своих близких. И еще я понимал, что, для того чтобы снять с самого себя подозрение в убийстве Вячеслава, лучше всего найти настоящих его убийц.

Вдобавок мне, конечно, следовало избавиться от вещей, которые легко выведут полицию на меня самого, поэтому я сразу выкинул свой телефон в урну. Жаль, конечно, было расставаться с любимым айфоном — но свобода дороже. Еще у меня в кармане имелась убойная улика, неопровержимо связывающая меня с убийством в «Имперской» — телефон, который я прихватил со стола. Крайне непрофессионально и даже отчасти безумно было забирать его. Однако именно телефон является в наше время наиболее полным хранителем данных о его владельце. А о личности Вячеслава у меня до сих пор имелись только догадки. Кто он и откуда? Что привело его ко мне? Кто за ним стоит? И за что его убили?

Выйдя на Спиридоновку, я на ходу достал украденный аппарат — слава богу, он оказался не защищен паролем — и стал просматривать журнал вызовов. Последний был в 10.37 — за полчаса до того, как я вошел в номер и увидел труп. Звонивший идентифицировался как «Влад», и я постарался запомнить его номер. Он начинался с мобильного префикса, не характерного для столичного региона.

Я стал откручивать звонки Вячеслава назад. Меня в первую очередь интересовал мой собственный. Вячеслав оказался аккуратистом, невзи-

рая на наше недолгое знакомство, он успел занести мой номер в свою базу: «Паша, частный сыщик». Мы закончили разговор за три минуты и пятьдесят пять секунд, и практически тут же Вячеслав набрал номер человека, который значился как «Михаил Владимирович». Вместо аватарки у Михаила Владимировича имелось два мощных, жирных кулака. Оригинально. Разговор с ним длился тридцать пять секунд. А Михаил Владимирович звонил, в свою очередь, Вячеславу сегодня утром, в девять пятнадцать. Номер этого персонажа начинался все с того же неопознанного мною префикса, что и телефон Влада.

Как не жаль было расставаться со столь мощным источником информации, но я протер его от своих впечатлений и тоже выбросил в урну. Номера Михаила Владимировича и Влада прочно отпечатались у меня в мозгу.

Сев в машину, я подключил свой «левый» телефон к системе «свободные руки» и вырулил на Садовое.

Первый звонок — в офис.

— Да, Пашенька, — пропела Римка.

— Я просил пробить «нексию». Ты узнала?

— Да, Пашенька. Владелец — гражданин семидесяти восьми лет. Установочные данные на него записывать будешь?

— Нет, спасибо, — ответил я (понятно, что либо сама «нексия», либо номера на ней были краденными) и добавил: — Знаешь, Римма, я отправляю тебя в отпуск. Прямо с этого дня и часа. Обязательно захвати с собой все наши базы, сдай на вахту ключи и езжай, куда глаза глядят. Если вдруг на тебя выйдут и начнут спрашивать обо мне, отвечай, что ничего не знаешь, ничего не ведаешь. Все понятно?

— Все, — вздохнула моя помощница. — Ты опять вляпался в какое-то дерьмо.

— Типа того.

— Я могу чем-то помочь?

— Спасибо, что предложила. Пока нет, но, если вдруг что понадобится, я дам знать.

Я отключился и тут же набрал номер моего друга с Петровки Перепелкина. Он был единственным человеком (кроме меня самого), который мог в создавшейся ситуации как-то прикрыть мою задницу.

— Ты опять, — хохотнул в трубку полковник Перепелкин. — Что еще?

— В двух словах не скажешь. Давай встретимся, пообедаем. Только срочно. Я угощаю.

— Да, видать, тебя здорово припекло. Сейчас гляну расписание. Давай сегодня в тринадцать-тридцать. Приходи в суши-бар на Каретном. Мо-

жешь заказать мне роллы «Калифорния» и «Филадельфия». И зеленый чай с жасмином.

Что ж, если друг считает, что может использовать тебя в качестве официанта-метрдолетя, сам виноват, не надо подставляться.

Я нашел местечко для парковки на Чистопрудном бульваре, а потом, обойдя пруд, направился к салону красоты «Кейт и Лео». Зою, склоненную за своим столиком над пальчиками какой-то гримзы, я увидел сразу и подошел к ней. Она подняла на меня глаза.

— Зоя, нам надо срочно поговорить.

Зоя рассыпалась извинениями перед гримзой, поднялась, и мы вышли из салона. Я в двух словах обрисовал ей ситуацию: убийство в гостинице, мой полет из окна, а потом сказал главное, ради чего и пришел сюда:

— Зоя, дело нешуточное. Бросай здесь все и уезжай. Срочно! Даже домой не заезжай, сразу на вокзал. И напоследок еще пару вопросов: тебе имя Влад, применительно к Алене, что-нибудь говорит?

Она на секунду задумалась, а потом отрицательно замотала головой.

— А Михаил Владимирович?

— Нет, ничего, — сочувственно вздохнула она. — Впрочем, я сегодня с девчонками поговорила. Может, они тебе что-то расскажут? Катька, например, гораздо ближе с Аленой была, чем я. Сейчас ее к тебе пришлю, а сама к клиентке вернусь, извини.

— Уезжай сегодня же. Ты поняла?

Она кивнула, вдруг поднялась на цыпочки и поцеловала меня в щеку:

— Спасибо, Паша, что заботишься обо мне.

Через какое-то время из салона вышла Катя, девушка, сидевшая на ресепшн. В руках она держала телефон — не дай бог, пропустить хоть один звонок от клиента, надумавшего воспользоваться услугами «Кейт и Лео».

— Катя, это очень важно, — начал я. — Скажи, у Алены был любовник?

Девушка задумалась, глядя на меня, — словно оценивала, достоин ли я того, чтобы доверить мне эту тайну.

— Послушай, — поторопил я ее, — муж Алены мертв. Сегодня утром умер еще один человек. Я не хочу, чтобы смерти продолжались. Если знаешь, скажи, клянусь, что не использую твою информацию во зло. Никому, включая Алenu.

— Был у нее один тип, — выдавила из себя, наконец, Катя. — Встречались они где-то с год.

— Кто такой? Как его звали?

— Ничего она не рассказывала. Знаю только, что встречались они где-то на квартирах. В рестораны он ее водил. Но мутный какой-то. Как я понимаю, очень себе на уме.

— А кто о нем хоть что-нибудь может знать?
— Ну, разве что Кристи...
— А кто это — Кристи?
— Подружка Алены, землячка ее. Они когда-то вместе в столицу с Дальнего Востока приехали. Но она не у нас работает.
— Телефон ее имеется?
— Да, в базе есть, она к нам приходила, Алена ей скидку делала.
— Хорошо, — кивнул я. — Скажи, а имя Влад тебе ничего не говорит? Алена его не упоминала?
— Нет, не помню.
— А Михаил Владимирович?
И тут мне улыбнулась удача.
— Михаил Владимирович, Михаил Владимирович... — наморщив лоб, пробормотала Катя. — Был у нас такой клиент. Не очень давно. Важный, богатый. Как раз к Алене ходил. Одет дорого, часы очень дорогие. Любит командовать: возьмите, принесите, унесите. Кстати, его телефон тоже в базе есть.
Мы поднялись по ступенькам в салон, и через три минуты я стал обладателем еще двух номеров — подружки Алены по имени Кристина и по фамилии Попригина и важного человека Михаила Владимировича.
— На всякий случай, прошу тебя, — наклонился я на прощание к Кате, — не надо давать никому координаты Кристины. Даже если придут, допустим, из полиции. И сменщице своей, пожалуйста, скажи.
Потом я снова подошел к столику, где Зоя обрабатывала ноготки гримзы, и, наклонившись к ней, прошептал:
— Пожалуйста, Зоя, еще раз повторяю: уезжай. Немедленно. Прямо сейчас.

Я вернулся к машине, проехал по бульвару вперед, развернулся в районе Маросейки и доехал до суши-бара, где договорился о встрече с моим другом-полковником. Там при моем появлении ударили в гонг и чуть не в пояс поклонились. Однако лица казахов и киргизов, изображавших японцев, были печальными. Посетителей, кроме меня, было не более двух. Золотых рыбок в аквариуме (и поваров, скучавших на открытой взору кухне) имелось явно больше. Заведение очевидно прогорало.

Я занял место в дальнем и полутемном углу. Подскочившей официантке сделал заказ: роллы и зеленый чай для моего друга, а для себя — пару суши и двойной эспрессо.

Буквально через минуту после того, как закуски подали на доске, появился Перепелкин. Одет он был в штатское — Впрочем, в мундире я его давненько не видывал, чуть не со времен присяги.

Саня пожал мне руку, выразительно глянул на часы, типа, занятой я человек, времени мне с тобой терять некогда.

— Что там с убийством в Марьине? — спросил я.

— Работаем, — пожал он плечами. — Больше ничего определенного сказать не могу. Давай, рассказывай, что у тебя.

Я поведал своему приятелю былых времен о вчерашнем нападении на Зою и о сегодняшнем убийстве Вячеслава. А когда закончил, он вдруг рывкнул:

— Ну и зачем ты мне это все рассказываешь?! Как я должен, по-твоему, это воспринимать?! Я воспринимаю — как подставу. Потому что, если я все это знал и тебя немедленно не арестовал — значит, я тебя покрываю. А если покрываю — значит, имею свой личный и, наверное, корыстный интерес. Значит, кто я после этого получаюсь? Коррумпированный полицейский. УСБ только и остается, что принять меня под белы ручки. Ну, давай, Паша, показывай, где «жучок».

— Но ситуацию, Саня, можно рассмотреть с другой стороны, — осторожно заговорил я. — Допустим, я — твой личный агент, и дал тебе информацию, что позавчерашнее убийство в Марьине гражданина Зюзина связано с сегодняшним преступлением на Никитской. И, возможно, в деле замешаны два амбала, которые передвигаются по городу на «нексии». Во всяком случае, вчера они напали на Зою Шагину. И все эти дела, возможно, как-то объединены с исчезновением неделю назад некой Елены Румянцевой, работавшей маникюршей в салоне «Кейт и Лео» на Чистопрудном бульваре. И, кстати, непосредственно перед сегодняшним убийством Вячеслава ему звонил некий Влад. И я продиктовал ему по памяти телефон возможного убийцы.

— Я тебя слышал, — буркнул Перепелкин. — Что от меня ты хочешь?

— Чтобы, когда дело дойдет до меня — а оно, боюсь, рано или поздно дойдет, — меня не вязали и не тащили сразу в ИВС, а потом не закрывали в СИЗО. Пусть допросят, да и отпустят.

— Да, Синичкин, наглость твоя безмерна, — вздохнул Саня. — Потому что очень многого ты хочешь. Знаешь, что? Не хочешь, чтобы прямо сегодня тебя «закрыли» — «залаг на дно». И носа не высовывай до тех пор, пока мы не «закроем» тех, кто действительно убил Зюзина и этого твоего Вячеслава.

Он еще раз глянул на часы, допил из пиалы зеленый чай, а потом встал, сунул мне свою ручищу и сказал: «Адье!»

Совет «залечь на дно» был очень правильным, однако далеко не новым. Я и сам собирался. Лучше всего для этого подходил малознакомый человек, кто-нибудь, у кого в самую последнюю очередь станут искать. Все —

и полиция, и дикие типы, пытавшиеся похитить Зою и убившие Зюзина и Вячеслава (почему-то я не сомневался, что все три преступления — дело рук одних и тех же душегубов).

Прекрасно для роли укрывателя подходил мой старый знакомый Валерий Петрович Ходасевич. Когда-то нас познакомила моя давняя клиентка Татьяна Садовникова, что приходилась ему падчерицей. Однако года три, как минимум, мы с Валерием Петровичем не виделись и даже не разговаривали по телефону. Кто сообразит, что я прячусь у него?

Помимо того, что его трудно было со мной связать, у Ходасевича имелись еще, как минимум, пара достоинств для человека в моем положении беглеца. Во-первых, он был пенсионер и домосед, поэтому имелась высокая вероятность, что я застану его дома. Во-вторых, пенсионером он был не простым — полковником СВР в отставке — и обладал присущим людям этой профессии могучим аналитическим умом. На пенсии этот ум прокручивался вхолостую, за разгадыванием сканвордов и sudoku, а я надеялся приспособить его для разгадки тайны исчезновения Алены и последовавших затем убийств.

Моему звонку полковник ничуть не удивился. На вопрос, могу ли я приехать, прогудел: «Кончено, приезжай!» — и напомнил мне свой адрес, он проживал в районе метро «ВДНХ».

Я поехал туда, загнал свою «бээмвуху» в один из дворов и в магазине, что как раз находился там, купил себе две пары носков и футболок с длинными рукавами, ведь неизвестно, сколько мне придется скрываться, а для Валерия Петровича «Киевский» торт, после чего прошел в тихий двор дома, где проживал полковник.

Валерий Петрович открыл мне дверь: толстенный, внешне добродушный, в тренировочном костюме. «Заходи, Паша, и сразу на кухню, ты как раз к обеду».

Когда мы покончили с трапезой, Ходасевич заварил нам обоим кофе, на правах хозяина разрезал принесенный мной торт и, расправившись с добрым куском, наконец, спросил:

— Ну, Пашенька, с чем пожаловал?

— Хочу у вас попросить, так сказать, убежища. Не знаю даже, на какой срок.

— Мой дом — твой дом, — развел он руками. — Устраивайся на диване. Все равно Татьяна меня не жалует, бывает раз в год по обещанию. Прочих родственников и возможных визитеров не имею. Могу я спросить, что случилось?

— Обязательно! Тем паче, хочу попросить совета. Дело вот в чем...

И я поведал полковнику все, что случилось за последние три дня, начиная с визита заказчика Вячеслава в мой офис и заканчивая сегодняшней насильственной смертью его в отеле на Никитской.

Старый разведчик слушал меня с чрезвычайным вниманием и не перебивал — единственное, когда я без утайки рассказал, что утащил с места преступления телефон Вячеслава, он укоризненно покачал головой и пробасил: «Ох, Паша, что за детский поступок!»

— Зато теперь я знаю, кто последним звонил ему перед убийством. А также выведаль телефон некоего Михаила Владимировича...

Когда я закончил, Валерий Петрович прогудел:

— Но ты ведь не только прятаться ко мне пожаловал?

— Конечно, было бы неплохо, если б вы мне помогли. Хоть заказчика у меня теперь нет, но от дела я не отступлюсь. В конце концов, как иначе я могу самого себя обелить?

— Ум-то у меня, может, и мощный, — усмехнулся отставник, — да только работать ему пока не над чем.

Я пообещал подкинуть ему еще данных и для этого попросил разрешения пользоваться его компьютером и домашним телефоном.

— Ради бога! — махнул он рукой.

Мы перешли в гостиную, Ходасевич засел перед телевизором, а я со своего «левого» мобильного набрал номер Кристины — лучшей подруги Алены, как утверждали в салоне. Она не ответила, однако автомат в трубке сказал мне, сначала по-английски, а потом на другом, не известном мне языке, что аппарат выключен или находится вне зоны доступа. В чужом наречии было много гортанных звуков, но опознать я его не смог: арабский, албанский, фарси?

— Вы не в курсе, Валерий Петрович, что это за диалект? — протянул я трубку полковнику.

Тот прослушал и уверенно заявил:

— Это иврит.

Итак, телефон Кристины нынче находился на территории государства Израиль — более, насколько я знаю, нигде на иврите не разговаривают. Что ж, будем надеяться, что бандиты туда, за три моря, пока не дотянулись. И тут же мелькнула мысль: а не в тех ли краях скрывается искомая Алена Румянцева?

Затем я отыскал в Инете префикс, которым начинались номера Михаила Владимировича и Влада. Эти три цифры значились за Сольской областью.

И тут Валерий Петрович крикнул мне: «Паша, слушай!» Я повернул голову и увидел на экране вещающую из студии девицу-диктора:

— ...убийство произошло сегодня в паре километрах от Кремля, на Никитской улице. Около одиннадцати утра персонал находящегося здесь отеля «Имперский» обнаружил в номере убитого Вячеслава Двубратова. На экране появилась крупная фотография входа в гостиницу, а голос за кадром продолжал повествовать: — Вячеслав Двубратов, по свидетельству очевидцев, был убит единственным выстрелом в голову. Двубратов являлся постоянным клиентом отеля. Как рассказали нам источники среди персонала отеля, он останавливался в гостинице по несколько раз в месяц. По их мнению, он никак не был связан с криминалом и отличался спокойным и трезвым поведением. Как нам стало известно, Двубратов работал в администрации Сольской области. Неподалеку от отеля находилось представительство этого региона в Москве, и покойный часто бывал здесь по служебным делам. В один из таких приездов в столицу его и настигла пуля! — патетически завершила диктор, а потом добавила: — На место преступления выехали лучшие сыщики Москвы, и мы будем извещать вас о дальнейшем ходе расследования.

— Снова Сольская область! — воскликнул я. — Она и в номерах Влада и Михаила Владимировича значится. — И быстро набрал в адресной строке интернет-поисковика: «Сольская область & Михаил Владимирович». Поисковик немедленно выдал мне: «Михаил Владимирович Ворсятов, губернатор Сольской области». С официальной картинке на меня смотрело властное, холеное лицо.

— Вот это да! — выдохнул я и, набрав номер Кати в салоне на Чистопрудном, спросил у нее:

— Зоя уехала?

— Уезжает, — шепотом ответила девушка. — Сейчас последнего клиента добивает.

— Ладно, — вздохнул я, — жизнь ее, пусть сама ей распоряжается, взрослая девочка. Слушай, Катя, я сейчас pošлю тебе фотографию одного типа, которого зовут Михаил Владимирович, а ты мне скажешь: тот ли это, что к Алене ходил. Продиктуй-ка мне свой сотовый.

Она назвала, и я немедленно перекинул ей картинку Михаила Владимировича Ворсятова, вид анфас. А когда перезвонил, Катя уверенно проговорила:

— Да, это он.

Следующие пару часов я провел в Сети — изучал в самых различных источниках личность губернатора Ворсятова и его связи с Вячеславом Двубратовым. В администрации Сольской области Вячеслав значился заместителем начальника управления информационной политики. Подходящая должность, чтобы быть доверенным лицом губернатора, подбирать

за ним крошки и подчищать его дерьмецо. Затем я прочитал, что пишут о Ворсятове. Писали всякое. Много имелось статей и постов, захлебывающихся от любви и благоговения — явно в той или иной форме проплаченных. Губернатор многое делал для расселения аварийного жилья, строительства в области дорог, новых больниц и школ, и бла-бла-бла... Оппозиционеры у Ворсятова также имелись. В злобных заметках они извещали о его тесных связях с местным криминалитетом. Рассказывали, что Михаил Владимирович подмял под себя всю торговлю лесом, древесиной, целлюлозой и бумагой — главным экспортным ресурсом Сольской области. Что мощнейший не только в масштабах региона, но и всей страны местный бумажный комбинат сначала, в девяностые, был приватизирован так, что львиный кусок от него откусил нынешний губернатор, а потом этот комбинат поменял собственников — причем таким образом, что основной навар от сделки очутился в кармане Ворсятова.

Однако и без комбината источников прибыли в регионе, где правил Михаил Владимирович, хватало. Говорили, что чуть ли не каждое промышленное предприятие в регионе, всякий магазинчик и даже киоск отчисляет ему мзду, так называемую «губернаторскую десятину», что он — один из самых богатых людей области, что прокуратура и следственный комитет несколько раз пытались против него возбудить уголовное дело, но всякий раз их останавливали мощные ворсятовские покровители, заседавшие в Москве.

Я немного подумал и со своего «левого» мобильного отправил эсэмэску: «Михаил Владимирович, я знаю, кто убил Вячеслава Двубратова. Я — Павел Синичкин, частный детектив, с которым он работал». Через минуту с какого-то совсем третьего номера раздался звонок, и усталый, с нотками державности, голос проговорил:

— Слушаю вас.

Оказалось, что Ворсятов в настоящий момент пребывает в Москве. Мы договорились встретиться с ним в девять вечера в столичном представительстве Сольской области, что располагалось в бизнес-центре на Поварской.

Перед отъездом мы с Ходасевичем обсудили риски, что таил для меня поход к губернатору. Оба согласились, что бандитов он на меня вряд ли натравит, а вот ментам областной начальник может сдать меня запросто. Если Ворсятов — точнее его люди — замешаны в убийстве Вячеслава, почему бы ему не завершить перевод стрелок на меня эффектным арестом подозреваемого номер один, а именно: зарвавшегося частного детектива Синичкина?

Никаких полицейских машин у входа в бизнес-центр я не увидел. Охранник посмотрел мои документы, сверился со списком, бросил: «Лифтом на пятый этаж».

На пятом этаже, в просторном фойе, меня встретила безликая секретарша. Я представился, она предложила присесть, нажала на интерком, что-то туда пропела полупшепотом, и через пару минут появился какой-то высокий мужчина с непроницаемым лицом, подошел ко мне и протянул корытце, наподобие тех, что используют в зоне безопасности аэропортов:

— Пожалуйста, оставьте свой мобильный телефон. Холодное, огнестрельное оружие при себе имеете?

— Никак нет.

— Позвольте.

Равнодушными и ловкими пальцами он ощупал меня всего и исчез. Наконец губернатор через секретаршу пригласил меня войти.

Ворсятов сидел за огромным столом антикварного вида и выглядел весьма внушительно. Первое впечатление было: богатый, чрезвычайно уверенный в себе, достаточно моложавый, холеный.

— Садитесь, — милостиво разрешил он. Руки его были сложены на столешнице, и я обратил внимание, что мизинец на левой руке был забинтован. Больше того, на нем имелась шина, вправляющая палец после перелома. А на правом запястье вдруг мелькнул столь хорошо знакомый мне, как бывшему менту, свежий шрамик — такой оставляет чересчур грубо застегнутый наручник.

В этот момент как-то очень многое сложилось в моей голове, поэтому я начал разговор первым:

— Значит, Вячеслав Двубратов был для меня просто ширмой, подставным лицом. Настоящим заказчиком являетесь вы.

Мои слова оказались для Ворсятова неожиданными. Он не ответил ни «да», ни «нет», только хмыкнул — однако взгляд свой буравящий отвел.

Я продолжил свою игру.

— А кто тогда и зачем убил Зюзина? И напал на Зою?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, гражданин Синичкин, — глубоким и властным голосом произнес губернатор. — Вас наняли искать Алену Румянцеву, вот и ищите.

— Я ищу, но постоянно натываюсь на убитых людей. Такое впечатление, что охоту за ней ведет еще кто-то, разве нет? Кто-то, гораздо более неразборчивый в средствах, чем я.

— Вы сказали, что знаете, кто убил Вячеслава. И что дальше?

— Я не взялся бы доказывать перед судом присяжных, что убил его именно он, но последним Вячеславу Двубратову на его мобильник звонил человек по имени Влад.

Когда я назвал это имя, Ворсятов дернулся и нахмурился. Потом проговорил:

— Я вас услышал. Давайте, Синичкин, это лицо — я Влада имею в виду — оставим пока за кадром. А вам я оставляю в силе задание, что дал Вячеслав. Сколько он вам заплатил?

Я назвал сумму. На лице губернатора отразилось мимолетное довольство: видимо, он понял, что покойный Вячеслав у него не «крысятничал», денег с моего гонорара себе в карман не отщипывал.

— Поэтому найдите мне Алену. Она обманула мое доверие, и я хотел бы для начала просто посмотреть ей в глаза.

Алена Румянцева Полугодом ранее

Неужели она так и обречена пожизненно пилить чужие ногти? Выплачивать ипотеку? Жить в «однушке» на окраине с нелюбимым мужем? Урывать кусочки счастья на чужих квартирах с любовником? Да и счастья ли?

В Андрее Алена начала разочаровываться. В любых отношениях с мужчиной — как и в других жизненных делах — должна быть динамика, а с ним все на прежнем уровне. Все те же рестораны, чужие квартиры, редкие подарки. Подарки, впрочем, надо отметить, он делает довольно дорогие: обычно ювелирные изделия, и всегда рубины, бриллианты. Правда, такое ощущение, что кольцо, серьги и кольца кто-то до нее уже носил. И ведь не спросишь у Шаева, он так поставил себя, что подобного рода вопросы с ее стороны кажутся совершенно неуместными, да и не ответит ведь.

И вот однажды в салоне «Кейт и Лео» появился человек, который, возможно, мог стать в какой-то степени тем самым трамплином, чтобы, отталкиваясь от него, Алена взлетела бы далеко-далеко. Лет сорока пяти, солидный, прекрасно одетый, богатый, преуспевающий.

Случилось это незадолго до Нового года. Он записался — настаивал, как ей сказала Катя, — именно к ней. Пожалуйста, очень хорошо. По костюму, часам и ботинкам сразу видно, товарищ богатый — на хорошие чаевые можно надеяться.

Но поначалу у нее с ним никакого контакта не складывалось. Он постоянно за трубку хватался, кто-то ему названивал. Говорил и отвечал в трубку односложно: «Делай!» Или: «Нет, ни в коем случае!» Или: «Согласуй, завтра доложишь». Или: «Разберись немедленно».

На Алёну он решительно никакого внимания не обращал, но она нутром своим чувствовала: приметил. Когда она закончила процедуру, он достал из бумажника пятитысячную купюру и положил перед ней на столик.

— Вам разменять? — бесстрастно спросила она.

— Нет, это тебе.

— По-моему, это слишком много.

— Не тебе решать. Дают — бери. И ты будешь мне нужна двадцать девятого. В семь тридцать утра подъезжай по адресу...

— У нас выезжать к клиентам не принято.

— Да? — Он пробуравил ее взглядом и бросил: — Ладно, выйдешь тогда двадцать девятого на работу, договорись тут, что мы в семь тридцать начнем, у тебя полчаса будет.

И вот ведь — все вокруг его пожелания и приказы исполняли. И она — тоже. И пять тысяч его взяла, и договорилась в салоне, что на полтора часа раньше официального начала двадцать девятого декабря на работу выйдет.

Зато в следующий раз он меньше говорил по телефону и расщедрился, уделил ей минут пять-десять своего драгоценного внимания. А в конце сказал:

— Завтра, на вечер, у меня два билета в Большой на «Щелкунчика». Я тебя приглашаю, в восемнадцать сорок пять у театра.

— Да что вы?! Я не могу.

— А что такое?

— Я замужем.

— Ну, это не отмазка.

— Я работаю завтра вечером. Полная запись у меня.

— Решишь эти вопросы сама.

И что вы думаете? Тридцатого декабря она, как миленькая, ждала его у театра: в шубке, на каблуках и в вечернем платье. И с клиентами через Катю, и с коллегами договорилась-условились, и сама причёсочку — маникюрчик — макияж в салоне сделала.

В антракте кавалер взял бутылку «Вдовы Клико», за несусветные деньги, у нее от нулей на ценнике даже в глазах зарябило. Во втором антракте шампанское повторилось.

Пузырьки и предчувствие Нового года радостно заиграли в Алениной крови. А еще — сладкая и радостная музыка Чайковского, и снег, летящий на сцене, и легкие, летящие фигуры балерин. Вдобавок, прекрасное ощущение, что она оказалась среди избранных.

После спектакля кавалер привел ее к своей машине — разумеется, «мерседесу», стоявшему в гараже под ЦУМом, хотя официально парковка

была закрыта. Как истинный джентльмен, помог ей усесться, сам взгромоздился за руль.

— Вы ведь выпивши, — заметила Алена.

— Нас не догонят, — хохотнул он.

Внутри нее еще пела волшебная музыка и играли пузырьки заморского брюта. Не хотелось думать ни о чем приземленном, хотелось нестись, словно сказочная Маша, в снежном облаке, невесомой, под звуки божественного вальса.

Очнулась она, когда они пересекли Кольцевую и понеслись по загороду.

— Куда вы меня везете? — испуганно спросила Алена.

— Чудесный вечер! Мы хорошо его начали — в партере, неплохо продолжили — в буфете. Надо и завершить прекрасно. Даю слово, ты не пожалеешь.

А вот и указатель: «СУВОРИНО», за ним пара деревенских изб, сельский магазин и сразу — шлаббаум.

Охранник понесся открывать его рысью, подобострастно проговорил: «Здравствуйте, Михаил Владимирович», не без интереса через окно глянул на Алену, и далее авто покатило по широкой улице, среди роскошных особняков, скрывающихся за высокими оградами или каменными заборами. Многие были украшены новогодними гирляндами, стоимостью в десятки тысяч, на лужайках перед въездами красовались светящиеся снеговики и олени.

Наконец ее спутник подрулил к дому, который не выделялся из ряда других — то есть достигал рыночной стоимости, как и прочие собратья, миллионов пятнадцати — двадцати. Долларов, разумеется. Он нажал на пульт — открылись ворота. Машина скользнула в подземный гараж, створки за нею затворились. Алене отчего-то совсем не было страшно. Она была уверена, что никаких вариантов типа пристегивания наручниками к кровати или последующей перепродажи в рабство не будет. А будет — что? Отчего-то предвкушалось что-то очень хорошее, и от этого начинало сладко ныть внизу живота.

Михаил Владимирович помог ей выйти, запер машину. То, что такой властный и, вероятно, высокопоставленный человек оказывает ей столь подчеркнутые знаки внимания, особенно возвышало его в ее глазах.

— Хочешь, покажу тебе дом, — предложил он. — И вообще, пора и тебе обращаться ко мне на «ты».

— Хорошо, — кивнула Алена. — Покажи.

— Тогда нам не в лифт, а сюда.

Внизу, кроме гаража, имелся домашний кинотеатр — персон на десять, с роскошными кожаными креслами, а также погреб с огромным количеством лежащих навзничь бутылок.

— Ты какое вино любишь?

— Шабли.

— Одобряю. Возьмем «Гран крю» двухтысячного года.

Он захватил в одну руку пару бутылок, а другой повлек девушку к лифту. Они поднялись из цокольного этажа на первый. Здесь были огромные окна, от пола до второго этажа, в которые заглядывали искристые при свете фонарей сугробы. Михаил Владимирович достал винные бокалы, открыл бутылку. Удалился на кухню, принес нарезанные на доске сыры: камамбер, бри, рокфор, пармезан, протянул ей бокал шабли, а себе налил бурбон.

— Вообще-то мне домой пора, — подняла на него глаза Алена. — Как мне отсюда выбираться?

— Подожди. Экскурсия еще не окончена. Пойдем.

Михаил Владимирович взял ее за руку, повел по широкой, с вычурными перилами, лестнице наверх, и они вошли в спальню, где возвышалась огромная, высокая кровать.

— А теперь, — произнес он, — наступает время новогодних подарков!

Подойдя к стене, отодвинул в сторону картину, изображавшую полуобнаженную девушку, за которой в стене притаился сейф. Набрал на его панели комбинацию, и створка сама собой распахнулась. Со свойственным женскому полу любопытством девушка заглянула внутрь. Там была настоящая сокровищница: золотые подвески, кольцо, браслеты, диадемы, украшенные бриллиантами и рубинами. В углу возвышалось несколько стопок банкнот в евро или долларовых купюрах. Имелся отсек для часов — исключительно золотых, с золотыми браслетами. Михаил Владимирович вынул и разложил на кровати пять разных, но, несомненно, дорогих украшений и сделал широкий жест рукой:

— Выбирай!

— Ну, что ты, я не могу!

— Это мой тебе новогодний подарок, и обсуждению это не подлежит.

— Ну... тогда, может быть, это? — Алена взяла в руки золотой браслет изящной выделки, усыпанный крохотными, но многочисленными бриллиантами.

Он надел ей его на правую руку, помог застегнуть, а потом поднес эту руку ко рту, поцеловал ее и вдруг принялся целовать Алену в шею и губы. От него пахло шампанским, дорогим бурбоном и очень недешевым парфюмом. «Все так просто, — пронеслось у нее в голове, — баш на баш. Он меня покупает. Ну и ладно, пусть. Ведь и цена, что он дает, — не сто рублей, и даже не пять тысяч».

Спустя полчаса они лежали на широченной кровати, и она пыталась всячески скрыть разочарование — зачем обижать хорошего и столь богатого человека.

— Останешься у меня на ночь? — спросил Михаил Владимирович.

— Не могу, меня муж ждет.

— Тогда я вызову тебе такси.

«Вот и кончилась сказка, — грустно подумала Алена. — "Щелкунчик", снежинки, диадемы». Впрочем, он вызвал ей такси из разряда «бизнес-класс», проводил до ворот особняка, заранее рассчитался с шофером. Узнал ее номер телефона и даже свой оставил: «По нему я всегда на связи. Звони, если что».

А потом был Новый год, который Румянцева по традиции встречала с мужем — только теперь уже не вдвоем, чтобы меньше общаться и видеть, как он нагружается, а с соседями по дому. На каникулах она работала, вышла третьего. Хоть и не такой чес был, как в последнюю декаду декабря, однако клиентов хватало. Кто к Рождеству готовился, кто-то из счастливиц после отмечания Нового года к теплему морю улетал. А коль скоро спрос есть — почему бы не поработать, все лучше, чем дома с Зюзиным сидеть и смотреть бессмысленные шоу.

Но вечером третьего — они не услаивались — ее перехватил Андрей: «Поедем, Новый год справим, на скорую руку». Они отправились по пустынной Москве в квартиру на Сретенке, и она в тот вечер отдавалась ему с особенной страстностью, видимо, из-за чувства вины перед ним за встречу с Михаилом Владимировичем. А потом, когда они выбрались на кухню выпить чаю, Андрей посмотрел на нее тяжелым, гневным взглядом и произнес:

— А теперь, колись, шалава: где ты была? Рассказывай, с кем, где. Кто он, откуда, где познакомились. Давай, колись.

— Да что за ревность! — попыталась возмутиться Алена. — Что за паранойя! Я, в конце концов, не жена тебе, чтобы ты меня допрашивал!

И тогда он молча перегнулся через стол и, продолжая неотрывно смотреть на нее, схватил одной рукой за горло — властно, страшно — и проговорил:

— Я себя обманывать не позволю. Поняла? Я ведь могу сделать так, что с сегодняшнего дня ты исчезнешь, и тебя нигде не найдут. И лишь когда в лесах сойдет снег — и то не факт, может, где-нибудь под Коломной найдут твой труп, изглоданный лисицами и мышами. Но, скорее всего, и его не найдут. И муж твой Зюзин станет безутешным вдовцом, а вскоре найдет себе такую же пьющую, как он, лахудру. А тебя признают сначала без ве-

сти пропавшей, а потом умершей. На твое место в салоне возьмут молодую дурочку. И никто не будет особенно плакать по тебе. Даже я. Так что говори, кто такой, откуда взялся, где ты с ним была. Что у тебя с ним было.

Алена по-настоящему испугалась и решила расколоться наполовину — рассказала версию-лайт: клиент, богатый, пригласил в Большой на «Щелкунчика», потом отвез домой.

— Попытка принимается, но не засчитывается, — не поверил ей Андрей. — У тебя есть еще одна. Вторая, она же последняя.

И тогда она повинилась во всем, даже рассказала Андрею, какие замечательные подарки ей Михаил Владимирович предлагал, какой она выбрала браслет, и о сейфе в спальне, переполненном драгоценностями. Она ожидала в ответ, что Андрей опять разгневается, а, может, даже ударит ее. Но он не ударил, только синие его глаза алчно вспыхнули.

Павел Синичкин

В тот летний вечер я сидел в московском представительстве Сольской области напротив губернатора вышеупомянутой области Михаила Владимировича Ворсятова и пытался вывести его на откровенность. Увы, подобного рода особи не привыкли настежь раскрываться ни перед кем. Тем паче, перед людьми, кто на них работает.

— Из-за того, что вы подослали ко мне своего Вячеслава, мы и так потратили впустую много времени. Слишком много. А он, ваш подчиненный Двубратов, и жизнь свою отдал. Поэтому я прошу вас рассказать мне, в подробностях, что случилось. Мне не нужны пикантные детали, только факты, те, которые помогут мне отыскать вашу Алену, — не отступал я. — Она, как я понимаю, вас обокрала?

— Правильно понимаешь, сыщик, — вздохнул губернатор и начал рассказывать: — Мы с ней познакомились в салоне в декабре месяце. Не скажу, что это была любовь с первого взгляда. А может, и любовь. Во всяком случае, практически каждый раз, когда я оказывался в Москве, я ей звонил. И мы встречались

— Встречались? — поднял я бровь. — Где?

— Я в рестораны ее приглашал. В оперу. На балет.

— А потом, после театров и ресторанов, вы везли ее к себе домой?

— Не каждый раз, но, да, дома она у меня бывала.

— Опишите ваше гнездышко.

— Гнездышко... — саркастически повторил за мной Михаил Владимирович, словно давая понять, что место его столичного жительства ни в коем

случае не должно описываться никакими уменьшительно-ласкательными суффиксами. — У меня дом, три этажа, шестьсот квадратов, в охраняемом дачном поселке Суворино, семь километров от Окружной.

— Расскажите, что было в тот раз.

— Мы приехали туда пять дней назад, где-то часов в десять вечера. До этого были в ресторане. Я освободился раньше. Она тоже, кажется, не работала.

— В каком ресторане?

— «Москва под ногами».

— Вы его сами выбрали? Или она?

Столь простой вопрос вдруг застал его врасплох. Он на секунду задумался, а потом вдруг с удивлением произнес:

— А вы знаете, кажется, именно она предложила туда сходить. Нахваливала, мол, очень хорошее заведение, модное.

— А где ваша машина в этот момент стояла?

— Внизу, в бизнес-центре, на парковке.

— Вы всегда, когда в Москву приезжали, сами за рулем разъезжали? Без водителя, без охраны?

— Когда был с Аленой — да, один. Зачем мне лишние глаза и уши?

— Так, и что дальше было?

— Приехали мы в Суворино, в мой дом. Еще немного выпили и поднялись в спальню. И тут врывается какой-то мужик. В перчатках, в маске. Это я сразу заметил, но не успел ничего ни сказать, ни сообразить, он меня вырубил двумя ударами. Прихожу в себя: я лежу на кровати, а рука наручником к изголовью пристегнута. Очень жестко пристегнута, вприщип. Рядом тот мужик. И Алена с ним заодно. Спрашивает меня: «Ты понял, милый, почему он в маске? Это потому, что мы тебя убивать не хотим. И не будем. Не будем, если ты скажешь код от своего сейфа». Я их послал. Тогда мужик достал откуда-то плоскогубцы, а Алена многозначительно посмотрела на меня: «Он будет ломать тебе поочередно по пальцу до тех пор, пока не скажешь. Он такой, не остановится, поэтому советую тебе, Миша, пожалеть самого себя и сказать сразу же».

— То есть они изначально нацеливались на сейф и на ценности, что там находятся?

— Именно! В этом я ни секунды не сомневаюсь. И Алена для него не просто наводчица, а самая настоящая сообщница.

— Она знала, что в сейфе лежит?

— К сожалению, да.

— Теперь вернемся к мужику в маске. Как он к вам в дом попал?

— Вот это хороший вопрос! Наш поселок строго охраняется. Въезд через единственный КПП. Охрана по периметру делает обходы. Да, наверное, через забор можно перелезть. Но любой посторонний в поселке — как бельмо, сразу всем замечен и подозрения вызывает. Вдобавок у всех, кто там живет, видеокамеры — у заборов, у въездных ворот. Вокруг моего дома трехметровый забор. Ворота автоматические, сразу после них — въезд в гараж, и я ворота за собой немедленно закрываю. В тот раз тоже все было, как всегда. Мы с Аленой въехали в гараж, сразу поднялись в дом, в спальню. Она все время была со мной, ни на минуту не отлучалась. Как она могла ему дверь открыть, впустить?

— Возможно, вы сами ввели его вместе с собой, — заметил я. — И на территорию участка, и далее, в дом. А потом он поднялся в спальню и выбирал подходящий момент, когда вы расслабитесь. Впрочем, это просто версия.

Ворсятов задумался. Видимо, тоже вспоминал момент, когда сообщник мог влезть в его авто и выбраться из машины. Наверное, он понимал, что я прав, поэтому не стал со мной спорить, лишь лицо его гневно заледенело — возможно, от мысли, как Алена его провела.

— Итак, он оказался у вас в спальне. Что было дальше? — спросил я.

— Этот бандит и впрямь сломал мне палец, — обыденным тоном продолжил губернатор. — Боль, я вам скажу, жуткая. И я понял, что он из тех, кто готов на все и не ограничится одним пальцем, поэтому не стал упорствовать, а сказал код к сейфу. Он открыл его. А потом Алена быстро подошла ко мне и засандалила в бедро шприц. Я тут же отрубился. Проснулся часа через четыре. Живой. Наручник от меня отстегнули. Глубокая ночь. Сейф открыт. Все содержимое его украдено. Машины моей в гараже нет. Сначала я порадовался, что они на ней уехали, у меня там спутниковый «маячок» имеется. Да и охрана поселка на всех, кто за рулем выезжает, смотрит, сто пудов бы увидели, если еду не я. Я позвонил на КПП и сказал, что мою машину из гаража угнали. Они клялись, что автомобиль территории поселка не покидал.

— В полицию не звонили? — невинно поинтересовался я.

— Нет, в полицию не звонил. Ни тогда, ни потом.

Вопрос мой был из разряда провокационных. Разумеется, не станет губернатор ни в какой полиции признаваться, что стал жертвой обыкновенного гоп-стопа при марьяжном интересе, что его, голого, наручником к кровати пристегивали.

— А кому позвонили?

— Позвонил я Вячеславу и Владу, приказал им немедленно прибыть. А вскоре мне с охраны поселка позвонили и сказали, что машину мою

нашли. Преступники оказались хитрее, чем я первоначально думал. Доехали по поселку до запасных, пожарных ворот, там бросили мой автомобиль. Кстати, ты прав, сыщик, насчет того, как сообщник в мой дом проник. У машины замок багажника оказался сломан. Значит, сначала я сам его внутрь дома на своей тачке ввез. А потом он в гараже замок багажника сломал и выбрался. А, может, изначально авто мое вскрыл, пока мы с Аленкой в ресторане сидели.

— А как преступники из поселка ушли?

— Перерезали или перекусили несколько прутьев в воротах и выбрались. Дальше их следы теряются. Наверное, за периметром поселка их ждала машина.

— Машина? Значит, был еще один сообщник?

— Необязательно. Может, они заранее поставили ее в близлежащем лесу.

— Если судить по тому, как был подготовлен отход, они знали, как у вас все устроено внутри поселка. Где запасные ворота находятся, как туда от вашего дома доехать.

— Наверняка знали.

— Значит, ночью вы позвонили в Сольск Вячеславу Двубратову и Владу. Теперь расскажите мне, кто такой этот Влад.

Лицо губернатора передернула неприятная гримаса.

— Знаешь, сыщик, так бывает... — протянул он. — Вот ты уверен в чем-то на все сто, а то, в чем ты уверен, вдруг подводит, причем в самый важный момент. Я Владу очень доверял. Мы ведь с ним со школы вместе, в одном классе учились. И в девяностые, как он после армии пришел, стали вместе работать. Сейчас отделились, конечно. У него свой бизнес, у меня своя работа. Но если мне что-то нужно было, и Влад мог помочь, я ему всегда звонил. Так и в этот раз. Они с Вячеславом ко мне в Суворино утром в тот день прибыли, первым рейсом.

Слава предложил к частному сыщику обратиться, сказал, что есть один на примете со связями в полиции, то есть — ты. Влад тоже за дело взялся, и — исчез. Дома не появлялся, в офисе — тоже. Труба его не отвечает. Знаешь, сыщик, Алена мне особо не нужна. Глупая баба, повелась на «цацки», развел ее какой-то растрепай, опоил, убедил меня кинуть. Мне ее сообщник гораздо больше нужен. И — Влад. Про него я тоже ничего не понимаю: куда он делся и что вынашивает. Поэтому прошу тебя, найди этого негодяя, что разбойное нападение на меня устроил. И Влада — тоже найди.

— Хорошо, постараюсь. Теперь к украденному. Чего и сколько у вас пропало? Есть ли фотографии украденных вещей? Напомню, что боль-

шинство краж и ограблений раскрывается обычно на попытке сбыть награбленное.

— Фотографии! — хмыкнул Михаил Владимирович. — Эк ты махнул. Может, тебе еще и опись дать? Донос на самого себя изобразить? Много там всего было. Золото, бриллианты, рубины, изумруды. Подвески, колье, кольца, браслеты. Часы. Миллионов на двадцать товара.

— На двадцать? — удивился я относительно незначительной сумме. Не столь большой, в моем представлении, чтобы городить огород с тайным проникновением и пытками.

— Двадцать миллионов долларов, — уточнил губернатор.

Я ехал на такси в квартиру к Валерию Петровичу и думал, куда все-таки могли деться Алена и ее сообщник, и почему исчез приятель губернатора по имени Влад? И, главное, с чего мне начинать новое расследование дела? Оперативное чутье подсказывало мне: пока эти архаровцы, сообщник и Влад, живы-здоровы и на свободе, мне самому покоя не будет. Они либо окончательно подставят меня, как попытались сделать в случае с убитым Вячеславом, либо просто прикончат. В это дело я погрузился слишком глубоко и плотно, чтобы на половине дороге соскочить..

Под конец нашего разговора с губернатором я спросил у него, кто ему более ценен: Аленин сообщник или Влад. И тот сказал мне: «Работай по обоим».

Он снабдил меня и чем-то вроде «объективки» на Влада. Итак, фамилия его была Соснихин. Лет ему около сорока пяти, уроженец Сольска. Женат, супруга проживает там же, имеется взрослый сын, учится в универе в Питере. Жена — женщина самостоятельная, на шее у мужа не сидит, держит оздоровительный салон. Я спросил, имелась ли у Соснихина любовница. Ворсятов как-то сморщился и махнул рукой: «Да при чем тут любовницы!» — и дальше развивать эту тему не стал...

Валерий Петрович ждал меня, да еще с ужином. Попотчевал меня бефстрогановом и картофелем по-деревенски и даже налил чарку водки в охлажденный в морозилке сосуд. Потом мы полакомились привезенным мной днем тортом, а когда с трапезой было покончено, он велел мне рассказывать.

Когда я изложил, наконец, свой разговор с губернатором, было далеко за полночь. Полковник сказал, что постелил мне на диване, и велел идти спать.

— А вы?

— А я еще посижу, покумекаю. Старческий сон короток.

Я разделся, бухнулся на свежие простыни и сразу же уснул.

На следующий день, прямо с утра, я отправился не на вокзал (там огромное количество полицейских и камер, а я все-таки мог числиться в розыске), а на близлежащую платформу Яуза. День сегодня был выходной, суббота, поэтому в электричке народу было много. В Мытищах вышел, узнал, где останавливается маршрутка до Суворино, и погрузился в нее. В выходной все дороги были запружены, и мы тянулись до Суворино битый час. Микроавтобус высадил меня на лесном перекрестке и укатил дальше. Теперь следовало пройти пару километров через лес. В своем компьютере губернатор продемонстрировал мне гугловскую карту поселения, и где что расположено, поэтому я представлял, куда идти. С асфальта влево шел проселок — довольно ровный и чистенький. Если оставишь здесь машину, она простоит хоть пару дней, ничьего внимания не привлекая. Возможно, именно так Алена с сообщником и поступили.

Пройдя по нему, минут через пять я наткнулся на пожарные ворота и внимательно осмотрел их. Пара прутьев была заменена совсем недавно, их еще не успели покрасить, а на местах стыков старого и нового виднелись следы свежей сварки. Скорее всего, именно здесь грабители выбрались из поселка. Я задумался. Для того, чтобы перепилить прутья, требуется соответствующий инструмент, например, «болгарка». Но как она появилась здесь, в нужное время, в нужном для бандитов месте? Вряд ли они рассчитывали на «авось», значит — что? Может, они припрятали пилу где-то неподалеку или вырезали дыру в воротах заранее? Не исключено. Или их тут все-таки поджидал кто-то третий — на машине и с потребной оснасткой.

Я решил осмотреть прилегающую к воротам территорию и двинулся вдоль проселка, внимательно глядя себе под ноги. Вдруг метрах в десяти в траве блеснуло на солнце что-то железное. Я подошел ближе, достал носовой платок, взял железку, поднял. Да, это тот самый прут, что вырезали из ворот грабители, покрашен в синий цвет — как ограда и пожарные ворота. А срезы его ровно отпилены — очевидно, «болгаркой». Забрав прут, я обыскал траву и кусты в поисках второго, аналогичного, но, увы, не нашел и двинулся дальше в сторону КПП. Дойдя до него, вошел в помещение, где несли вахту стражники. Их оказалось двое, а в комнате было накурено и пахло едой. Один разогревал на плитке пельмени, второй уткнулся в кроссворд и курил. Я пожелал им приятного аппетита, представился и сказал, что я от Ворсятова.

Охранников звали Коля и Вася, и первым делом я продемонстрировал им вырезанный из ворот прут: «Узнаете?»

— Ух, ты! Та самая! Из наших ворот! — наперебой заговорили они. — И впрямь «болгаркой» вырезали.

Пельмени стали пригорать, и первый метнулся к ним.

— Ты с нами поешь, сыщик? — радушно предложил он.

— Нет, спасибо, я не голоден. А вы не стесняйтесь.

Коля разложил в две тарелки изрядно румяные пельмешки, из электрочайника налил две кружки чаю, бросил пакетики, и они приступили к трапезе.

— Как часто вы обходите периметр? — задал я вопрос.

— Положено четыре раза. В восемь утра, в четырнадцать, в двадцать и в два ночи.

— В тот день — имею в виду, когда Ворсятова обокрали — так же было?

— Да. Мы как раз дежурили, на сутки в десять ноль-ноль утра заступили.

— Может, что постороннее заметили? Машину припаркованную недалеко от территории?

— Да мы Михаилу Владимировичу уже докладывали. Нет, ни черта не видали.

— И ничего подозрительного не было?

Оба помялись и ответили: «Нет, ничего такого». Я вытащил из кармана фотографию Алены Румянцевой и ее мужа (похищенную мною из их квартиры в день, когда Зюзина убили):

— Кого-то из этих двоих знаете?

— Бабу знаю: она с Ворсятовым несколько раз в его машине на территорию въезжала, — сказал Коля.

— Ясненько. Только Михаил Владимирович просил об этом не болтать.

Охранники обменялись понимающими взглядами: мол, что ж мы, не мужики, что ли, не понимаем, что иной раз даже губернатору случается на лево сходить.

— Может, кто-то другой тут болтался: высматривал, выпрашивал?

И тут словоохотливый Николай выдал нечто чрезвычайно интересное и ценное для меня:

— Знаешь, Паша, была одна история — дней десять назад. Я Ворсятову о том рассказывать не стал — просто вопроса не возникало. Я как раз дежурил — не с тобой, Васек, с Маркелычем, — кивнул он напарнику. — Значит, приезжает мужик в полицейской форме, по званию капитан, но машина у него гражданская, «лексус». «Корочки» показал, сказал, что он из областного розыска. Мол, по оперативной информации, двое домушников могли на территорию поселка проникнуть, и они либо готовятся к совершению, либо уже совершили здесь серию краж. Попросил провезти

его по объекту. Я посадил его в машину и провез. Сначала изнутри, по всем улицам, а потом снаружи, по периметру. Ну, он ничего не нашел. Потом мы вернулись, он руку пожал, сказал: «Благодарю за службу», сел в «лексус» и уехал.

— А номер его не запомнили? — С надеждой спросил я. — Или — он ведь «корочки» показывал — может, фамилию его?

— Номер машины — нет, не запомнил, помню только, что подмосковный был, пятидесятый или сто пятидесятый. А вот фамилия — какая-то короткая. Четыре или пять букв, максимум. Сонин, или Соев, или Чуев, или Гаев. Что-то такое.

Хотя я был уверен на девяносто девять процентов, что грабитель — даже если это был он — не такой дурак, чтобы показывать потенциальному свидетелю документы на свою реальную фамилию, все равно люди обычно врут близко к тексту. И достать полицейскую форму далеко не так просто, как многие думают. Значит, есть вероятность того, что сообщник Алены — полицейский? Тогда точно мне с делом самому вряд ли справиться, придется опять к Перепелкину обращаться — хотя очень этого не хочется.

Охранники за разговором расправились с пельмешками, выпили чаек. Я тепло попрощался с ними и захватил с собой прут — не знаю зачем. Впрочем, последующие события доказали, что тем самым я проявил недюжинное оперативное чутье, и железная палка вскоре мне очень и очень пригодилась.

Я возвращался пешком по асфальтовой дороге, ведущей сквозь лес от поселка Суворино к перекрестку, где останавливалось маршрутное такси. Правой рукой помахивал железным прутом, который непонятно почему не выбросил после разговора с охранниками. И тут по другую сторону дороги заметил на расстоянии от себя метров двадцати пяти мелькание серых пятнышек. А еще ощутил запах раскуриваемого табачка.

Это вынудило меня отпрянуть с обочины дороги и ринуться вбок, в лесную чащу. На той стороне неожиданно раздались выстрелы, ветка над моей головой отлетела, сбита пулей, а сам я плашмя упал на землю. Мой глаз-алмаз успел заметить: стреляли оттуда, где я увидел серые пятнышки, из-за кустов метрах в двадцати пяти.

Я поднялся и понесся вдоль дороги по направлению к стрелку (или стрелкам?), стараясь передвигаться скрытно — опыт двухлетней воинской службы в дивизии Дзержинского весьма помогал мне. Нападавшие потеряли меня из виду, и это заставило их машинально сделать пару

шагов вперед и оказаться на обочине дороги. В прогалинах между кустами и деревьями я, наконец, увидел их — это были те двое амбалов, с которыми мы с Зоей столкнулись на улице Мусы Джалиля. Двое, которым я тогда врезал как следует. Теперь мне было жаль, что я обоих не покалечил. Они, мерзавцы, оклемались, сменили холодное оружие на огнестрельное — и охотились теперь за мной.

Впереди, по направлению к городу, я увидел припаркованную серую «нексию» и понесся в ее сторону, сжимая в руках железный прут. Теперь я понимал, почему оперативное чутье столь активно возражало, когда я собирался его выкинуть. Тут по дороге в сторону Суворино пронеслась машина, и я, в краткий миг, когда ее корпус отделил меня от нападавших, выскочил из леса и стрелой перескочил асфальтовую ленту. Бугаи меня не заметили. До того момента, пока я, скрытый багажником, не ударил железным прутом по машине сзади. Раздался треск стекла, истошно завыла сигнализация. Я двинул по окнам левой задней двери, потом — по правой.

Вопя и матерясь, позабыв о всякой предосторожности, бандиты ринулись к своей машине. Первый вскинул пистолет и на бегу, особо не прицеливаясь, стал палить в мою сторону. Меня прикрывал корпус «нексии», да и расстояние оставалось изрядным. Напоследок, войдя в раж, я расквасил переднее правое стекло, затем боковое зеркальце и бросился в глубь леса, производя как можно больше шума. Краем глаза увидел, что один сменил направление и устремился за мной — в то время как второй подбежал к искалеченному автомобилю и стал рассматривать нанесенные ему увечья. На то, что они разделятся, и был расчет. Метров семь я пробежал, нисколько не скрываясь, задавая тем самым бандиту необходимое направление. А потом дал себе команду исчезнуть, слиться с пейзажем и притаился за стволом громадной, разлапистой ели. Амбал, как заведенный, бежал прямо на меня, оружие его было выставлено вперед, лицо перекосилось в азарте. Меня он не видел и не понимал, куда я мог деться. А когда поравнялся с елью, я сверху ударил его прутком по руке с пистолетом. Он заорал от боли и выронил оружие. Следующий удар я нанес по шее. Бандит ухнул и осел на землю. Большой, толстый и совсем не спортивный, он лежал без чувств у моих ног. Я перевернул его и достал из-под него упавшее оружие. Проверил обойму. Там оставался один патрон и еще один был дослан в патронник. Два патрона, конечно, было маловато.

Второй, закончив обзирать урон, нанесенный мною их автотранспортному средству, понял, видимо, что с его дружкой происходит что-то

неладное, и двинулся по направлению к нам. Увидев это, я тихо пошел ему навстречу.

Для него стало, судя по всему, большой неожиданностью столкнуться со мной лицом к лицу. Он вскинул пистолет, но я за это время успел прицелиться и выстрелить. Один-единственный раз — но был точен. Пуля пробила кисть бандита. Он заорал и схватился за нее. Пистолет выпал. Ногой я отбросил его в сторону, приставил свой ствол к голове убийцы и скомандовал:

— Очень медленно встань на колени, а руки держи так, чтобы я видел. — Он покорно поднял руки и опустился на колени. Мой пистолет холодил его висок. — Теперь говори: на кого ты работаешь? Кто тебя послал?

Он молчал. Времени у меня оставалось немного, и тогда я выстрелил бандиту в колено. Тот заорал, заматерился и рухнул набок.

— Следующая пуля — тебе в висок, — пообещал я, хотя знал, что патроны у меня кончились.

— Это Влад, — прохрипел он.

Я вытащил у него из заднего кармана телефон и спросил:

— Под каким именем Влад?

— Вэ Эс, — сказал он сквозь стоны. А потом выдавил заискивающе: — Слышь, парень, вызови «скорую», а? Я даже до дороги не дойду.

— Вызову, — ответил я, — отойду подальше и вызову.

Вытер бесполезный теперь пистолет о свою футболку и забросил подальше в кусты. Взял телефон амбала и, найдя в его записной книжке «В.С.», нажал на набор, шагая по лесной дороге в сторону трассы. Гудки проходили, но В.С. не отвечал. Тут со стороны Суворино меня нагнал джип. Обошел меня и затормозил. В кабине водитель был один. Он открыл окно и, высунувшись, крикнул: «Эй, мужик, тебя подбросить?» Я подошел к машине и залез на переднее пассажирское. Он сорвался с места. В кабине было жарко и пахло теплой кожей.

Уголком глаза я рассмотрел водителя. Мужчина лет за сорок, физически крепкий, с намечающейся лысиной. Темные очки в пол-лица. Пальцы, лежащие на руле, короткие и толстые, на мизинце золотая печатка с крупным бриллиантом.

Машинально я еще раз нажал кнопку вызова на бандитском мобильнике. Он повторил предыдущий набор — В.С. И тут неожиданно в кармане у водителя зазвонил телефон.

Он прореагировал быстро. Не отвечая на звонок, ударил по тормозам. Меня бросило вперед, а в следующий момент я увидел в руке незнакомца пистолет, направленный мне прямо в лоб.

— Ты очень шустрый, Павел, — сказал он мне, усмехаясь. — Пора тебе крылышки-то пообрезать.

— Позвони сначала по «112». Я твоему опричнику коленку прострелил. Мучается мурло.

— Телефон его сюда давай.

Я протянул Владу — видимо, это и впрямь был он — мобильник бандита. Продолжая держать меня на мушке, он спросил:

— Что тебе Слава рассказал?

— А про что должен был?

— Про рейс из Сольска? Про рекомендации салона?

— Ни о чем подобном не было ни слова, — ответил я и был искренним. Не знаю, отпечаталась ли эта моя искренность на лице, а может, сыграли роль мои увещевания, но мужчина вдруг скомандовал:

— Выходи из машины!

Я не знал, отпускает ли он меня или намеревается отвести в лес и там кончить, но проверять не стал. Выпрыгнул из кабины и метнулся в лес. Чтобы стрелять, Владу следовало сначала выскочить из авто, а потом прицелиться. Секунд пять у меня было. Я постарался отскочить как можно дальше, развив невиданную скорость, а на излете пятой секунды упал плашмя за ствол вековой ели. Раздались два выстрела, и на меня сверху посыпались кусочки коры и хвои. Я подскочил и снова кинулся бежать в глубь леса. Выстрелов не последовало — возможно, потому, что я услышал с дороги шум проезжавшей машины, потом еще одной. И за мной Влад, кажется, не гнался. Вскоре взревел движок и, как я понял, он умчался.

Я двинулся сквозь лес по направлению к трассе, ведущей на Москву. Там снуют автобусы и маршрутки, такси и попутки. Тут у меня в кармане зазвонил мой собственный мобильник, и я нажал на «прием». Это была Римка.

— Привет, босс! — весело поприветствовала она меня. — А я выполняю твое указание: скрываюсь и отдыхаю. Вот, в данный момент, лежу в шезлонге на пляже. А вот где находится пляж — этого я тебе не скажу. Ни к чему знать лишнюю информацию даже близким людям.

— Рад слышать, Римма, что ты в порядке. А у меня тут только что перестрелка с бандитами была.

— Бе-едненький! — пропела она. — Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Можешь. Пробей для меня по всем возможным каналам некоего Влада Соснихина, родом из Сольской области. Адреса, пароли, явки, собственность, окружение. Жена, дети, другие родственники, любовницы. И еще пробей мне некоего Ворсятова Михаила Владимировича — большой человек, губернатор Сольской области.

— О, Синичкин, ты меня нагружаешь! А я думала, у меня со вчерашнего дня внеплановый отпуск.

— Заплачу тебе по двойному тарифу.

— Да? Тогда позвоню. Удачи тебе, сыщик!

Во время нашего разговора шум дороги становился все отчетливей, и я, наконец, вывалился на обочину трассы. Видок у меня был еще тот: джинсы и футболка зазеленились в результате падений на траву и лазаний через лес. Рукав пропорот — то ли веткой, то ли колючкой. Слава богу, крови я вроде не заметил.

Судьба в тот день, очевидно, хранила меня: едва я оказался на обочине, как показалась маршрутка, идущая в сторону Мытищ.

Алена Румянцева Тремя месяцами ранее

После той предновогодней ночи, точнее, вечера, который Алена провела с Ворсятовым, она думала, что больше никогда не увидит его. Однако — ошибалась. Минули новогодние каникулы, и Михаил Владимирович снова позвонил. Записываться к ней в салон не стал, сразу повелел весьма безапелляционным тоном: «Завтра мы с тобой ужинаем в ресторане «Баранки».

С тех пор так и повелось: она встречалась не только с Андреем, но и с ним. Она не могла сказать, в какой момент и когда Андрей заронил в ней идею о том, что им надо бы ограбить Ворсятова. Равно как не могла припомнить, как эта идея овладела ею. Но главное для нее было не это, а то, что будет потом.

А потом они с Андреем убегут. Она — от мужа, он — от жены, и оба — с постылой работы. Купят дом у обрыва в какой-нибудь теплой стране и станут жить-поживать и добра наживать. А потом, когда придут, наконец, покой и воля, тогда, возможно, осуществится самая заветная мечта: у нее появится ребенок. Не удастся забеременеть от Андрея — она пойдет на ЭКО. Не даст результатов эта процедура — возьмет маленького из детдома.

На третье свидание с Ворсятовым Алена ехала с четким заданием от Андрея. Она должна заметить, как называется коттеджный поселок, оценить, что за охрана на въезде, по возможности, посмотреть, как охраняется периметр. Имеется ли сигнализация в самом доме, нет ли там скрытых кнопок, с которых, в случае чего, можно подать тревожный сигнал, в каких местах в особняке и на подъезде к нему расположены видеокамеры.

Обо всем, что увидела, Алена доложила Андрею. Разговор происходил в той же конспиративной квартире. Она прижалась к нему и прошептала:

— Мне страшно. Он большой человек. Он нас найдет.

— Не беспокойся, я организую документы на чужие имена. Ты в ту же ночь сядешь в самолет и полетишь куда-нибудь в Юго-Восточную Азию. Я присоединюсь к тебе позже.

— Почему позже?

— Овца ты! Как я с драгоценностями из страны выеду? Надо будет здесь их реализовать, деньги на счет перевести. А для этого всего требуется время.

— Кто же у тебя золото и «брюлики» купит?

— Есть один человек. Дисконт, правда, серьезный. Буду за тридцать процентов биться. Но даже если двадцать пять или двадцать — все равно нам с тобой до конца жизни должно хватить. Если ты, конечно, правильно увидела, сколько всего у твоего любовничка в сейфе лежит.

— А если неправильно?

— Тогда будем, по ходу дела, у него другие «нычки» выведывать. Не может быть, чтобы такой человек, как Ворсятов, настоящего клада себе не наворовал.

Чего и сколько хранится у Михаила Владимировича в сейфе, больше уточнить не удалось. В особняк он Алену привозил, но сейф при ней больше не открывал, драгоценностей не дарил. Благодарил просто — деньгами: «Купи себе платице какое-нибудь новое». Или: «Сезон весенний начинается, пора тебе пальтецо обновить» — и совал в сумочку конверт, а там — когда двадцать тысяч, когда пятьдесят. При других обстоятельствах она бы возмутилась, но тут молчала. Потому что понимала: она ведь не просто так с ним, ради любви и интереса. И совсем не ради денег. Она с Михаилом Владимировичем встречается ради будущего. Ради того, чтобы однажды сорвать банк и жить, в неге, довольстве и сытости, вместе с любимым Андреем. Поэтому свою обиду и недовольство Ворсятовым она про себя копила, злорадно думая: «Придет час, и я тебе за все отомщу».

Так все и шло, пока Андрей не сказал однажды: «Пора».

Павел Синичкин

Я вернулся к своему толстяку. Принял душ. Выбросил порванную майку, надел другую. Очистил отбеливателем пятна на джинсах.

Валерий Петрович, словно верная жена, ждал меня с обедом. Кормил своих гостей отставной полковник пищей вкусной, но простой и сытной.

В этот раз он приготовил окрошку на квасе. К квасу подавалась свежая сметанка и зелень. На второе предложил свиные отбивные с жареной картошкой. За десертом — все тем же моим вчерашним тортом — я поведал Ходасевичу об утренних похождениях в коттеджном поселке Суворино и подле него. Рассказал, что узнал от охранников, о том, как на меня напали двое на лесной дороге, и, наконец, о моем знакомстве с неуловимым Владом — знакомстве, чуть не завершившимся для меня плачевно.

— Умеешь ты вляпываться, Пашенька, в истории, — укоризненно покачал головой полковник.

— Что я, виноват, что ли?

— Если тебя полиция не ищет в связи с убийством Зюзина, — гнул он свое, — значит, хочет допросить по поводу гибели Вячеслава. А если твоя роль в смерти Вячеслава вдруг оставила их равнодушными — в случае перестрелки в лесу близ Суворино тебя можно вычислить на раз.

— И что теперь?

— Сработай на опережение. Позвони своему другу Перепелкину и расскажи обо всем.

— Вам что, общество мое не нравится?

— Нравится, Пашенька, нравится. Но не вечно же тебе от полиции прятаться.

— Не хочу я больше к Саньке обращаться. Один раз я уже с ним разговаривал. А теперь, после того как некий «полисмен» в Суворино на рекогносцировку приезжал, тем более считаю, что надо держаться от моих бывших коллег подальше. Может, конечно, это всего лишь совпадение. А если нет? Если все концы подчищает не только Влад, но и какой-то полицейский? И я сам пойду ему в лапы?! Знаете, теперь, похоже, все-таки не совпадение. Кажется, на меня и впрямь открыли охоту.

— Значит, мой дорогой, либо ты узнал нечто очень важное, либо мог узнать. Теперь тебе остается только попытаться сообразить, какая такая важная информация могла тебе нечаянно достаться. И от кого.

— Представления не имею. Я вам все о моих похождениях рассказал. Пошагово и дословно.

— Намекаешь, что шевелить мозговой извилиной придется мне?

— Вы из нас двоих аналитик.

— Повтори-ка, о чем тебя Влад в машине спросил?

— О каком-то рейсе. Не рассказывал ли Вячеслав мне про утренний рейс. И о том, кто рекомендовал салон.

Валерий Петрович записал что-то в свою тетрадь и поднял на меня глаза:

— Что дальше собираешься делать?

— Поеду в Сольск. Мне почему-то кажется, что ключи к разгадке могут быть там.

— На чем поедешь?

— Самолет и поезд исключаются — там документы предъявлять надо. Машину мою тоже, возможно, ищут. Значит, зафрахтую такси. А что — после невозвратного аванса от Вячеслава я теперь человек богатый.

— Когда собираешься ехать?

— Сейчас. Только кофе допью.

— Есть у меня один человечек — возит меня на своей таратайке по делам. Хочешь, ему позвоню, он тебя в Сольск отвезет?

— Может, пусть он лучше свое авто мне напрокат даст? Денька на три-четыре?

— Сейчас позвоню ему.

Полковник переговорил по телефону с водилой, и итог оказался положительным. Как следствие, через два часа я стал обладателем восхитительного «фольксвагена-джетты», выпущенного в начале нулевых. Мы сторговались с хозяином на пять дней проката, безлимитный пробег и двадцать пять тысяч рублей гонорара.

В начале пятого я взял курс на Сольск. Впервые в жизни я путешествовал настолько налегке: никаких припасов и личных вещей. Куртка, телефонная зарядка, запас лейкопластыря и антисептика. Чужие запаска, домкрат и насос в багажнике.

Первые километры я заново приспособливался к ручной коробке (у моей «бээмвухи» — автомат). Наконец освоился — и как раз оказалось, что выехал из ближнего Подмосковья и взял уверенный курс на Сольск. Навигатор предсказывал мне около тысячи километров пути и двадцати часов в дороге, без учета пробок. Отчасти трасса моя проходила по Костромской области, и я вспомнил, что уговаривал Зою уехать туда, к бывшей свекрови и сыну, от греха подальше. Интересно, послушалась она меня? В этот момент я понял, что Зоя, мать-одиночка с детенышем Артемом, чем-то запала мне в душу. Что все эти дни, прошедшие с момента нашего знакомства, я о ней не забывал. И будет чрезвычайно обидно, если она не вняла моим предостережениям и попала в новые неприятности.

Номера своего телефона я ей не оставил и ее не узнавал — на всякий случай. Но тоненькая ниточка связи с ней оставалась.

Не снижая скорости, я набрал номер сети салонов «Кейт и Лео». Откликнулся голос, полный дежурной приветливости:

— Салон красоты «Кейт и Лео», Екатерина!

— Скажи, Зоя сегодня работает?

— Нет. Она взяла отпуск на неделю.

— Слава богу. Катя, это Павел, частный детектив. Я был у вас позавчера.

— Да-да, я помню, Павел, — произнесла она парадным голосом и тихо добавила: — Не могли бы вы напомнить мне свой номер телефона? Это очень важно.

Я назвал ей номер своего «левого» мобильного. Раз очень важно, она стала третьей особой, после Ходасевича и Римки, кто знал его.

Спустя минут десять она мне позвонила — наверное, оставила свою вахту кому-то из девочек и выскочила на улицу.

— Паша, мне Зоя поручила вам сказать, если вы будете интересоваться, что она уехала туда, куда вы ей советовали. И еще — что она вспомнила одну очень важную вещь и хотела бы вам о ней рассказать.

— Как с ней связаться? — спросил я, и Катерина продиктовала мне ее телефон.

Я попрощался с ней и тут же набрал номер Зои.

— Павел? — сразу узнала она меня. — Как ваша рука?

После руки, раненной третьего дня, со мной произошло столько событий, что я даже забыл про нее.

— Рука...э-э... прекрасно.

— Я рада. Слушайте, Павел, я хотела вам кое о чем рассказать.

— Ты в безопасности? — перебил я ее. — Находишься там, где мы говорили?

— Да, да. Я еще позавчера уехала, сразу после работы. Все в порядке. Мною больше никто не интересовался. Из «плохих» парней, я имею в виду. А как ваши дела?

— Прекрасно. — Я не стал хвастаться ей, что те двое неприятных типов, что угрожали нам, скорее всего, моими стараниями находятся сейчас в больнице. — В настоящий момент еду в Сольск.

— По работе или отдохнуть?

— По работе. Только что проехал Сергиев Посад.

— Значит, ты почти что будешь проезжать наши края, — снова перешла на «ты» Зоя. — Знаешь, что? Заезжай ко мне в Кострому. Проедешь лишку километров семьдесят, не больше. Зато поговорим — лично, не по телефону.

— Что ж, бешеной собаке семьдесят километров совсем не крюк.

— Когда будешь подъезжать к городу, позвони.

— Это часа через три будет.

— На всякий случай, если вдруг какие проблемы возникнут, давай встретимся в центре, у пожарной каланчи. Они тут это место «сковородкой» называют.

— А официальное название? Для навигатора?

— Сусанинская площадь.

Не доезжая Ярославля, я свернул с федеральной трассы М8 на Кострому. В город въехал, когда время клонилось к одиннадцати, однако было еще достаточно светло.

Я позвонил Зое. Она ответила, запыхавшись:

— Да, увидимся, где договорились, я сейчас буду.

Навигатор довел меня до Сусанинской площади. Пожарная каланча и впрямь выглядела щеголевато, словно памятник старины. Я припарковался в боковой улице у торговых рядов. Зоя появилась неожиданно. Выглядела она отдохнувшей и какой-то расслабленной.

— Привет! Как ты, устал с дороги?

— Нисколько.

— Может, пройдемся?

— Запросто.

Мы миновали торговые ряды. Возле памятника Сусанину громоздились современные коммерческие палатки, по случаю вечера закрытые.

— Ты все над тем же делом работаешь? — поинтересовалась она.

Я кивнул, а потом подумал, что клятвы о неразглашении я не давал, а Зоя, если будет вовлечена в мои дела, скорее что-нибудь вспомнит. И я рассказал ей про свой визит к губернатору и о том, как его обокрали.

— Значит, все дело в Ворсятове, — протянула она.

— Откуда ты знаешь? — удивился я, так как фамилию пострадавшего ей не называл.

— Мы позавчера, после того как ты позвонил в салон, поговорили с Катей, по Интернету полазили и сложили два и два.

Мы вышли на берег Волги. Даже здесь, в русле, главная русская река выглядела просторной и внушительной.

— Что ты хотела мне рассказать?

— Знаешь, — начала Зоя, — на минувшие майские праздники, или на Пасху, как тебе больше понравится, мы с Аленой как-то встретились. Так-то мы с ней никакие не закадычные подруги, а тут случайно пересеклись в кафе. И, откровенно говоря, напились. Во всяком случае, она. А потом вдруг Алена говорит мне: «Зоинька, скоро нам придется расстаться. Навсегда. И обо мне много плохого будут говорить. Но ты не верь никому. Ты знай, что я не хотела. Меня заставили и меня подставили».

— Что ж ты мне раньше не рассказала? В первую нашу встречу?

— Не сообразила как-то. И не доверяла тебе особенно.

— А что дальше в тот день с Аленой было?

— Да ничего. Потом за ней мужик подъехал. Не муж. И, как я теперь знаю, не Ворсятов.

— Как он выглядел? — воскликнул я.

— Сколько я его там видела?! Три секунды, через окно кафе. Он в машине за рулем сидел. Мужик как мужик. Брутальный такой. Среднего возраста. Красивый, вроде. Брюнет.

— Машина какая была?

— Кажется, «лексус». Или «тойота». Да, и еще. Мужик этот был на Алену сердит. Лицо недовольное.

— Ну, еще бы, — хмыкнул я. — Напилась с подружкой. Ни один мужчина не порадует.

Мы продолжали идти вдоль Волги. Вдруг Зоя остановилась и посмотрела на меня:

— Где ты собираешься ночевать?

— Представления не имею. — Я намеревался загнать машину куда-нибудь на площадку для отдыха дальнобойщиков, откинуть сиденье, прикрыться курткой и покемарить часок-другой, чтобы добраться до Сольска с относительно свежей головой.

— Я могу тебя на ночлег устроить. «Хилтон» не обещаю, но отдельная комната и диван приемлемый. Даже ужином накормлю.

— Удобно ли? Ведь у тебя здесь сын, свекровь бывшая?

— Они на даче. Квартира пустует.

— И ты приехала в город ради меня?

— Как и ты — ради меня.

Мы посмотрели друг на друга, и эти слова снова отчасти еще больше сблизили нас.

Мы вернулись к Сусанинской площади за моей «джеттой», а потом отправились к Зое на улицу Лесную. Поднявшись на четвертый этаж, она ввела меня в «двушку-распашонку». На шестиметровой кухне возвышалась старинная, чуть не средневековая газовая колонка. В комнатах — полированная мебель из семидесятых и книги, из тех, за которыми гонялись в те годы, «макулатурные»: Дрюон, Дюма, Драйзер. Окна выходили во двор с уютными тополями.

На кухне пахло жареными котлетами и луком. Последний раз я ел десять часов назад, поэтому от угощения не отказался. Потом Зоя сказала: «Я приберусь здесь, а ты пока посмотри телевизор». Я сел на диван и за-

крыл глаза. В моей голове пронеслись события сегодняшнего дня: охранники в поселке Суворино, жарящие на сковородке пельмени... Два бугая, открывшие на меня охоту в лесу... Влад, любезно подвозящий меня и наставляющий на меня «пушку»... Я даже не заметил, как крепко уснул. Когда проснулся, часы показывали без четверти семь утра. Я поднялся с дивана и заглянул в соседнюю комнату. Зоя спала, свернувшись клубочком под одеялом.

На кухне я поставил чайник и отыскал кофе — даже не растворимый, а настоящий, молотый. Это должно было меня здорово взбодрить перед дальней дорогой. Тут в кухню вошла Зоя, халатик на ней был явно с чужого плеча, казалось, она могла обернуться в него два раза.

— Спасибо за стол и кров, — сказал я. — Мне пора. Девятьсот километров рулить.

— Подожди, я сделаю тебе бутерброды. И кофе в термос налью.

— Нет, мне надо спешить. Я и так злоупотребляю твоим гостеприимством.

— Что ж, тогда, если будешь ехать назад мимо, позвони.

На федеральную трассу я возвращаться не стал, решил взять курс на Нею и Шарью. Стоило приготовиться к отсутствию хороших дорог, бензина и Интернета. По пути, в одном из мест, где мобильник устойчиво ловил, мне позвонила Римка.

— Привет, Синичкин, я выполнила твое поручение. Вчера бросила все и всех, уселась за компьютер горб отращивать и в итоге узнала про твоих Соснихина и...ой, прости, про заказанных тобой персон все, что только можно и нельзя. Типчики еще те, скажу тебе прямо. Куда тебе выслать?

— На запасной адрес.

— Высылаю. Что-то прерываешься. Едешь куда-то, Синичкин?

— Еду, еду. А куда еду — меньше знаешь, крепче спишь.

Тут я подумал еще об одной персоне, которая могла быть замешана в деле, или зная, где находится Алена, или подвергаться опасности оттого, что с нею дружила. Имелась в виду ее землячка Кристина, с которой Румянцева некогда приехала завоевывать столицу. Позавчера телефон Кристины отвечал на иврите, из чего мы с Ходасевичем сделали вывод, что она пребывает в Израиле. Но сегодня она могла, не подозревая ни о чем, вернуться в страну. И попасться в руки Влада и его пособников, которые шли по следу Алены.

Я остановился на окраине городка. Из машины выходить не стал. Сигнал оказался хорошим, и я набрал номер Кристины. Телефон ответил милым

женским голосом. Я оказался прав, Кристина вернулась, и я рассказал ей все напрямик: что я — частный детектив и разыскиваю Румянцеву. Не имеет ли она о своей подруге информации?

Кристина ответила, что не знает, где Алена, но слышала об ее исчезновении. Тогда я предупредил ее о возможной опасности. Упомянул о злодейском убийстве Зюзина, нападении на Зою и добавил:

— Если можете куда-то скрыться, в какое-нибудь глухое место, сбегите хотя бы на неделю. Поверьте, это серьезно.

Кристина, как мне показалось, моему предупреждению вняла. Я нажал «отбой» и поехал дальше.

Пообедал я в кафе для дальнобойщиков очень неплохим борщом и пельменями и без всяких приключений подъехал к Сольску около девяти вечера. На въезде в город меня встретил большой плакат: «Добро пожаловать в Сольск — соляную столицу России!»

На заправке Интернет ловился прекрасно, и я увидел послание от Римки, в сопровождении большого количества зазипованных файлов. Но, прежде чем знакомиться с ними, мне следовало решить насущные бытовые проблемы.

Жилья в Сольске, согласно интернет-сайту, предлагалось множество. Я стал искать комнату в центре города, и не через агентство, а через частное лицо — желательно мужчины. Отмел лица с несерьезными именами Макс и Костик и выбрал солидного Александра Степановича. Тот имел комнату в квартире на улице Радищева, с печным отоплением. Александр Степанович ответил со второго гудка, голос его звучал слегка приподнято, а комната по-прежнему сдавалась.

Александр Степанович встретил меня у подворотни. Мы оставили «джетту» во дворе под липами и отправились смотреть предназначенное мне жилье. Я сразу сказал, что проживу вряд ли больше пяти дней, максимум — неделю, однако заплачу все равно за месяц. Александр Степанович не мог поверить в свою удачу.

Комната мне понравилась: высоченные потолки и окна в тихий двор. Я выложил на журнальный столик десять тысяч и сказал, что хотел бы обойтись без оформления. «Командировку мне никто оплачивать не станет, я сам на себя работаю, а документами своими здесь светить не хочу». Затем пообещал выложить еще «пятихатку», если мое пребывание в Сольске пройдет тихо-спокойно. Александру Степановичу не терпелось пустить мои деньги в дело, поэтому он был согласен на все. Он выдал мне пару дешевых, но свежих полотенец и исчез.

Я принял душ и нырнул в кровать под чистые простыни.

Утро встретило меня птичьим гомоном. Я глянул на часы. Начало седьмого. Конечно, в провинции народ встает рано, однако не до такой степени, чтобы мне следовало бежать по делам.

В комнате имелся никак не запароленный вай-фай. Не знаю, кто проявлял аттракцион невиданной щедрости, мой ли хозяин или его соседи, но я решил воспользоваться быстрым и халявным Инетом и, не вставая с постели, принялся знакомиться с данными, что прислала мне Римка.

Ее файлы гласили следующее. Влад Соснихин, исчезнувший, по словам губернатора Ворсятова, сразу после того, как последнего ограбили, был уроженцем города Сольска и прописан был здесь же, по улице Октябрьская, в доме номер ***, в квартире тридцать семь. Римка приложила фото. Да, на нем был тот самый мужик, что вызвался меня подвезти в окрестностях подмосковного коттеджного поселка Суворино, а потом чуть не подстреливший.

Далее сведения моей помощницы гласили, что он женат вторым браком, супруга — Соснихина Ольга Евгеньевна. Единственный сын от этого самого второго брака, которому девятнадцать лет, временно проживает в Санкт-Петербурге, учится в университете.

Далее был важный момент, Римка даже мне его подчеркнула. На имя гражданина Соснихина в городе Сольске до недавнего времени было зарегистрировано четыре предприятия: ЧОП с красивым названием «Робин Гуд», автосервис «Сплав-12» и два магазина, «Ветерок» и «Солярис». Супруга его, Ольга Евгеньевна, также имела в единоличной собственности несколько фирм: два оздоровительных центра, «Лотос-1» и «Лотос-2», и салон красоты, без выдумки наименованный «Лотос-3». Но! Не далее как два месяца назад все четыре компании, значившиеся за мужем, Соснихиным Владимиром, он переоформил на свою жену, Соснихину Ольгу. Ей перешли и оба его магазина, и охранный бизнес, и автосервис.

Еще было несколько моментов, на которые моя помощница обращала мое внимание. Губернатор Ворсятов, как и Влад, родился в семьдесят третьем. Учились они в одной и той же школе и в одном классе. Правда, сразу после выпускного их пути-дорожки разошлись: Ворсятов в девяностом году поступил в местный финансово-экономический институт, а Соснихин в девяносто первом отправился в ряды вооруженных сил. Отслужив, Влад вернулся в родной город, Ворсятов же никуда отсюда и не уезжал.

Чем в начале девяностых занимался будущий губернатор, документальных свидетельств не сохранилось. Известно лишь, что в девяносто третьем он поступил на службу в местный банк. А Соснихин в конце девяностых несколько раз попадал в оперативную разработку спецслужб, как

вероятный руководитель преступной группировки «Робин Гуд» — впрочем, никаких уголовных дел по поводу него возбуждено не было.

Интересно, что прописаны были Соснихин с супругой и губернатор Ворсятов с женой Валентиной Павловной в одном и том же доме. Попутно Римка переслала мне антикоррупционные декларации губернатора за четыре последних года. Все в них было чисто и благопристойно. Согласно последней декларации, мой заказчик владел тремя с половиной квартирами, общей площадью почти четыреста квадратных метров, земельным участком в десять с небольшим соток, садовым домом, площадью сто пятьдесят метров, автомобилем «Вольво XC60» и лодкой «Фьорд». Доход его за прошедший год составил всего-то четыре с лишним миллиона рублей. Ни о доме в ближнем Подмосковье, ни о коллекции золота-бриллиантов он в своей декларации ничего не сообщал. Чем владел Соснихин, помимо предприятий (которыми, впрочем, он уже не владел), Римке раскопать не удалось.

Я встал, пошел в ванную, почистил зубы и побрился. Простирнул футболку и носки, развесил их сушиться. За стеной немедленно заворочался хозяин. Когда я вышел из ванной, он, шаркая ногами, выполз на кухню, в майке и трениках, с встрепанными остатками волос.

— Давай, парень. Кормить тебя буду. Яичницу уважаешь?

— Да нет, вы не обязаны.

— У меня, как в хорошем отеле! Четыре звезды! Завтрак включен.

Я согласился. Как-то Господь управляет, что все вокруг стремятся меня накормить: Ходасевич, Зоя, теперь вот мой сельский хозяин. Но если первый и вторая кормили меня из личной симпатии, то Александр Степанович, видимо, считал себя обязанным, в связи с тем, что я заплатил ему столь полной мерой. Через пять минут он подал мне аппетитно скворчавшую глазунью — правда, на старой щербатой тарелке и с алюминиевой вилкой, но это мелочи.

— Давай, нажимай, парень! Хлебушек вот бери, маслицем мажь.

— Меня Павел зовут.

— Очень приятно. А ты, если не секрет, зачем к нам пожаловал?

Я подумал, что большой тайны в причине моего визита в Сольск нет — напротив, кто знает, на какой след сможет навести меня хозяин, — и сказал, что я — частный сыщик и разыскиваю пропавшего несколько дней назад Влада Соснихина.

— Ишь ты! — воскликнул дедок, и в этой его реплике слышалась одновременно целая гамма эмоций: удивление, уважение к моей профессии, а также недоверие: неужели специалисты, подобные мне, существуют в жизни, а не только в книгах.

— Вы, Александр Степанович, знаете, кто такой Соснихин?

— Кто ж его у нас не знает! Так он на самом деле пропал?

— Так говорят.

— Значит, дорогу своим друзьям бывшим перешел, — убежденно проговорил дедок. — Вот его и тю-тю!

— А кто его дружки-то бывшие?

— Кто! Про Вячеслава Двубратова слышал? В Москве его третьего дня застрелили.

«Не только слышал, но и видел», — хотел сказать я, но лишь молча кивнул.

— Все они одна шайка-лейка! Губернатор Ворсятов, плюс Двубратов этот, главный у губернатора по части информации, другие его заместители: Крысюк, Зиганшин, председатель областной думы Севостьянов, всякое прочее наше начальство — все они, хапуга на хапуге. Как говорится, власть жуликов и воров. Соснихин Влад как-то от них в последнее время отошел. Не слышно про него стало. Может, не поделили власти с ним чего. А может, задираться Соснихин начал — вот они его куда-нибудь в лес вывезли и шпокнули.

— Как они могли с ним справиться? — подначил я хозяина. — Ведь пишут, что Влад в девяностые чуть не руководителем местной бандитской группировки был.

— Это, как говорится, против лома нет приема — если нет другого лома. Наверняка перегрызлись, как скорпионы в банке. Вот и пришибли паренька. Тут у нас, в городе и области, такое творится — ой-ей-ей! Я много могу тебе понарасказать. Слушай, ты выпить не хочешь? — спросил он с надеждой. — У меня заначка на опохмел души имеется.

— Не могу я с утра, целый день еще работать.

— Ну, а я оскоромлюсь.

Дед достал из пузатого холодильника «ЗИЛ» шестидесятых годов початую бутылку водки, в которой очень грамотно была оставлена примерно треть живительной влаги. Налил себе в мутную, захватанную рюмку грамм семьдесят, с вожделением выпил, крикнул, занюхал черным хлебушком, закусил.

— А вы-то откуда все знаете? — спросил я. — Кем вы работаете, к примеру?

— Метранпаж — знаешь, кто это такой? — хитро скосил он на меня глаза.

— Знаю. Выпускающий газету. Верстальщик.

— Ишь ты! Знает! Так вот. Я был в нашей областной типографии метранпажем. Сорок пять лет трудовой биографии! Полет Гагарина Юрия Алек-

сейча своей рукой верстал. И как Хрущева снимали, и как Брежнев помер, и как Горбачев на трон взошел. А ты говоришь, откуда знаю. Пресса ведь — это четвертая власть. Чтобы воровать безнаказанно, с ней в первую очередь расправляются. А у нас как получилось? И раньше-то редакции да издательства особо не жировали. А как Ворсятов к власти пришел, они там все под себя подгребли... А чтобы воровать сподручней им было, они всех в области по струнке построили. С нас, с прессы, начали. Была у нас такая газета «Красная заря» — ты не смотри на название, власть она покусывала. По мелочам, конечно, до чего могла достать. Однажды вызывает главного редактора Вячеслав Двубратов — он как раз при Ворсятове начальником по информации воцарился — и говорит: давайте, прекращайте огульную критику. Главный, покойный Петр Сергеич, мир его праху, в бутылку полез: с какой стати вы мне указываете? А тот: ну, ладно, как хотите. На следующий месяц приходит платежка: за помещения редакции следует в три раза больше платить! Никакого давления, сплошной спор хозяйствующих субъектов! Петр Сергеич начал искать место для редакции, а ему нигде не дают. Нету, и все. Или цену заоблачную выкатывают. Нашли насилу барак с удобствами во дворе. Продолжили вроде дальше своим курсом идти, на администрацию огрызаться. Тогда им типография в два раза цену на печать задирает. А другого места, где печатать, в области нет. Не будешь ведь из Архангельска тираж возить или из Кирова. Короче, закрылась «Красная заря». Только в Интернете теперь выходит. Да кто его читает у нас, этот Интернет.

Хозяин, разгоряченный воспоминаниями, налил себе еще одну рюмашку, немедленно выпил и продолжил свои обличительные речи.

— Ворсятов наш — над ним все смеются уже — на работу пешком ходит! Без охраны! Правда, и живет возле здания администрации, в «дворянском гнезде» — дом такой в центре выстроили. По вечерам сам в садике свою болонку прогуливает. Дешевый авторитет зарабатывает, какой он простой и доступный, вроде шведского премьер-министра. Да только когда им, всей нашей верхушке, вдруг придет идея погулять выехать — они не в Москву едут — на глазах у верховной власти кутить все-таки страшновато, — а в Питер летят или вовсе за границу. В аэропорту Сольска для себя личный самолет заказывают, со спецобслуживанием и всей музыкой.

— А в Москве-то Ворсятов бывает?

— Как не бывать! Бывает. Там ведь и бюджет, и трансферы. Только он в столицу обычным рейсом летит, и даже в экономклассе ютится... А в Питер на спецрейсах летают, всей кодлой, это мне известно доподлинно,

у меня шурин на аэродроме нашем работает... При том все у нас спокойно, спору нет. Новые времена наступили, не лихие девяностые. Никто никого по улицам не стреляет, с паяльниками не пытаются — все тихо-мирно. Но если на бизнесе какой делец поднялся — к нему сразу: давай, с властью делись. Перечисляй в фонд, например, развития региона. А оттуда денежки вынимают — раз, и на Кипр, в офшор. А не хочешь в фонд ворсятовский деньги давать — будет тебе тысяча и одна неприятность. И налоговая наедет, и санэпидстанция, и пожарная охрана, и все, кто только может. Лучше тихо-мирно отдать. Эх! — Александр Степанович налил третью (и последнюю из этой бутылки) рюмку, выпил и продолжил: — Я тебе, парень, столько всего про наши нравы смог бы рассказать, да только ты ведь не ревизор. Тебя зачем сюда арендовали? Одного жулика и вора найти. Кто тебя, скажи, ангажировал? Жена, что ль, Соснихина? Та еще, между нами, штучка.

Я не стал признаваться, что мой заказчик — столь любимый дедком губернатор Ворсятов, и осторожно закрыл вопрос: «Нет, мой заказчик — другая особа». Потом спросил, что знает Степаныч о прошлом Ворсятова и Соснихина.

— Этого я, парень, не знаю, — покачал головой дедок. — А только есть у меня знакомая, что с губернатором и Владом вместе училась. Может, она чего скажет? Хочешь, найду тебе ее, она училкой работает. Позвоню ей и устрою вам встречу — хочешь?

— Давайте, конечно.

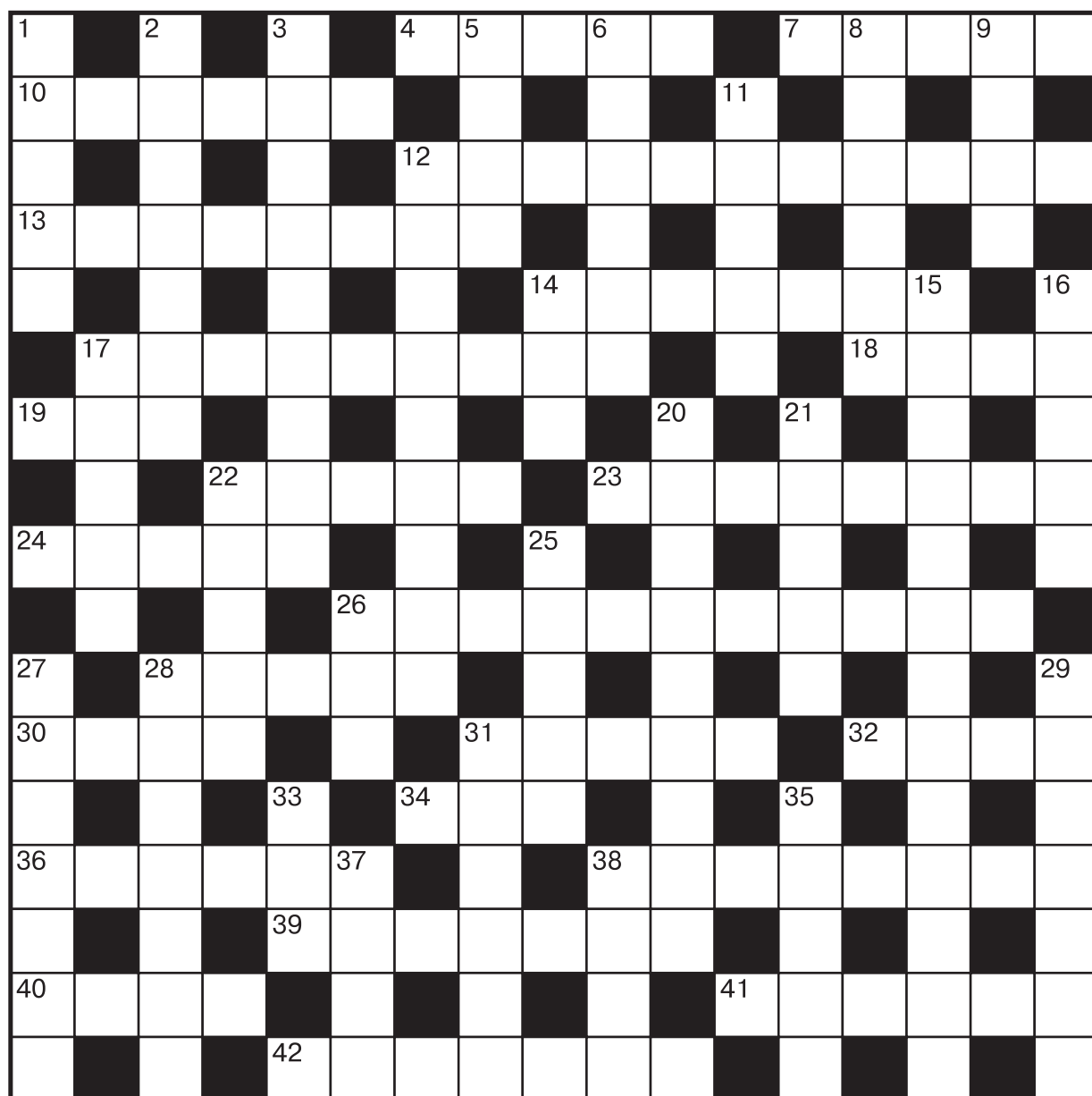
— Ладно. Обедать-то приходи, а я тебя на нее выведу.

Я поднялся. Имея в виду, что довольно скоро мой хозяин отключится, а потом, наверное, пойдет за новой добавкой — и к вечеру, возможно, вновь отрубится, — я попросил у него запасной ключ.

— Ради бога, молодой человек, ради бога! — с готовностью вскочил Александр Степанович. Судя по всему, он опять забыл мое имя. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой узбекский суп практически заменяет целый обед? **7.** Немой наставник. **10.** Какой орган человека «питается» воздухом? **12.** «Осенний марафонец» нашего кино. **13.** Какой Хосе спелся с Пласидо Доминго и Лучано Паваротти? **14.** Кто озвучил самого смешного из итальянцев в приключенческой комедии Эльдара Рязанова?

17. Гроза вратарей. **18.** Чем дают отпор дождю? **19.** Мультяшный котенок. **22.** Кружева быта. **23.** Обувь для акробатического рок-н-ролла. **24.** Роль скрепки. **26.** Какое слово обозначает самый сложный китайский иероглиф, состоящий из 64 черт? **28.** Монгольский монастырь. **30.** Механик органов. **31.** Что обычно у Сергея Довлатова росло в геоме-

трической прогрессии? **32.** Как зовут чеховскую «даму с собачкой»? **34.** Прогулочная форма молнии. **36.** «Месть за проигрыш». **38.** Паспортный ... в аэропорту. **39.** Американский ювелир, чьи украшения носила как Одри Хепберн, так и Мэрилин Монро. **40.** На берегу какой реки в 1717 году по требованию Петра Великого соорудили русскую баню? **41.** «Бандитское гнездо». **42.** Детективный роман «Голубая ...» от Жоржа Сименона.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой окуроч к делу подшивают? **2.** Кто пытается испортить праздник в фильме «Карнавальная ночь»? **3.** Российский бард с персональным памятником в Челябинске. **5.** Что наводит на зрителей хорошо скроенный триллер? **6.** Механический помощник экспериментатора. **8.** Хвороба от бесконечных стрессов. **9.** «Желе», чтобы волосы укладывать. **11.** Народный артист СССР, чей отец воевал в коннице Василия Чапаева. **12.** Кто из великих русских полководцев не получил систематического образова-

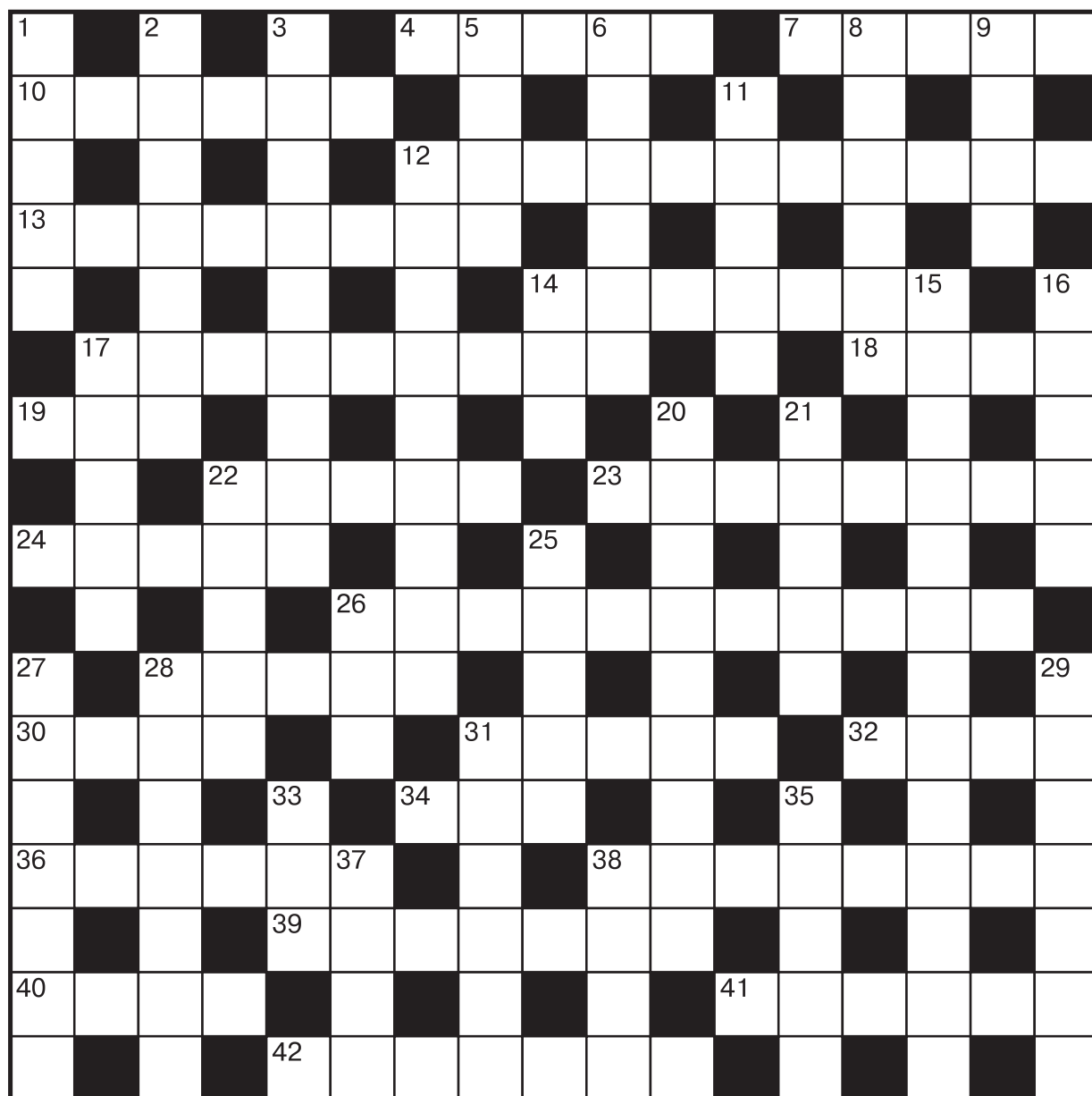
ния из-за недостатка средств у его родителей? **14.** Самая известная иллюзионная династия России. **15.** Талант умилять своим поведением тех, кто тебя вырастил. **16.** «Величайшая актриса в мире» для Клинта Иствуда. **17.** «Дорожные вещи». **20.** Кого в 1797 году единогласно избрали американским президентом? **21.** Лепта в партийную кассу. **22.** Антагонист слабаку. **25.** Действия ради противодействия. **26.** Наказание в чате. **27.** Какое печенье состоит в родстве с валежником? **28.** Паломничество в царство Нептуна. **29.** Какая из дочерей Ларина влюбилась в пушкинского Евгения Онегина? **31.** У какого шансонье группа «Несчастный случай» одолжила свой хит «Если б не было тебя»? **33.** Антилопа с африканской пропиской. **35.** На каком самолете Отто Скорцени вывез арестованного Бенито Муссолини в Третий рейх? **37.** На что в присказке меняют нечто, что древним римлянам заменяла сода или семга? **38.** Спортивная площадка Чикагского университета, где в 1942 году построили первый в мире ядерный реактор.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Гуппи. **7.** Смог. **10.** Барабан. **12.** Парикмахер. **13.** Аккордеон. **15.** Войнич. **16.** Гомер. **18.** Витамин. **19.** Тау. **24.** Плутократия. **25.** Дрожжи. **26.** Анонс. **27.** Ассам. **30.** Лоск. **34.** Сила. **35.** Киноактриса. **37.** Тати. **39.** Вифлеем. **41.** Аудитория. **42.** Сеанс. **43.** Басня. **44.** Горилка. **45.** Дрейф.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Банкрот. **2.** Бафомет. **3.** Гарде. **5.** Улан. **6.** Пшик. **8.** Мухина. **9.** Горечь. **11.** Амвон. **12.** Поликлиника. **14.** Каптенармус. **15.** Вилка. **17.** Раджа. **20.** Гаусс. **21.** Сигал. **22.** Адель. **23.** Поиск. **28.** Ситар. **29.** Магия. **31.** Киплинг. **32.** Гомес. **33.** Устинов. **36.** Вираз. **37.** Токио. **38.** Тиски. **40.** Метр. **41.** Ануй.

ЭРУДИТ

ПОГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Сталинского наркома Генриха Ягоду расстреляли за попытку отравления Николая Ежова через дыхательные пути. Чем именно? **7.** «Заправочная станция» в пейнтболе. **10.** «Эвакуатор» имени Ноя. **12.** Искусство пивоварения у древних греков. **13.** С каким морским зверем Меровинги связывали зарож-

дение своего клана? **14.** Какую форму правления установил в Древнем Риме император Диоклетиан? **17.** Как во времена оны звали нерадивого священника, посылавшего бить во все колокола, но остававшегося при этом дома? **18.** Гречневая лапша у японцев. **19.** Посох Птаха. **22.** Отчим королевича Бовы. **23.** Благотвори-

тельное самоубийство. **24.** Японский единорог. **26.** Страна, где побывал во время одного из своих путешествий Лемюэль Гулливер. **28.** «Дума» при патриархе. **30.** Кто сыграл героя в первом цветном немецком фильме? **31.** Мебельный мастер, чье кресло упомянуто в романе «Отцы и дети». **32.** «Коронный трюк» уличных скейтеров. **34.** Самый южный курорт Французской Ривьеры. **36.** Древний предок наземных хищников, живший 50 миллионов лет назад. **38.** Основание оформления икебаны. **39.** Артиллерийский обоз. **40.** Создатель версальского фонтана Аполлона. **41.** «Адамово лыко» из старинных времен. **42.** Модная «сбруя».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Золотая слива Карибского бассейна. **2.** Московский доктор, участник исторического консилиума у постели смертельно больного Николая Гоголя. **3.** Какие состязания во время Пекинской Олимпиады проходили во дворце «Индун»? **5.** В каком из немецких городов хранят «хитон Иисуса Христа»? **6.** Птица, ставшая национальным символом

Кубы. **8.** Настил на ринге. **9.** Китайский бильярд. **11.** Какой окунь из коралловых рифов меняет окраску с серебристой на красную? **12.** «Неформальный гимн» пионерского лагеря «Орленок». **14.** Желобок по краю клинка. **15.** Метательная машина из средних веков. **16.** Женский танец в масках из Чада. **17.** Внутренний дворик в испанских домах. **20.** «Огненный ливень» вулканического происхождения. **21.** Охотник на мутантов среди роботов вселенной Marvel. **22.** Какого будущего фельдмаршала император Павел Первый уволил из Семеновского полка «за физиономию, наводящую уныние на всю гвардию»? **25.** Физик по прозвищу «Король холода». **26.** Классическая дамская стрижка. **27.** Любимый прием Леонардо да Винчи. **28.** Мужское нижнее белье у японцев. **29.** Апельсиновый соус к утке. **31.** Первый обладатель баскетбольной премии «Тренер года Евролиги». **33.** Что сгубило первую жену Иосифа Сталина? **35.** Внутреннее пространство мечети. **37.** Дополнительный намаз. **38.** Планета оранжевой пыли.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Уполу. **7.** Ключ. **10.** Лобиани. **12.** Танорексия. **13.** Хацоцерот. **15.** «Фиаско». **16.** Чосер. **18.** Косплей. **19.** Ноо. **24.** Подкаменщик. **25.** Акакия. **26.** Эспри. **27.** Айвар. **30.** Глиц. **34.** Таро. **35.** Калининград. **37.** Тане. **39.** Флавиан. **41.** Баттернат. **42.** Лекиф. **43.** Этал. **44.** Форштик. **45.** «Астор».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Воладор. **2.** Фитоген. **3.** Антей. **5.** Пшат. **6.** Лион. **8.** Лосось. **9.** Чаянов. **11.** Цезий. **12.** Тодоровский. **14.** Спектрограф. **15.** Ферма. **17.** Рохин. **20.** Юнайт. **21.** Лидар. **22.** Чанго. **23.** Салик. **28.** Варан. **29.** Ропет. **31.** Царвули. **32.** Хилал. **33.** Пантеон. **36.** Флутц. **37.** Троше. **38.** Налим. **40.** Непс. **41.** Било.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

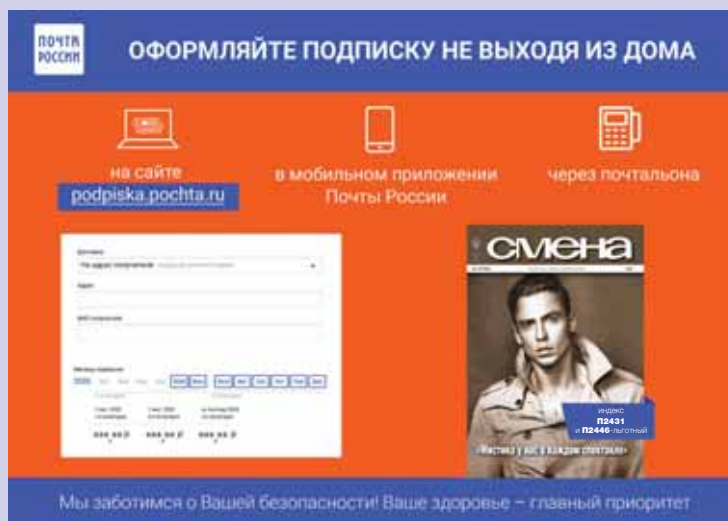
Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет 40702810410150414401		
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет 30101810400000000555		
	ИНН 7714026110 КПП 771401001		
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455		
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет 40702810410150414401		
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет 30101810400000000555		
	ИНН 7714026110 КПП 771401001		
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455		
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

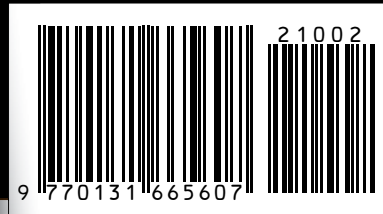
Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.
2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

ВНИМАНИЕ, конкурс!

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению – ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года.

Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

